

К1019798

Н.ТОЩАКОВ

ПОЛЯРНАЯ
МАГИСТРАЛЬ

О Г И З
Г И Х Л

НИКОЛАЙ ТОЩАКОВ

ПОЛЯРНАЯ МАГИСТРАЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1934

Обложка художника М. ЦИБАСОВА

Ответственный редактор А. КОЛЕСЕНЬ.

Технический редактор В. ЯКОВЛЕВ.

Корректор А. ШИЛЯНСКИЙ.

Сдано в набор 17/XI 1933 г. Подписано к печати 17/I 1934 г.
Ленгорлит № 232, Огиз ГИХЛ 2763, Тир. 10250, Зак. № 1251.

Бумага 82×110, 5³/₄ печ. л. Бум. лист. 2⁵/₈.
2-я Типография „Печатный Двор“ треста „Полиграфкнига“.
Ленинград, Гатчинская, 26.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

До станции было не более трех километров. Вахонен шел договориться с начальником отдела тяги инженером Рудным по ряду важнейших вопросов. Запахнувшись покрепче в полушубок, натываясь на крутые сугробы, он думал о том, что мятель наделает немало хлопот. Положение на его участке и без того неважное. Сегодня из-за плохой организации ремонта к поездам не дали двух паровозов. Вчера на лесной ветке, соединяющей лесоразработки со станцией, остался невыезденным маршрутный состав рудостойки. Экспортный карельский баланс стоял неотправленным.

На станции тревожно гудели провода, и местами оторванные листы железа грохотали на крышах. Платформы, пути, вереницы вагонов, паровозы у поездов, — все это исчезало в снежной мешанине. Едва слышны были свистки составителей и сцепщиков, ответные гудки маневровых паровозов и охрипшие рожки стрелочников. Слабо мерцали белые глаза semaфоров.

Пересекая пути, Вахонен направился к подошедшему уже под готовый состав паровозу. При свете факелов бригада возилась около рычагов. В неистово ругающемся машинисте он узнал Семенова.

— Все еще не уехал? — спросил Вахонен. Часа два тому назад машинист этот отказался вести состав. Паровоз оказался больным. Но станцию нужно было разгрузить от вагонов. И лишь по настоянию Вахонена Семенов согласился проделать эту работу. Машинист уже заканчивал ремонт.

— Сейчас тронусь! Машину хоть плечом подпирай, — не переставая работать ключом, недружелюбно ответил он.

— Доедешь, — крикнул ему Вахонен, шагая в управление.

На Семенова он мог положиться вполне.

Вахонен вошел в кабинет начальника отдела тяги. Это была просторная, пахнувшая смоляными бревнами комната

с большим письменным столом посредине. Стены комнаты были увешаны диаграммами, планом района и плакатами.

Несмотря на поздний час, инженер Рудный еще работал. Чисто выбритый, с выхоленными черными усами, с невозмутимым властным лицом, он сидел за столом прямо.

Подойдя вплотную к столу, секретарь ячейки службы тяги Вахонен объяснил причину своего позднего прихода.

— Простите, товарищ Вахонен, — сказал Рудный. — Вы не специалист и не можете учесть всей специфики производства. Вот, — подал он бумаги, — прошу покорно!..

В глазах Вахонена зарябило от мелкоисписанных, аккуратных формул со сносками, пояснениями, незнакомыми буквами греческого алфавита...

Рудный вышел из-за стола, повернув абажур электрической лампы так, чтобы осветить бумаги, остановился за спиной секретаря и, почесав мизинцем левую бровь, принялся объяснять:

— Разрешите мне помочь вам, — сказал он медленно и хрипло, точно от усталости. — Возьмем, например, коэффициент альфа, — и ткнул тем же мизинцем в одну из формул, — иначе процент больных паровозов, есть функция нескольких переменных: мощности паровозов, возраста их, предельного пробега, оборудования участков и главных мастерских и системы организации ремонта. Это точно, это наука! Не правда ли? — коротко взглянул на него инженер Рудный.

Вахонен присел на стул и всматривался в вычисления. Инженер глядел сверху, окидывая его пытливыми глазами, точно впервые видел этот низкий лоб, похожий на картофелину нос, торчащие уши...

«Удивительно несимпатичное лицо! И бывают же такие лица» — думал Рудный.

Секретарь отвернулся от бумаг и, не мигая, уставился на инженера.

— Все это так, — заговорил он. — И мы вам верим, товарищ Рудный... Но, — продолжал Вахонен, — здесь учтены не все переменные... Вы согласны?..

Говорил Вахонен медленно, деревянным голосом. Его слова казались инженеру нудными, митинговыми, заученными по газетным передовицам, а вопрос «вы согласны?» он расценил как замаскированный, деликатный, но настойчивый нажим на его волю.

— Я не досказал вам о переменных, влияющих на про-

ценность больных паровозов, — выдержав паузу, сказал Рудный с едва заметным нетерпением, в котором чувствовалось раздражение.

Полузакрыв глаза, секретарь снова внимательно слушал.

— Взгляните вот сюда!.. потрудитесь вникнуть!.. Большинство паровозов уже пробежало свою норму между двумя капитальными ремонтами. И эти паровозы больны не потому, что была обезличка. Нет, вовсе нет! Болезнь от больших пробегов... От переизношенности, от несоблюдения предельных расстояний, а отсюда — затяжные, более длительные, чем это обусловлено всеми существующими нормами, ремонты... А вы толкуете о людях!..

Он вяло вытер лицо платком, сел верхом на стул, закурил и, упершись грудью в спинку стула, принялся покачиваться всем корпусом.

— Это, так сказать, одна переменная, — продолжал глухо Рудный, — а вот и еще — оборудование мастерских... Ну-с, вот!.. У нас нехватает материала, нехватает деталей, нехватает оборудования. Да и система организации ремонта из рук вон плоха. В депо — эта вечная суетливость, безалаберщина, машинисты пишут в книгах ремонта не то, что надо сделать, и в результате паровоз выходит из текущего ремонта ничуть не лучше, чем он был до ремонта... Я говорю не о среднем ремонте, — его назначаем и проверяем мы, инженеры, — вставил он, заметив испытующее выражение секретаря.

Вахонен терпеливо ждал. Он слушал внимательно и не мог еще понять, к каким выводам придет начальник отдела тяги.

Инженер повернулся на стуле и обнял руками колени.

— В зависимости от всех этих причин нормальный процент больных паровозов должен равняться двенадцати — пятнадцати. А мы «достигли» — тридцати. Следовательно, — решительно махнул он рукой, — вопрос упирается не в спаренную езду, от которой в конечном итоге не уменьшится ведь возраст и предельный пробег паровозов?..

— Что вы предлагаете?

— Я ничего не предлагаю. Но если надо, — значит, надо. Если хозяин приказывает, — работник должен подчиниться. А мы все — работники у НКПС. Но, переключившись на спаренную, нам придется, как говорят, во весь рост поставить вопрос о срочной замене наших паровозов новыми и если не новыми, то по крайней мере хотя бы вышедшими из капитального ремонта.

— А если новых паровозов нет?

— Полноте! — и Рудный привстал со стула. — Надо упираться и нажимать. Мурманская дорога — второе окно в Европу. Заполярный участок — не шутка!.. Тут — апатиты, лес... — инженер не договорил. — Вы, надеюсь, поняли сущность переменных, влияющих на судьбу паровозов?

— Понял, — сказал Вахонен, смотря почему-то в пол. — Вот что: нужно изменить эти самые переменные, раз они переменные... И чтоб функция от них... — он сделал паузу, подыскивая слово, и наконец нашел: — чтобы функция настоящему функционировала... Факт.

Инженер с удивлением смотрел на секретаря. Коренастый, плотный, с пепельным цветом лица, тот крепко стоял на месте.

— Главные мастерские не могут взять от нас ни одного паровоза. Мы должны выкрутиться с ремонтом сами. Может быть, на долгое время помощи нам ждать не придется. Это трудно, — заметил Рудный.

— Вы забыли еще одну переменную, действующую на коэффициент альфа, — опять подчеркнул Вахонен, — о ней часто забывают в технических книгах...

— Я привел вам пример таких переменных, как возраст паровозов, который изменить не в нашей воле, — оправдываясь, сухо сказал Рудный.

— Что вы скажете о бригаде Жукова?

Инженер усмехнулся.

— Это — исключение.

— Но они взяли плохой паровоз, развалину, и сделали его хорошим.

— Вы преувеличиваете. Этот паровоз был не таким уж плохим.

— Ну, а бригада Шершавина? — наступал секретарь.

— Это как раз не те переменные, — улыбнулся Рудный, — которые привел я.

Вахонен опустил голову.

— Вы не возражаете против назначения собрания на завтра?

— Да... Но прикрепить людей к примусам и требовать от них сверхъестественного — я считаю... просто недобросовестной мерой с нашей стороны, — споткнувшись, смущенно закончил он.

— Недобросовестно?!. — мягко заметил Вахонен.

— И притом, — добавил Рудный, — вы слышите, как гу-

дит на улице? — Он отдернул портьеру и указал на залепленное снегом окно. — Ни зги! На примусе пробираться сквозь такой ветер и снег...

— Итак, — прервал его Вахонен, — завтра вы сделаете доклад на собрании. Вы согласны? — спросил он и поднялся.

Тот лишь развел руками.

Когда секретарь ушел, Рудный снова погрузился в свои вычисления. В районе было два основных и два оборотных депо: надо было точно подсчитать и расставить силы...

Из мира цифр его внезапно вывел телефонный звонок.

Говорила жена. Он уловил недовольные нотки, слегка обиженный голос и обычный упрек в том, что он вечно опаздывает к обеду.

— Ну, хорошо... хорошо, — сказал он с досадой, — ириду!..

— Вот и слава богу, — слышался ее отдаленный, точно уносимый ветром голос.

«У Шершавиных именины... переставается обед... и когда это кончится? — думал он, устало надевая шубу, — при чем тут обед, при чем тут именины? А все-таки завтра — доклад, и у нас нет паровозов, и скверно в депо. Да, скверно!»

2

Еще дул резкий ветер со снегом, хотя небо немного прояснилось. Рудный, привычный железнодорожник, презирал непогоду, укрываясь от ветра лишь сдвинутой на ухо шапкой.

По пути шли кондуктора, навьюченные тормозными фонарями, сундуками и веревками. Их высокие темные фигуры в длинных шинелях, сгибаясь от тяжести, появлялись в свете сигнальных огней и исчезали за мятелью.

Паровоз пыхтел над составом вагонов, выводя их за стрелку. Паровоз буксовал. Клубы дыма удушливо ударили в нос; резало глаза. Искры из трубы вылетали огненным букетом и пропадали во тьме.

Инженер осторожно переходил пути.

Первый путь перед станцией был свободен. Ожидался вечерний почтовый с севера.

Переходя путь, инженер Рудный быстро отпрянул назад. Без всяких сигналов на него мчался маневровый состав.

В узком промежутке между путями Рудный простоял в совершенной темноте, пока быстро пробежали перед ним вагоны. У одного вагона была перегрета бунда, жалобно издававшая протяжный стон, похожий на человеческий. Запах подгоревшего масла сопровождал бег товарных вагонов, толкаемых маневровым паровозом. Лязгали сталкивающиеся буфера.

Дежурный по станции ежился на свежем ветре. Он поджидал почтовый.

— И вы разрешили по первому пути маневры? — удивленно спросил его Рудный.

— Сейчас только открыли семафор. Поезд придет не раньше, чем через полчаса, — спокойно ответил дежурный.

Рудного покорило; он не согласился бы ехать с этим поездом.

— Неужели у вас не было другого пути?

— Наша станция, чорт ее дери, узка, как коробка. Да вы не беспокойтесь! Я двадцать лет вижу, что путей нехватает, а поезда все-таки проходят, — успокоительно добавил дежурный.

Рудный прошел в здание станции. Около кассы, сгрудившись, неистово крича и препираясь, стояли за билетами люди. В прогорклом воздухе небольшой комнаты на него пахнуло запахом водки и кислой шерсти.

— И куда только народ едет, товарищ Рудный?

Перед инженером стоял человек небольшого роста в заснеженном длинном до пят пальто.

Он сторонился, давая дорогу инженеру, хотя Рудный стоял на месте. Человек в длинном пальто сам ответил на свой вопрос.

— Конечно, транспорт — потребность человека. До революции из деревни за пять лет один человек ездил по железной дороге, а теперь из этой же деревни сто человек катаются ежегодно...

Инженер Рудный молча кивнул головой. Тот словоохотливо пустился в разговор.

— Я удивляюсь, почему с нашей станции такое большое пассажирское движение? Посмотрите, большинство сезонники, часть спекулянтов... Ну, эти понятно, зачем в Ленинград едут... А сезонники зачем? Ведь у нас здесь работы не оберешься. Отсюда — на юг, с юга — к нам. Почему это? Взять опять же разработки апатитов. Такие залежи! Горы ценнейших месторождений. Каковы будут аппетиты, столько будем добывать и апатитов.

Рудному начинал надоедать этот навязчивый председатель месткома, Николай Иванович Фокин, — инженер знал этого словоохотливого человека.

— Вам передал Вахонен о том, что завтра будет собрание относительно спаренной езды? — спросил Рудный.

— Как же! — весело воскликнул Фокин. — Я по телефону распорядился вывесить в депо и на станции объявления. Дело пойдет! У нас тяговики — народ крепкий. Хорошие ребята! Местком провел предварительную кампанию. Дело — на-мази... Вы не беспокойтесь...

— До свидания! — протянул руку Рудный.

— Всего хорошего! — с чувством пожал руку Николай Иванович. — А вы не в поселок?

— Да, домой!

— Нам по пути. Сейчас вот придет почтовый, и на паровозе уедем... Погодка-то какая!

Из тьмы надвигалась черная, грохочущая масса. Она стремилась к станции, принимая отчетливые формы. Отдуваясь, неся залепленный снегом паровоз. В высунувшемся наполовину из окна будки человеку Рудный узнал машиниста Шершавина.

Вагоны остановились, сияя точками освещенных окон.

— В такую погоду, а глядит весело! Молодец Шершавин! — похвалил Фокин, не отстававший от Рудного. — Побежали, что ли? — предложил он. — А то Шершавин отцепится и живо в депо уедет.

Рудный и Фокин застали Шершавина. Он торопился. Ему навязывали взять с собой товарный вагон. Но вагон был не готов. Пришлось ждать, когда маневровый паровоз подаст его.

— Сегодня тороплюсь: жена у меня именинница! — встретил Рудного Шершавин. — Но погодка-то! Погодка! А! Глаз выткни — ни черта не разберешь. — Правая половина его туловища была покрыта ледяной коркой.

— Знаю, плохо ехать! — сказал Рудный.

— Моя Катерина истерзала бы такого ударника, если бы я запоздал сегодня, — смеялся Шершавин и, стащив пальто, отжимал его около котла. — Заносы! Эта служба пути... Где надо — ни одного щита, — сообщал он и крикнул кому-то в окно: — С вагоном готово? Эй вы, поживее!..

Паровоз тронулся.

Помощник с кочегаром бросали в топку дрова. Пламя освещало их торопливые фигуры.

Шершавин, держась за регулятор, высунулся из окна, стараясь разглядеть путь в свете паровозных фонарей. Мечущиеся снежинки, как белые мухи, мелькали перед бегущим паровозом...

3

В депо Рудный прошел на канавы среднего ремонта. Здесь обточка бандажей, переливка буксовых подшипников, проверка установки паровозных осей, исправление рам, на которых лежит котел паровоза, осмотр цилиндров и золотников, движущихся частей, испытание котлов и всей обслуживающей котлы арматуры.

Рудный осмотрел поднятые кверху паровозы. Один из них поддерживался только домкратами, всей своей тяжестью опираясь на несколько точек. Он поморщился и, ни слова не сказав бригадир, разыскал в конторке своего помощника инженера Гуторовича, заведующего средним ремонтом.

— Распорядитесь сейчас же поставить клетки, — приказал Рудный.

Гуторович вскинул на него широко открытые глаза, не понимая, как поступить: его озадачило приказание Рудного.

— Вы серьезно?.. — замялся он.

— Вполне. Вы рискуете искривить раму.

— Я это знаю, — смутился Гуторович. — Но я уверен, что в таком состоянии паровоз провисит не более двух дней... Если бы он провисел, скажем, неделю — тогда другое дело... — набирая апломба, продолжал он. Но Рудный его перебил:

— Я вам приказываю немедленно исполнить мое распоряжение.

— Но... но... ведь я отвечаю за средний ремонт, — вдруг поднялся Гуторович, внезапно обидевшись. — Вы убиваете мою инициативу! Я сэкономил полдня на установке клеток. За это время бригада слесарей не стояла без дела...

— Я вам последний раз говорю, — не обращая никакого внимания на слова Гуторовича, продолжал Рудный, — распорядитесь сию же минуту поставить клетки. Иначе — это сделаю я! А я не хочу подрывать ваш авторитет.

— Хорошо, я сделаю это, — глухо и враждебно сказал Гуторович.

— Почему вы не представили сегодня суточного рапорта

о состоянии паровозного парка? — спокойно спросил Рудный.

— Сегодняшнее состояние парка точно такое же, какое было вчера, — сказал уже грубо Гуторович, — а переводить бумагу на повторение одного и того же я нахожу бессмысленным занятием.

— Ваша обязанность — представить рапорт... Это никуда не годится... Я ждал до десяти часов вечера...

— А я вот тоже с утра сижу в этой дыре и еще не знаю, когда уйду домой, — уже всердцах сказал Гуторович.

— Надо помнить, что у нас у всех ненормированное время, — сухо ответил Рудный.

— Я это хорошо помню, но контора забывает, что половину рабочего дня приходится сидеть за составлением смет, отчетов, писанием разных бумажек и прочей белиберды. Это Сизифова работа! Это — волокита, бессмысленная, идиотская, никому ненужная. Я, молодой инженер, верчусь около двух канав, — двух канав, над которыми висят изъезженные и издерганные машины... Это не паровозы... это — кастрюли... А меня заставляют превратить их в мощные двигатели... И к тому же без всякого руководства, без всякой перспективы развития предприятия... Вертишься как белка в колесе, как сукин сын жарись на сковородке... Я не хочу больше этой ловли блох... Я имею право на внимание к себе, я имею право требовать, чтобы мне предоставили все возможности для настоящей, творческой работы.

Рудный терпеливо слушал и, глядя на молодого инженера, вспоминал отрывки своего прошлого.

— Довольно! — остановил он, и в голосе его послышались нотки участия. — Я понимаю: вы устали? Не надо! — он помолчал и отряхнул шапку. Потом мягко и тихо сказал: — Я слышу от вас все это в первый раз. Мой долг — старшего товарища — помочь вам. Я готов поэтому в любую минуту дать вам нужный совет по всяким техническим затруднениям... А насчет клеток распорядитесь сейчас же!..

Гуторовичу вдруг стало неприятно от всего того, что он в припадке раздражения наговорил инженеру-начальнику. Ему было стыдно. Он уже негодовал на себя: почему он не послушал Рудного с первых же слов! «Несомненно, Рудный использует этот разговор в своих интересах! — подумал он с ненавистью и возмущением на самого себя. — Дурак, спичка...» Принявшись вместе со слесарями за клетки, он разогрелся на работе и с удовлетворением отметил как значи-

тельный плюс для себя свое участие в черных работах, к которым, между прочим, никогда не прикасался Рудный, — «Знаем мы этих старых спецов... Поскобли его — вредителя увидишь» — думал о Рудном Гуторович, работая у шпал с большим жаром и воодушевлением, чем требовали того клетки.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Сенька Новиков и Андрей Шкутов шли по путям. Обнявшись, они пели хрипло и тяжело, точно волокли вагонетку.

— И по винтику, но кирпичику
Мы поставили этот завод...

— Эй, Венька!.. Екимов!.. Вень!.. — остановился вдруг Андрей, заметив проезжавшего на лыжах подростка.

Запыхавшийся, веселый, дышащий паром, Венька остановился, упираясь палками в снег.

— Чего? — вызывающе отозвался он.

— Постой!.. Ты особенно не того... не чевокай!.. А ты постарайся-ка, братец, раздобыть нам... того... полфедора...

— Ну, выдумал тоже! — высокомерно уронил Венька.

— Ты, братец, потише!.. Старшего двоюродного брата должен ты ублажить, аль нет?

Венька подумал, надвинул на самый лоб шапку, потом сдвинул ее на затылок и поерзал по снегу лыжей. Видимо, он обдумывал что-то серьезное и решительное.

— Ну, чего же ты молчишь?

— А полтинник дашь? — наконец открыл он свой секрет.

Андрей вынул кошелек, отсчитал деньги, прибавив полтинник Веньке. Тот, сняв лыжи, моментально скрылся.

— А мне сейчас на дежурство, — уныло сказал Шкутов.

— Ерунда! Часик поспишь — и будешь работать, как миленький. Старик Серов — хороший старик! Поймет...

— Зам... Зам-мечательный механик! Это правда, — пробормотал Шкутов... — Р-ред... редкостный ч-ч... ч-человек...

И он запел:

— Ой, чокай, пока молод,
Пока девушкам любой...

— Я вчера чокнул! — вдруг, что-то вспоминая, сказал Сенька. — И здорово! Во как!

Андрей повернул к нему лицо:

— И врешь!

— И не вру!.. Хочешь, скажу?

— Скажи!..

— А если не скажу?.. О таком, брат, нельзя трепать!.. — вдруг опомнился Сенька.

— Ты не трепись, а скажи!..

Сенька выдержал длительную паузу, звучно плюнул и снова повернулся к Андрею.

— Только тебе одному, — остановился он, глубоко вбирая воздух, — тебе одному, и никому больше... А ты молчи! Ты должен молчать, как Савур-Могила!.. Понимаешь?

Андрей, раздраженный любопытством, боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть принятое товарищем решение.

— Так вот, — проговорил тот, но круто оборвал речь, взял за плечи Андрея и потянул его ухо к себе.

Тот застыл на месте. Казалось, он не ожидал, не верил тому, что прошептал ему приятель.

— Не может быть? — наконец произнес Андрей. — Ты врешь?

— Дурак, — уронил Сенька. — Если уж на то пошло, то изволь — все по порядку.

Сенька теперь казался окончательно протрезвевшим. Но его раздражал этот пьяный, длинноносый, угрястый парень, раздражал потому, что он посмел заподозрить его в таком деле, в котором он считал себя всегда победителем. Он готов был поклясться чем угодно, наговорить правду и неправду, лишь бы удержать за собой славу удачника у девушек.

— Но как же Алешка Юртанен? — продолжал изумляться Андрюха. — Ведь он тебе не простит... — проговорил он, все еще не в состоянии подавить своего изумления.

— Алешка — теленок! — оборвал его Сенька и щелкнул портсигаром.

Они закурили.

— Алешка любит ее, Александру Николаевну, ну, а любит, так, значит, и не заподозрит чего-либо такого.. Влюбленные всегда такие. Я, брат, механику любви знаю, я,

брат, изучил ее до тонкости!.. — тоном прожженного донжуана убеждал Сенька.

— И все-таки ты врешь! — опять не поверил Андрей.

— Если так... хочешь, как на ладони опишу, что у нее стоит в комнате? — предложил Сенька, начинавший понимать, что он наговорил лишнее, что он напрасно стал хвастаться перед этим лохматым, грубым парнем, что тут могут произойти неприятности.

— Может быть, ты ее только провожал? — допытывался Андрей, точно стремясь вывести товарища из неприятного положения.

— Я и говорю, что провожал от Шершавиных с именин. У нее на квартире был. Эх, баба, я тебе скажу! Ну, такая! Не видал таких никогда... Э-э, да ну тебя к монаху! — махнул Сенька рукой. — Ведь ты все равно не веришь...

Он сплюнул.

— Пойдем лучше в брехаловку и там подождем Веньку. Он найдет!

2

В брехаловке, — так звали вагон, где помещались дежурные при депо бригады, — все были в сборе. Дежурили три машиниста и три помощника. Машинист Александр Иванович Цветков, — полный, здоровый мужчина лет сорока, — обсаывая густые рыжие усы, блаженно пил чай. На столе перед ним лежал пакетик шоколадных конфет, банка консервов, хлеб и домашнего изделия сдобные белые пирожки. Его помощник Бороухин, пожилой, в запущенной бороде с проседью, с тусклыми серыми глазами, с большим носом, изрытым оспой, грыз ржаной сухарь, запивая его кипятком. Машинист Кузичев дремал на нарах, подложив под голову полено. Его помощник Верюжский, молодой парень, сидя у печки, из палки вырезывал ножом шахматного коня. Машинист Серов, согнувшись над лавкой, починял фонарь. Был он подпоясан кушаком, в мерлушечьей огромной папаче, с окладистой бородкой и выглядел точь-в-точь как легковой извозчик, только что слезший с санок.

— Брехаловке почтение! — войдя, приветствовал бригады Сенька.

— Семену Николаевичу, — откликнулся Цветков и протянул Сеньке руку.

— Здорово, ребята! Ты что же это, Андрей? А? — оглядел Серов своего помощника.

— Извини, Василий Егорович... дело такое... Немножко хватанули... Что ж, никто в себе не волен... Сейчас пройдет, — замылся Андрюха.

— Иди лежи, пока работы нет, — посоветовал машинист.

Андрюха, не сказав ни слова, тотчас же полез на нары.

— Не дело все-таки, — заметил машинист Кузичев.

— В местном надо отсылать таких работничков, — повернул лицо к Андрюхе Верюжский.

— Ну, ты там потише, — отозвался Андрей, укладываясь. — Что, я пьян? — привстал он с намерением спуститься вниз и как-то проучить Верюжского.

— Ты не особенно!.. Не боюсь! Телефон — под рукой, и милиция у нас пока еще имеется.

— А ты успокойся и нечего... Лежи и дрыхни, — кинул Андрюхе Серов.

— Видно, и выпили не так уж через край? — спросил Сеньку Цветков, повидимому, желая замять возможный скандал.

— Пол-литровки на двоих, — отозвался Сенька. — Ну, Андрюха известно — какой питух!.. Не закусил, ну, его и развезло... Вот и все «пьянство».

— А тебе, Верюжский, нечего придирааться. Чашка водки для эдакого парня — не велика штука... И ничего зазорного тут нет, — сказал Серов.

Верюжский махнул рукой и принялся снова вырезать коня.

Андрюха не влез на нары. Он присел к Цветкову. Серов заправил фонарь, зажег, пригляделся и, потушив в нем свет, с удовлетворением протер паклей стекла.

— Вишь, старики работают чисто, — указал Цветков Сеньке на фонарь Серова. — Поди, у тебя на ударном паровозе копоты не оберешься?

— На нашем с Шершавиным паровозе?.. Ну, друг милый, зазнаваться не люблю, а и спускать себе цену не позволю. Ударники — это, друг, ведущее звено... Да-с! Наш паровоз работает — во, на большой палец! И невиданная штука!.. Вчера впервые на Мурманке привели поезд по расписанию — из минуты в минуту. Это, брат, не стеклышки протирать, — съязвил Сенька.

— На таком паровозе, как ваш, ударником быть так же просто, как лежать на печке, — заметил Цветков. — А вот попробуй поударничай на паровозах, которые скрипят, как

телеги, и кашляют, как чахоточные! Вот где попробуй уда-
рять...

— Найдутся и для таких паровозов, — вмешался Верюж-
ский. — Вон у Жукова с Юртаненом была машина, что ске-
лет. Похуже чахоточного. А объявили себя ударниками —
и через две недели не узнать паровоза. И другая смена по-
добралась у них, и работа пошла полным ходом. Вот что
значит спаренная езда!

— «Спаренная», «спаренная», все уши прожужжали, —
обозлившись, заговорил Цветков. — Давно ли на обезличку
переходили?... Так же вот кричали... Тоже говорили, что
лучше обезлички не придумать, у американцев, мол, перени-
маем езду; у них высшая техника, у них учиться надо.
А что вышло?... То так ездят, то этак... Только привык,
приспособился — опять новые порядки... Одна только
суета.

— Ты говоришь точно пришедший сейчас из деревни, —
набросился на Цветкова Верюжский.

Он говорил страстно, чувствовалось, что слова Цветкова
его обидели.

— Что получилось? — продолжал он наступать на Цвет-
кова, все еще пившего чай с шоколадными конфетами. —
Съездил разок на паровозе — и махнул на него рукой...
Моя хата с краю...

Цветков усмехнулся и, достав из коробки спичку, поковы-
рял в зубах.

— То же на то же будет! Одна бригада будет хорошо ра-
ботать, а другая ваньку валять. Уж если хотят производи-
тельность паровозов поднять, так лучшего не выдумать:
каждой бригаде по паровозу.

— На отруба перейти? — в упор посмотрел Верюжский на
Цветкова. — Индивидуальная езда? Как при царе было? Так,
что ли?... Эх, Александр Иванович, даже стыдно за тебя!
Грузооборот против довоенного времени поднялся в три
раза, а количество паровозов в полтора. Что говоришь?...

Серов глухо проворчал, как бы ни к кому не обра-
щаясь:

— Ударяй вот тут! Жалованье маленькое. Вон у Бороухи-
на, — показал он на молчавшего все время бородатого по-
мощника, — семь человек детей. Из сил выбьешься.

Телефонный звонок прервал его. Кузичев снял трубку.

— Маймистов? Алло! Кузичев!.. На пятом пути выгоро-
дить 31-25? Да?.. Куда поставить? На седьмую канаву?

Есть! — записывал он на бумажку приказа дежурного по депо.

Надо было набрать дров и воды для нескольких паровозов, выгородить на путях и поставить их в депо на ремонт.

Кузичев, старший дежурный, распределил работу. Взглянув на Шкутова, он не решался доверить ему управление машиной.

Андрюха посмотрел на него и обиделся.

— Не доверяешь, Кузичев?

— Боюсь, Шкутов... Лучше уж как-нибудь без тебя сегодня, — сказал он.

Андрюха поднялся с места и выпрямился во весь свой длинный рост. Он глубоко вобрал в себя воздух и с шумом выпустил.

— Разве я пьян? — краснея, пробормотал он и, точно ища оцувствия, обвел глазами всех.

— Полноте, товарищ Кузичев, что значит чашка водки? Просто комом она попалась парню давеча. Теперь ни в одном лазу, — попытался Сенька защитить своего приятеля.

— Ну, ладно, — согласился, наконец, Кузичев. — Пусть Шкутов идет на вашу машину, поставит ее в депо. На двадцатую канаву... Паровоз — в четвертом тупике.

Обрадованный Андрей молча направился к выходу. У самого порога его нагнал Сенька.

— И я с тобой, Андрюха... Ведь машина — моя! Ну, как я могу ее тебе доверить? — пошутил он и пошел вслед за приятелем.

3

В двух шагах от брехаловки их подждал Венька. Он злился и ругался.

— Тоже идиоты!.. Заставили целый час разыскивать!.. И лыжи пропали... Давай еще полтинник!.. Черти!.. Если не дадите полтинник, — ей-богу, давану о рельсы!.. — Он угрожающе вынул из кармана бутылку и ~~заставил~~. Но Сенька предупредил его.

— Давай сюда, сопливый!

— Отдай полтинник — тогда получишь!

Полтинник пришлось отдать.

Они пошли по путям, отыскивали паровоз.

Сенька сел на место помощника, предоставляя Андрюхе править машиной.

Андрюха пустил пар в автоматический тормоз Вестингауза. Тормоз оказался поврежденным.

— Без тормоза на круг ставить опасно, — вздохнул Андрюха.

— Дай я! — молодецки предложил Сенька. — Меня-то паровоз послушает.

— Ну, если тебя послушает, то под моими руками он танцевать будет...

Сенька решил не возражать и, молча взяв бутылку, откупорил ее.

Он отпил половину и подал Андрюхе.

— Кузичев-то, видал, как раскудахтался? А тебя все-таки здорово разморило!

Тот ничего не ответил, да и не мог отвечать, допивая остатки из бутылки.

— Пьян да умен — два угодья в нем, — наконец сказал он, отрываясь от бутылки. И тотчас же подал установленные свистки, предупреждая стрелочника о необходимости выпустить машину из тупика на главный путь, к обратному кругу.

Когда пропищал рожок стрелочника, сигнализируя о готовности стрелки, они тронулись. Через несколько минут паровоз был уже на круге.

Без тормоза трудно было поставить в равновесие машину. Рабочие, обслуживающие круг, то-и-дело кричали: «Вперед! Назад!...» Андрюха нервничал. Он регулировал ход паровоза переводным рычагом, давая контрпар, когда нужно было остановиться. Переводный рычаг был тяжел, Андрюха вспотел и покраснелся от напряжения. Сенька подзадоривал:

— Пьян да умен — два угодья в нем!

Андрюха рассвирепел и рванул регулятор... Но он не успел перевести рычаг, и паровоз одним скатом тендера съехал на землю...

— Вперед! — кричали рабочие, следя за рельсами круга и ходом машины.

— Дай я! — предложил Сенька.

— Пошел ты... — разгорячился Андрюха и выругался.

Он дал передний ход и, с силой вращая переводный рычаг, сумел все-таки во-время остановить паровоз.

— Ловко? — оскалился он, когда машина стала, плавно покачиваясь на кругу. Ни тендер ни котел больше не перетягивали друг друга.

Из депо Андрюха уходил довольный тем, что он так мастерски справился с поврежденной машиной.

— Чувствовать надо механику! Бывают такие лошади с норовом. Ты ее хоть убей — с места не двинется... — говорил он наставительно. — И что ты думаешь?.. Обойдешь ее, за чолку потреплешь... пошла милая! Так и машина... Тут надо понимать! Паровоз!.. Я его как лошадь знаю!

— Ну, я пойду, — вдруг перебил его Сенька, которому давно уже надоели излияния Андрюхи. — Пойду... Только вот что, — остановился он, взглянув на приятеля. — Ты того... не болтай никому, о чем я тебе давеча говорил... Понимаешь?

— О чем? — удивился Андрюха.

— Ну, вот и забыл... Об учительнице...

— А!.. Чтоб Алешке Юртанену ничего не было известно? — усмехнулся Андрюха. — Ну, ну, ступай...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

За последнее время, — потому ли, что в клубе шли гастроли оперы, или потому, что влюбился, — он неудержимо порывался петь.

Ему и самому было смешно, когда хохотали над его пением машинист и кочегар. А он, стоя перед цилиндрыми масленками, весь засаленный, неуклюжий, в ватном пальто и в широких холщевых голицах, наполняя светлые чашечки масленок черным, жирным маслом, выводил, подражая оперному тенору, «Расскажите вы ей, цветы мои...»

— Юртанен, ты сегодня сожжешь предохранительные пробки, — предупредил машинист. — Смазал, что ли? — и, высунувшись из окна, вглядываясь в сигнальные знаки пути, он открыл регулятор на большую скорость; приближался подъем.

Алексей едва успел завернуть краники масленок.

— Рожу спалило бы, вот и улыбнулись бы девочки, — выкладывая на тендере дрова, заметил кочегар Егоршин.

Но Алексей ничего не ответил — говорить не хотелось. Высунувшись в окно и осмотрев в сотый раз ярко-красный на фоне блистающего снега состав, казавшийся с тяжелого паровоза хрупким и легким, он глядел на убегающие лапча-

тые сосны и плывущие на горизонте горы, окаймленные лесом.

Из-за Хибин выглянуло солнце. Вчерашняя мятель улеглась. Глубокие снега сверкали белизной.

Алексей выглядывал из окна и снова порывался петь. Но надо было работать — следить за паровозом, этим великаном, имеющим слабые чувствительные части.

Знает Алексей, что у каждого паровоза свое неповторимое лицо, как нет и людей, одинаковых до чрезвычайности. И если уживутся, полюбят друг друга паровоз и человек, то идет работа гладко и уверенно — точно и паровоз понимает бригаду и старается не ударить лицом в грязь и в требовательной дружбе хочет от людей заботливости и упорства.

Много паровозов знал Алексей. Знал и стройные, высокие серии «С» и сильные, тяжелые «Э», и упрямые «Щ», и трудолюбивые, низенькие «О».

У каждого паровоза, как и у людей, своя боль и как бы свои думы. Не пойми эту боль, не устрани ее, не проникни в нее во-время, не приласкай живительным маслом нежнейшие места стального чудовища, не прочисти живот паровоза — котел, дай в инжекторы грязную воду, не освежи очисткой дыхание его — дымогарные трубы, — забьется в судорогах паровоз и жестоко оплатит он человеку.

Надо знать паровоз до последнего винтика, и тогда в темные, осенние ночи, сквозь дождь и мглу можно уверенно нестись по мокрым, скользящим рельсам, а в зимние жестокие ураганы не затеряешься маленькой черной точкой в свирепых ледяных снегах.

2

Последняя станция. Поезд, громокая, останавливается. Паровоз отцепляют, и бригада ведет его в депо, в поселок.

Паровоз зарывается в белые сугробы снега и через десять минут вылетает на просторный берег залива, уходящий извилистой лентой к Белому морю. На берегу залива поселок. Депо, контора, жилые строения, бараки и невдалеке поморское село, тесное, с избами, прилепившимися на склонах, с маленькой деревянной церковкой. Если в горах, в белой пустыне, царит тишина, то здесь, в поселке, — несмолкаемый шум. За поселком из горного озера Имандра с вершин Хибин мчится в брызгах и пене шумная, не застывающая и в

лютые морозы река. Поселок стоит на полуострове: с одной стороны — залив, с другой — река. За рекой — горы. Кажется, что они совсем близко: стоит лишь перейти реку — и будешь у подножия, но до них — километров десять. Среди них, проросшая редким сосновым лесом, высится ближняя — Крестовая. На ней в девятнадцатом году отсиживались партизаны, отражая англичан, американцев, итальянцев, чехов и сербов, занявших тогда Мурманскую дорогу. У станции, в километре от поселка, — братское кладбище. Деревянный пирамидальный памятник возвышается над маленькими столбиками и крестами. На памятнике надпись: «Здесь похоронены красноармейцы и партизаны, погибшие в борьбе за освобождение Севера от интервенции. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» На согнувшихся крестиках и столбиках кое-где имеются имена героев. А в лесу летом еще можно найти обоймы патронов, неразорвавшийся снаряд и множество раскупоренных, заржавевших консервных банок, лошадиные копыта, черепа и подковы.

Кочегар Егоршин смеется над Алексеем, вспоминая его хриплое пение дорогой.

— И как ты не устаешь за поездку? — удивляется он.

— Я физкультурник, — отвечает Алексей, поворачиваясь к кочегару.

— Я устаю, — сознается Егоршин. — И притом я всегда голоден здесь, на Севере. Дома, в Псковской губернии, я привык есть картофель, а здесь его не найдешь ни за какую цену. Мало мяса. Все — рыба и рыба. Нет, я здесь не могу жить, я буду просить о переводе.

— Я не думаю уходить отсюда, — говорит Алексей.

— Понятно: ты завел здесь девочку! — И кочегар прибавляет не совсем приличную и вовсе неуместную шутку.

Алексей волнуется, его задевает грубая шутка Егоршина. Но он только бросает:

— Тебе, Егоршин, надо учиться.

Егоршин скалит зубы и вытирает грязным рукавом ватного пиджака под носом.

3

Еще два километра пути — и Алексей увидит Александру. Сегодня он расскажет ей, что первая ударная бригада привела состав на станцию по расписанию, что они сэкономили два метра дров, десять кило мазута и что машинист Жуков

нынче не выпил на дорогу, а кочегар Егоршин лучше подавал дрова.

Он посмотрел на манометр, на уровень воды в водомерном стекле, заглянул в топку.

— Дай-ка, Егоршин, дров!

— Раз!.. два!.. — отсчитывает Алексей. И метровые тяжелые плахи летят в топку, выстилая там ровные поленицы пламенеющих дров.

— Раз! два!.. Раз! два!..

— А!.. да!.. Чаше!.. — выкрикивает помощник. Неповоротливый кочегар становится ловким в движениях. Его пальцы ни разу не задевают пальцев Алексея при подаче. Они увлеклись работой и готовы накидать полную топку.

— Довольно! — бросает Алексей Егоршину.

Машина идет плавно. Не стучит ни один клин, не скрипнет подшипник. Алексей прислушивается: сильные движения паровозных частей ему кажутся равномерным тиканием часов.

«Скоро они сделают паровоз игрушкой, — думает Юртнен. — Но что это Жуков зачастил свистеть?»

— Чорт, катается! — бормочет машинист и снова дергает свисток.

Алексей выглядывает из своего окна. Длинноногий подросток с видом заправского бегуна, приседая по-фински при отталкивании, катился на лыжах с горы, должно быть, намереваясь проскользнуть перед паровозом. Снежная пыль легкими струйками летит от стремительно скользящих лыж.

Жуков, не отнимая руки от груши, продолжал тревожно гудеть. Алексей во всю силу крикнул мальчишке:

— Свертывай в сторону!.. Падай!.. У-у-у, ты...

Мальчишка услышал. Но даже и не подумал изменить взятого направления или упасть набок и зарыться головой в снег, как советовал Алексей. Ему, должно быть, хотелось, чтобы на паровозе малость поволновались, глядя на его фокусы.

Машинист еще раз с силой рванул рычаг свистка и закрыл регулятор.

Но вот мальчишка уже на путях. Его лыжи, упруго прыгнув на запорошенной снегом рельсе, взвились кверху. Еще толчок — и он покажет машинисту нос. Он мгновенно повертывается в сторону паровоза и торжествующе кричит что-то. Но не слышно, что он кричит. В этот миг одна из лыж тычется в следующую рельсу, и мальчишка, отчаянно взмахнув руками, падает посредине пути.

— А-а-ияй!.. А!.. — кричит мальчишка внезапно, точно обезумевший, и протягивает вперед руки навстречу несущемуся паровозу.

— Пропал мальчишка! Пропал! — вырывается у Алексея.

Он рванул дверцу будки и, скользя рукой по котлу, во всю прыть, рискуя упасть, выбежал на переднюю площадку.

Контрпар скрипел в цилиндрах, стучали клинья, жалобно стонала кулиса. Алексей, зацепившись ногами за решетку, повис вниз головой и не отрывался глазами от набегавшего на него человека. Плечо его больно резал прицепной крюк. Перекошенное ужасом лицо мальчугана стремительно летело навстречу Алексею, низко нагнувшемуся к рельсам и судорожными руками ловившему воздух.

Тотчас же что-то звякнуло. Он чувствовал, что его руки сжимают что-то барахтающееся, поднятое им с рельс. Паровоз еще грохотал. Но он не слышал шума. Он слышал только, как треснула лыжа под скатами паровоза. «Какая тишина!» — мгновенно пронеслось в голове.

В глазах у него плыли черные пятна. После огромного напряжения сил он почувствовал вдруг, что теряет сознание. Он очнулся, лежа на рельсах, не помня, как свалился с паровоза вместе с мальчишкой. Над ним стояли Жуков и Егоршин. Егоршин помог ему встать. Шатаясь, он вбирал в себя воздух и с силой быстро выдыхал. Мальчишка лежал где-то там под паровозом. Его тотчас же извлекли оттуда. Он глухо дышал. Из рассеченного лба текли красные струйки, заливая глаза, рот.

Алексей безучастно смотрел на мальчугана, когда тот, распластанный, лежал перед ним и Жуков, обтирая кровь носовым платком, осматривал ссадины. Алексей уронил мальчишку из рук почти перед остановкой паровоза, ранение произошло, должно быть, оттого, что по голове озорника ударила прицепка. Эту рану Жуков нашел пустяковой. Вторая рана была серьезней: начисто отрезаны два пальца левой руки.

— Чем его теперь перевязывать? — недоумевал Жуков.

— У меня в ящике полотенце есть чистое, — еле выговорил Алексей, все еще продолжая шататься от охватившей его усталости.

Егоршин принес полотенце. Жуков разорвал его пополам и вытер лицо подростка.

— Чей это, ребята? — спросил он.

Алексей всмотрелся в бледное, посиневшее лицо парня.

— Тыфу ты, напасть какая! Да ведь это же Венька Екимов! Вот хулиган сопатый! — выругался он. — Из-за него, подлеца, все дышла, поди, сорвали у паровоза.

Он отошел от парня, которого перевязывал Жуков, и принялся осматривать машину. Нехватало одного клина, выпавшего при резком контрпаре. Клин нашелся метрах в десяти позади паровоза.

Оказывается, Алексей волок Веньку перед паровозом метров тридцать. . . Он даже удивился, не поверив, что так долго держал в руках мальчишку, после того как его удалось поднять с пути.

Перевязав, Жуков и Егоршин подняли Веньку на паровоз.

4

Паровоз окружила толпа. Весть о случившемся разнеслась мгновенно. Не успели Ваньку занести в приемный покой, как, расталкивая народ, ворвалась растрепанная, помертвевшая от страха женщина. Она бросилась к Веньке и затряслась.

— Евстоля! Мать! — прокатилось по толпе.

Трудно было оторвать мать от сына.

— Зарезали! Зарезали! Ироды! . . — голосила женщина.

— Ударники зарезали! — сказал кто-то в толпе.

Машинист Цветков, бывший тут же, как и вся брехаловка, шепнул Серову:

— Ехали на все сто. . . Поди, света божьего не видели. . .

— Хвастуны! Тридцать лет езжу, никакого случая не бывало со мной, — угрюмо уронил Серов.

— Не отпущу! не дам! — кричала мать, когда сына ее укладывали на носилки. — Не дам, сама отхожу!

Жуков оттащил ее от носилок. Андрюха Шкутов багровел. Ему было жаль двоюродного брата, жаль мечущуюся родную тетку.

— Брось, тетка! Жив твой сын! — остепенил ее кто-то из толпы. — Благодари, что спасла его бригада.

Жуков успел уже рассказать о поступке Алексея.

— Юртанен спас твоего сына! С площадки схватил его, да не удержал малость. . . Но это — ничего. Могло быть хуже. . . Да, могло быть хуже, — отрубил он, строго смотря на Евстолю, припоминая, как рисковали они машиной.

— Верно, тетка, чего плачешь? — угрюмо сказал Андрюха.

Но тут она набросилась на Алексея и, вцепившись ему в пальто, завопила:

— Зенки выцарапаю, зенки!..

Алексей с силой отвел ее руки. Евстоля зашаталась и, вскрикнув, упала на снег, оставшись лежать неподвижно.

— Женщину бить?! — неожиданно рассвирепел Андрюха и, двинувшись на Алексея, со всего размаха ударил его кулаком в висок.

— Вот вам ударники! — крикнул он.

Юртанен зашатался, но устоял на ногах. Защищаясь от нового удара, он спрятал голову за спину Егоршина.

— Стой! — закричал Верюжский на Андрюху.

— Убил, убил! — заголосила вдруг Евстоля. — Батюшки, ратуйте! Сына зарезали и межя убивают...

— Да замолчи ты, старая карга! — не вытерпев, схватил ее за полушубок Жуков, сильно встряхнул и поставил на ноги.

Евстоля встала и тут же забыла о том, что ее «убивали». С любопытством смотрела она теперь, как длинный, скрипевший зубами Андрюха замахивался снова, чтобы ударить Алексея.

— Так его! — взвизгнула она, когда он взмахнул своим пудовым, красным на морозе, кулаком.

Но удар не попал в Алексея. Егоршин ловко пересек взмах кулака железным прутот, попавшимся ему под руку. Андрюха взвыл от боли: рука его повисла плетью.

— И представление окончено! — сказал Егоршин. — Следующее действие — в товарищеском суде. Вход бесплатный. Тебе, лешему, придется побюллетенить с недельку, — бросил он Андрюхе. — Извольте видеть: у него длинные руки, так и бить всех можно? Овладение техникой! Ты рукой, а я железом... Так-то оно лучше.

— За лыжи хоть заплатите... — опомнилась Евстоля.

— За какие такие лыжи? — удивился Жуков.

— Пятнадцать рублей лыжи-то стоят! — заголосила она. — Из нашего жалованья разве можно прокормить и одеть ребятшек! А тут еще — лыжи... Поломали, а платить кто будет?

— В суд нужно обратиться, тетенька! — вежливо посоветовал Цветков.

— А ты думал, без суда обойдется? — гневно кинул ему Жуков. — Поставлю машину в депо — и всей бригадой к следователю.

— Эй, тетка! Тебя в больницу зовут! — окликнули Евстолю.

Евстоля бросилась к больнице.

— Теперь держись, народ! Теперь гробить будут, как мух, ведь скоро всех превратят в ударников, — покачал головой Александр Иванович Цветков, когда паровоз «26-88» удалялся в депо. — Ты как думаешь? — обратился он к Серову.

— Неисчислимо, — ответил тот.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Алексей спит. В угловой комнате барака тихо. Только слышится глубокое дыхание помощника машиниста. Спит он без рубашки; голые мускулистые руки раскинул поверх одеяла.

У спящего детское выражение лица, и кажется странной мужественная складка поперек лба; ямочка на подбородке выглядит совсем наивно. Он спит крепко, как спят хорошо поработавшие люди.

В комнате Алексея чисто и просторно. Он не заводит себе ничего лишнего: стол, три стула, этажерка с книгами, узкий платяной шкаф и маленький висячий шкафчик для посуды. Под шкафчиком «шарманка», — как называют железнодорожники сундучок из листового железа, неизменный спутник в поездах. За платяным шкафом высятся длинные, изогнутые лыжи. Они смазаны и расперты. На столе — графин с водой. Веселый солнечный зайчик трепещет над печкой.

Алексей открывает глаза. Он сразу садится на кровати и, достав со стула часы, соображает:

«Два часа... Сходить в столовую... Зайти в депо... Часов в пять можно будет двинуться с Александрой на лыжах. Свободна она или нет?.. — гадает он. — В восемь на собрание».

Надевает туфли-спортсменки и открывает форточку. С улицы тянет задорным морозом. Над окном повисла блестящая, тонкая ледяная сосулька.

Алексей становится посередине комнаты, расправляет плечи и раскидывает в стороны руки.

В одних трусах идет он по коридору барака на кухню мыться.

На кухне обычный вокруг плиты букет женщин. Любовь Михайловна Цветкова, жена машиниста, круглая, розовая; ей за сорок, но вздернутый носик выглядит еще молодо. У нее открытая блузка; видны голые, в веснушках, руки, белая грудь. Она без умолку тараторит. Она — вождь женщин барака. Ее примус всегда на середине плиты; а когда топится плита, ее кастрюли на самом горячем месте. Ей уступают во всем. «Она ведь такая культурная» — говорят о ней женщины.

И Бороухина, женщина тусклая, тихая, обремененная детьми, — жена помощника машиниста, — и молоденькая вострушка Катя Шершавина, жена машиниста, и уборщица барака тетя Настя — находят, что Любовь Михайловна рассказывает, как артистка: ее можно слушать без конца.

Она, должно быть, давно начала говорить о самой злободневной теме — ударниках. Алексей слышит из коридора ее громкий голос:

— Мой Александр Иванович тоже объявил бы себя ударником... Дело не в объявлении, а в работе... Конечно, ударникам и карточки особые... выгодно. Но мой Александр Иванович любит порядок. Ехала сегодня бригада Жукова и мальчика зарезала. Разве это ударники? — обращается она к женщинам.

Входит Алексей. Катя Шершавина прихорашивается. Любовь Михайловна, чтобы замять разговор, оборачивается к Алексею и улыбается:

— И вы не боитесь простудиться, Алексей Васильевич?

— Александр Иванович уже осудил нашу первую ударную поездку? — вопросом отвечает он.

— Вовсе мой муж не осуждая сказал, — смущается Цветкова, — а только говорил: ударник должен еще зорче работать. Ведь успехи транспорта больше всего зависят от состояния паровозов! — со знанием дела ядовито замечает она.

— Вам бы доклад сделать у нас в местком! — смеется Алексей и начинает умываться.

— А вам не жалко зарезанного мальчика? — язвит она.

— Когда выздоровеет, я этому мальчику, — подчеркивает Алексей возраст Веньки, — покажу, где раки зимуют, чтобы не лез, куда не следует.

— Какой ужас! — вздыхает она.

Из комнаты уборщицы Насти выходит высокая, с острыми плечами, девушка в юнгштурмовке. У нее крепкие, длинные ноги, плоская мальчишеская грудь; из-под густых длинных

ресниц сурово смотрят большие темные глаза. Ей нечего делать на кухне; она оглядывается и смущенно говорит матери:

— Мама, я сегодня пойду заниматься с пионерами.

Алексей перестает мыться и оборачивается:

— А, Галка, здравствуй!

— Пожалуйста, не зови меня «галкой», если не умеешь назвать остроумней. Я тебя буду звать «воробьем», хотя ты больше смахиваешь на жирного борова.

— Ха-ха-ха! — заливается Любовь Михайловна, и ее полные плечи колышутся.

— Алексей Васильевич вовсе не похож на борова, Нина! — замечает Катя Шершавина и краснеет.

Алексей выпускает изо рта струю воды и заканчивает мыться.

— Сегодня в лавке опять не было картофеля, — вздыхает Бороухина.

— Просто быть ударником таким, как Юртанен, — говорит Любовь Михайловна, когда Алексей уходит из кухни. — Ему что?! Пообедает в столовке, поджарку сготовит вечером... Ни заботы ни печали!.. А нам какво, семейным!..

— Жалование жалованию рознь! — слышит еще Алексей слова тетки Насти.

Он растирается полотенцем. Закрывает форточку и одевается. Натягивает новые суконные галифе, шерстяные чулки, гетры и желтые, на толстой подошве, ботинки; надевает чистую рубашку и легкий английский френч, купленный недавно у матроса в Мурманске. Насвистывает веселый марш, слышанный на-днях в опере в клубе, и накидывает, наконец, оленье короткое пальто. Оленья шапка с длинными болтающимися ушами дополняет его наряд.

2

После поездки Алексей свободен два дня. Может быть, только завтра ночью вызовут его на паровоз. Он не любит проводить дни отдыха в рабочей одежде; притом ему не хочется в эти дни показываться на улице неряхой.

Ему надо идти в столовку; но он делает круг и оказывается у реки, около школы. В широких окнах школы он тайком высматривает Александру. Она ходит по классу, подходит к окну и, равнодушно взглянув на него, точно не заметив, уходит в глубину к последним партам. Алексей пони-

мает ее неловкое положение и, смущенно отвернувшись, спускается к берегу реки.

Кругом в снегах мчатся темные, пенистые воды; ворочаются камни, сдвигаемые стремительной силой. Несмолкаемый грозный грохот несется от реки.

Алексей замечает на середине реки высунувшиеся из воды черные, как головни, морды рыб. Он швырнул камень в одну из голов, и вся стая мгновенно исчезает под водой. Через минуту она показывается снова, но на этот раз — на десять метров выше. Сильные рыбы безостановочно, упорно идут против течения.

«Семга весну чует!» — подумал Алексей, и ему стало радостно.

Он мочит в воде снег и, скатывая влажные шары, бросает ими в рыб. Семга ныряет и снова выставляет свою черную тупоносую голову. Он смеется, попадая в голову рыбы; перепуганная стая долго не показывается.

Бросив последний раз ком, Алексей пошел за рыбами. По берегу протоптана дорожка; по ней поморы ночью подтягивают вверх лодки и спускаются с острогой в руках и огнем на носу лодки вниз, к заливу. С отчаянной быстротой, стоя в лодке, едут они, успевая насаживать на острогу рыбу, освещенную огнем. Видел Алексей, как сквозь черную ночь мчится на пенистых валах утлое суденышко и часто взмахивает острога, выкидывая в лодку рыбу.

Стая семги исчезла. Алексей долго ждал. Рыбы не показывались. Он быстро присел на снежный бугор снега, заметив карабкавшуюся с семгой в зубах, блестящую на солнце, выдру. Затаив дыхание, он негодовал на себя за то, что не взял ружья. Что делать?

«А если не выдра, так хоть рыба останется!» — мелькнула мысль.

— Ату ее! — крикнул он, вскакивая с места.

Только серебристая шерсть выдры блеснула перед ним; зверек с размаха бултыхнулся в воду и исчез вместе с рыбой.

Проходя мимо барака Егоршина, Алексей решил зайти к нему. В этом бараке жили Екимовы и Шкутов. Ему не хотелось встречаться с ними.

На кухне сидит Евстоля. Она молча поднимает на него глаза. Он ждет от нее новых нападок. В конце концов он ведь сделал для Веньки очень многое, неужели она не понимает! Ведь паровоз мог, как пить дать, задавить ее сына, и суд оправдал бы машинистов. Может быть, Венька потом

расскажет о своем спасении. Не станет же Алексей рисовать перед Евстольей в ореоле героя, спасающего бедного мальчика, рискуя в то же время собственной жизнью!

Не успел он пройти и трех шагов, как из кухни выбегает мать помощника Шкутова. Она кричит на весь барак:

— Бесстыжая харя! Все вы вот такие коммунисты... Разоделся как фря... поглядите только на него... Только и знаете, что расхаживать руки в брюки... И чулочки на ножках, — хватается она за кухонную посуду и возит ее так громко по полкам, что гром этот заглушает даже ее пронзительный голос.

Алексей глядит на свои гетры. «Чего это дались ей мои чулки?» А она, громохатая кастрюлями, сковородой, грязная, в заплатанном и заношенном сарафане, продолжает «резать в лицо правду».

«У этой ведьмы, наверное, сундуки мануфактуры лежат» — подумал он.

— А почему ты не оденешь своего Андрюху? Ходит прямо как трубочист! Барахло-то, поди, так и сгниет без пользы? Вынь из сундука да тряхни по народу!

Он попал в точку. Старуха мигом перестала ругаться. Она забыла про Венюку.

— Сначала лошадей да коров забрали в колхозы, а теперь по сундукам пойдете, — еще громче загромохла она кастрюлями. — Нет, голубчики, этого уж не позволят вам!.. Не позволят по сундукам лазить... Вот вам! — и она показала кукиш.

Он понял наконец, что разговаривать с этой женщиной немислимо, — ни один громкоговоритель не переговорит ее, и, чтобы слушать Шкутиху, надо обладать по крайней мере терпением каменной скалы. Алексей, не обращая внимания на ее крики, толкает дверь комнаты Егоршина. Шкутиха продолжает шуметь и громохатать.

Егоршин блаженно спал, свернувшись комочком.

— Эй, вставай! — окликает его Алексей.

Кочегар что-то бормочет, но не встает.

— Третий час.

— Ну и что же, что — третий, — спросонья едва связно роняет он слова. — Шесть часов только спал.

Наконец Егоршин открывает глаза.

— Ночью-то что будешь делать?

— И то правда! — делает попытку подняться с койки Егоршин и, почесавшись, вновь свертывается под одеялом.

Но Алексей стаскивает с него одеяло и открывает форточку. Поток холодного воздуха врывается в комнату.

— Эы!.. — трясется Егоршин и вскакивает, хватаясь за брюки.

— Донял-таки, как Захар Обломова! — хохочет Алексей.

— Какой Захар?

— Есть роман Гончарова «Обломов». Там описывается такой же, как и ты, соня. Право же, скобарь Егоршин здорово смахивает на барина Обломова.

— А ну тебя! — Егоршин бросается к двери и шумно бежит по коридору. Он скоро возвращается и вытирает мокрое лицо грязным полотенцем.

Алексей рассматривает комнату Егоршина. Все-то у Егоршина засалено, разбросано, лежит как попало, даже стол в углу, накрытый драной газетой, и тот стоит как-то в пол-оборота — у него разные ножки: две точеные, одна прямоугольная и одна — нестроганая рейка. На стулья нельзя сесть: они скрипят и валятся набок, когда на них сядешь.

— Почему ты не почиניшь ничего? Не выкрасишь? — удивляется Алексей.

— Пол-дела тебе чистоту навесь, когда у тебя вся мебель новая, — защищается Егоршин, хотя видно по его смеющимся глазам, что ему совершенно безразлично, как будет выглядеть его комната — опрятно или неопрятно.

— Новая? — пожимает плечами Алексей. — Просто ей быть новой, когда я сам, вот этими руками, сделал ее всего пол-года назад.

— Струменту нет! — оправдывается Егоршин, — а то бы я, может быть, сделал бы, — откуда ты знаешь?

— Хочешь, я тебе дам инструменты! — решительно настаивает Алексей.

— Будет тебе! Иди ты к лешему! — отмахивается Егоршин. — Тебе надо наряжаться и наводить порядки в комнате, потому что ты — жених, а я, брат, холостой...

Весело болтая, они идут по коридору. Но на полдороге от выхода Екимов пересекает им путь.

— Расскажи, Юртанен, как это случилось? — и в глухом его голосе слышится горе. — Я узнал об этом только сейчас, придя с работы.

Алексея внезапно охватывает волнение. Ему хочется искренно, по-товарищески рассказать все, как было.

— Как выехали мы со станции... Проезжали мимо кладбища, — вмешался Егоршин. — Венька ваш с горы и пока-

тился на лыжах... озорник, ой, озорник! Ну, Жуков и давай свистеть. А Венька катит, да не как-нибудь, а будто ухарь на тройке, с таким выражением на лице... Ему захотелось перед паровозом проскользнуть...

— Жуков свистел? — переспросил Екимов.

— Как же! Регулятор закрыл даже... И опять свистит... Веньке бы в сторону или упасть... а он — как ни в чем не бывало...

— И регулятор закрыл? — опять спросил Екимов, смотря в пол.

— Ну вот!.. Алексей выбежал на площадку и схватил Веньку, когда он упал на рельсах... и весь сказ.

— Спасибо тебе, Алексей, — с волнением протянул руку Екимов и заторопился:

— Говорят, Венька ничего... Я пойду, узнаю... А ты, брат, не сердись на баб, облаяли тебя, — выдавил он со вздохом. Весь он был осунувшийся от неожиданно свалившегося на него горя.

— Тут и сердиться нечего... Не баба ругается, а горе ее ругается... Я не сержусь, — сказал Алексей.

— Горе-то ведь какое! Понимаешь, один сын, все девочки остальные. Сейчас я в больницу... Ну, до свиданья, до свиданья, — заторопился Екимов.

3

Из столовки Юртанен и Егоршин пошли в депо.

Полукруглое здание до отказа набито паровозами. Тупики тоже полны. Здесь есть паровозы, стоящие без движения со времени интервенции. Заржавелые части, обнаженные от обшивки котлы, поломанные тендеры, погнутые буфера, свороченные площадки, торчащие из-под снега обломки железа, стали и труб.

Около поворотного круга их неожиданно окликнул Жуков:

— Эй, женихи! Почему к теще не зайдете?

— К какой теще? — остановились они.

Жуков с трубой на плече продолжал:

— Теща — паровоз. Машину ублажить, что тещу. Зашел в депо посмотреть, как чинят нашу старушку, а этот Тюрят опять не переменял водопроводной трубы.

Около паровоза «Э-26-88» работала бригада слесарей.

— Вот, Тюрят, тебе новая труба. Ставь, пожалуйста, ее! — сбросил с плеча трубу Жуков.

— Где взял? — сумрачно спросил бригадир Тюриков.

— Старых паровозов в тупиках мало? — вопросом ответил Жуков.

— Грабители! — проворчал Тюря.

— Ставь, ставь! Я еще подниму вопрос на ячейке, чтобы все паровозное старье до конца ограбить. Зря ржавеет.

Осматривая паровоз после ремонта, Жуков тщательно изучал каждый винт, нарезки, гайки. Тюря, сопровождая его, сердился.

— Надо, Алешка, проверить кран Лешателье, а то при контрпаре в котел начал воздух попадать. Вместе с воздухом из дымовой коробки зола, гарь всасывается в цилиндры, попадает в золотники, портится парораспределение, — заметил Жуков.

Алексей поднимается в будку, открывает дверцы топki, подбрасывает дров, накачивает в исправный инжектор воды. В это время Тюриков кричит подручному, изнывающему над водопроводной трубой:

— Тефа! Придется механику сказать... Разве так делают?

— С водой ничего не могу поделать. Прямо за шиворот как и льет, — глухо доносится из-под тендера унылый голос.

— Как ты ключ держишь? — досадует Тюря.

— Лезь сам, если не нравится, — опять доносится тот же голос из-под тендера, и тотчас же показывается черное, с красными губами, лицо.

Алексей спустился с паровоза. Между паровозом и тендером, под железным фартуком, прикрывающим соединения, беспрестанно сочится вода. Кран, запирающий воду в тендере, должно быть, плохо притерт и не прикрывает выхода.

— Лезь сам! — кричит парень старику Тюрикову. — Такой мороз. Пальцы окоченели, а тут еще и в воде купайся.

Заметив нелады на паровозе, другие слесаря подходят к «Э-26-88». Они смеются над подручным, не сумевшим справиться с постановкой трубы.

— Ты бригадиру как отвечаешь? — точно петух, нападает Тюря на подручного, устало вытирающего паклей лицо.

— Их, чертоломов, надо на грязной работе попарить и только тогда пускать на чистую, — с досадой возвысил голос слесарь Ольхов, ценивший только самую ответственную работу и не считавший за дело постановку трубы. Он славился в депо умелой притиркой золотников. После шабрения золотников Ольховым паровозные бригады могли смело положиться на парораспределительный механизм машины.

— Кто, ребята, сделает? — почти умоляюще обращался к слесарям Тюря.

— А никто! — махнул рукой один из молодых слесарей. — Петька согреется и снова полезет под тендер.

— Меня каждый день назначают на мокрую работу. Не пойду! — вдруг заупрямился подручный Петька.

— Эх, вы! — подошел Жуков. — Ну-ка, Егоршин, развернись, тебе надо выучиться слесарить.

— Что же, можно! — согласился Егоршин и, взяв ключ, неумело принялся завинчивать гайки.

— Ты Алешку пошли! — забавлялись слесаря, показывая на его нарядный костюм.

Алексею было жаль выпачкать свою лучшую одежду. Но, видя беспомощность Егоршина, которого немилосердно заливала вода, он не утерпел, скинул свой олений пиджак, френч и остался в одной рубашке.

— Лезь в таком виде, как жених к невесте, поцелуйся с трубой! — зубоскалили слесаря.

— Покажи пример! — заулыбался и хмурый Тюря.

Подручный Петька тоже высунулся из окна будки. Он отогрелся малость и не прочь был теперь позабавиться. Алексей крикнул Петьке:

— Дай тряпки... Посмотри под сиденьем. Вылезай, Егоршин!

— Никак не извернешься! То ключ упрется в трубу, то не подденешь гайки! — оправдывался Егоршин.

Жуков самодовольно разглаживал усы. Петька-подручный неловко, с чувством своей вины спустился с паровоза. Ольхов философствовал:

— Прежде, когда я подручным был, бывало, как курица мокрая, ходишь. Около этих проклятых труб весь издрогнешь. Винтишь, винтишь... поставил — опять льет. А подойдет мастер — чорт, с сажень ростом! — извернется под тендером кошкой — вылезет чистехонек, и нигде ни капельки.

Алексей, засучив рукава рубашки, снял шапку. Ловким движением он проскользнул мимо потока воды и, присев на корточки, крикнул:

— Егоршин, поддержи-ка!

Егоршин направил шланги. Руки Алексея привычно начали запрокидывать ключ. Гайка, другая, третья... Между шлангами уже не лилась вода. Еще десяток движений — и Алексей, обтерев трубы тряпкой, выпрыгнул из-под фартука.

— Каково сделали? А? Видали?.. — торжествовал Егоршин.

— Один возился, нет — другому бы подойти на минутку! — осуждая слесарей, проворчал Жуков.

— Завтра мы еще не то вам покажем! — хвалился Егоршин, уходя вместе с Алексеем и Жуковым.

Около брехаловки Андрюха Шкутов выгонял из тупика паровоз.

— Каково рука действует? — смеясь, крикнул ему Егоршин.

— Попомните меня! — пообещал Андрюха, погрозив забинтованной рукой.

4

С горы перед ними бесконечная снеговая равнина. Солнце садится за Крестовую. От нее вытянулись длинные темные тени. Леса скрылись в ярко-пунцовые и голубые цвета. Ветром пригнанные с тундры, барашки облаков из нежно-белых стали румяными. Облака венчиком разбежались вокруг зари и застыли над горой. Отдаленно гремит река.

Алексей и Александра стоят на высоком берегу залива. Оба они на лыжах. Александра собирается скатиться вниз. На ней белый свитер, белая шапочка и короткая широкая юбка. Из-под шапочки выглядывают вьющиеся черные пряди волос. У нее большие синие глаза и узкие, крепко сжатые розовые губы.

— Едем! — приглашает Александра, отталкиваясь с места и, сначала тихо, но потом все убыстряя бег, мчится вниз.

Алексей с боязнью и восторгом следит за ней. Она летит по воздуху, оттолкнувшись от встретившегося обвала, как от трамплина. Ее правая лыжа опустилась на воздухе носом книзу. Сердце Алексея замирает. Александра, прежде чем опуститься на снег, выравнивает лыжи и несется по горе со стремительной скоростью. Ее палки скользят по снегу; она притормаживает движение. Внизу, у залива, горы ломаного льда. Алексей видит с горы: прозевай она мгновение, не свороти чуть влево — и врежется со страшной силой на острые глыбы льда. Он сорвался с места, взмахнув над головой палками. И, мчась к ней, он видел, как Александра на бегу оторвалась от следа, прыгнула влево, пролетела прогалину и, на секунду скрывшись из виду, вынырнула из коридора между льдинами на ровную гладь залива.

Алексей с учащенным биением сердца догнал Александру. Они молча поехали по заливу, мерно вскидывая палки.

На берегу показалась группа лыжников-ребятишек. Они с шумом раскинулись по склону горы; дружный хохот оживил припавшие в суровом молчании снега.

Алексей и Александра разглядели во главе отряда малышей Нинку Настину. Она деловито устанавливала порядок, затеяв лыжную гонку с эстафетой: устраивала колею для езды, вытаптывала нырки. Ее высокая, тонкая фигура скользила на лыжах от группы к группе.

— Нинка как вожатый пионеров своей молодостью замечательно дополняет нас, старых буквоедов, — говорит Александра и поворачивает к Алексею свое раздуманное морозом лицо.

Алексей готов сказать тысячу восторженных слов о ловкости, гибкости, красоте и молодости ее, Александры.

Ему давно уже хочется высказать Александре свои чувства, но, встречаясь, он больше молчит или же говорит о другом. Его бесит боязнь, что сделает он это неловко, смущенно. И, разгоряченный, он чаще всего говорит с Александрой о паровозе. Говоря об этом, он никогда не собьется, потому что знает и любит машину.

«Кто знает, может быть, она уже не раз слыхала эти глупые излияния?» — думает он и сбоку смотрит на нее.

Она идет рядом с ним. Ее сильные ноги смело гонят лыжи.

— Что с тобой? — оглядывает его Александра.

Чтобы скрыть смущение, он резко вонзает налки и, согнувшись, выносится вперед. Потом оборачивается.

— Нет, право, я ничего... я так...

Она догоняет. Ей понятно замешательство Алексея. Алексей видит это по смеющимся глазам, в которых скрыто лукавство.

Он хмурится и быстро работает палками.

— Алексей, дожись! — кричит Александра.

Он делает круг, возвращается к ней и, не желая этого, отвечает почти сердито:

— Вон уже Нинка собирает школьников! Поедем к ним! Да и скоро итти на собрание.

Она тоже почему-то хмурится. Отъезжает от него и быстро бежит по снегу. Он не спешит.

«Догнать бы» — нерешительно думает Алексей.

В гору они поднимаются медленно. Оба выглядят усталыми.

Солнце скрылось за Крестовой. Заря погасла. На небе выпали большие, яркие звезды.

Нинка собирает свой отряд. Ребятишки окружили Александру. Им хочется показать свои успехи в бегании на лыжах. Нинка неумолимо гонит ребят по домам. Веселой говорливой толпой все едут на дорогу, к поселку.

Александра идет между школьниками. Ребятишки наперебой рассказывают ей волнующие их события: о зайчишке, пойманном сегодня, о выдре, что выбросила на берег семгу, и о большом камне посередине реки, подвинувшемся вниз по течению...

Алексей сзади всех. Он злится на Нинку с ее ребятишками, помешавшими ему. Нинка тоже хмуро вышагивает за группой. Живя с ней в одном бараке и часто встречаясь, Алексей всегда старается рассердить ее. Ему кажется она такой забавной — вечно деловая, с сердитым взглядом, плоскогрудая, похожая на мальчишку.

Он в два прыжка догоняет ее и сильно хлопает по плечу. Нинка замахивается палкой.

— Отстань, боров!

— Я знаю, в кого ты втрескалась, Нинка!

Она живо заинтересовывается.

— В кого?

— В Веньку Екимова!

Нинка возмущенно подергивает плечами.

— В хулигана? — всплескивает она руками и возмущенно отворачивает лицо.

— Замечательный парень! — продолжает Алексей. — Он сегодня задал нам трепку. — И он рассказывает про случай с Венькой.

Она жадно слушает и идет близко от Алексея; лыжи их скользят вплотную.

Группа ребятишек тает.

То-и-дело раздаются восклицания:

— До свидания, Александра Николаевна!

— До свидания, Нина!

— Дядя Алеша, прощай!

Ребятишки расходятся по домам.

Алексей вслед за рассказом о Веньке говорит о паровозе. Об этом он может говорить лучше, чем о любовных делах. Речь у него выходит смелой.

Алексей проводил Александру до крыльца. Нинка ушла домой.

Кто-то прошел мимо них; они сторонятся на узкой тропке, и Алексей невольно придерживает руку Александры.

Она вскидывает голову и смотрит на звезды. Алексей тоже поднимает глаза вверх. Звезды необыкновенно яркие и крупные. Белея на горизонте, собирается сполох. Первые полотнища света тихо плывут по зениту и исчезают.

Александра живо вбегает по ступенькам и открывает дверь.

— Зайди, Алексей! — зовет она, стараясь произнести эти слова как можно спокойнее.

Он улавливает по напряженным ноткам ее голоса скрытое смущение и делает вид, что заходит к ней с тем, чтобы взять книгу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Инженер Рудный шел на собрание. Широкоплечий, высокий, немного сутуловатый, он крупно шагал по дороге к клубу. За ним, еле поспевая, семенила его жена, Анна Ивановна. Задышавшись, она догнала его и с сердцем остановила:

— Долго ли ты меня будешь мучить?

— Аня, ты сама себя мучаешь.

— Довольно издеваться! Возьми под-руку, я устала.

— Можно было бы и не итти!

— Значит, вечно сидеть дома!.. Ты везде ходишь... на людях, а я одна... Сегодня после собрания выступают артисты.

— Я служу... мне нельзя сидеть дома. И сейчас мне необходимо итти по служебным делам.

— Ты хочешь, чтобы и я служила?.. Тебе тяжело меня прокормить?

— Я этого не сказал. Если бы мне не надо было итти, я, может быть, сидел бы дома.

— «Может быть»?.. Вот именно — ты никогда не сидишь дома.

Рудный промолчал. Он знал по многолетнему опыту, что переспорить жену трудно. Ее привычка истолковывать по-своему каждое сказанное им слово раздражало его.

Вот и сейчас, взяв жену за локоть, он уже тщетно пытался сосредоточиться на предстоящем докладе.

Сын мелкого банковского чиновника, Рудный, окончив путейский институт, женился на дочери петербургского купца. Купцу нужен был зять-инженер, чтобы пощекотать перед знакомыми свою спесь, кроме того, купец имел тайное желание подвизаться на выгодных тогда подрядах на железной дороге. А на таком деле нужен был «свой человек, своя знающая голова».

Рудный пришел в купеческий дом из бедной многочисленной чиновничьей семьи. Живя репетиторством, голодая, он мечтал зажить большой, сытой семьей.

Но зажить так, как мечтал студент Рудный, инженеру Рудному не удалось. С первых же дней, подражая «шикарным дамам», купеческая дочь Анна Ивановна не пожелала иметь детей. Купец-тесть потребовал от зятя-инженера «жизни на высокую ногу, чтобы даже в Париже об нас знали». И предложил зятю верное средство нажиться — «рука сгибается к себе, а не от себя». Но брать взятки, спекулировать не было в правилах бедного студента, из головы которого еще не окончательно улетели студенческие мечты о революции. Впрочем, и этим остаткам суждено было скоро развеяться. Перепуганный первым серьезным штурмовым натиском, он решил уехать куда-нибудь в глушь, отсидеться в тиши. Рудный двинулся на север. Там, думал он, революция его не достанет.

На север пришли войска «союзников». Инженер Рудный был свидетелем возвращения «доброе старого времени», как говорила его жена. Но он ужаснулся этого возвращения. А жена ездила на острова с «такими галантными иностранными офицерами», посещала банкеты и танцевала, восхищалась американским шоколадом, английскими сигаретами, французским языком и «такими милыми, печальными глазами итальянцев».

После разгрома интервенции он работал вместе с большевиками, отдавая делу все свои знания и опыт, работал и верил в силы революции...

И вот теперь, пройдя вместе с победившим пролетариатом годы разрухи, инженер Рудный выдвинулся на пост руководителя ответственного дорожного участка. Работал он добросовестно и гордился успехами, но всякий успех односторонне казался ему результатом логики его чисто технических наблюдений и выводов. «Это наука, это точно» — любил повторять он.

Неизменно робея перед каждой выдвигаемой жизнью

трудностью, он все-таки умел правильно учесть ее размеры. А технические его схемы, наполняясь решимостью уверенных в деле людей, хотя и получали некоторые коррективы, тем не менее помогали этим людям побеждать лестницу трудностей. Но Рудный вот и сейчас чувствовал себя беспокойно, подходя к месту собрания.

2

... На предварительном общепартийном и комсомольском собрании подручный Мишка горячился:

— Размежевать ремонтные бригады партийные и комсомольские от беспартийных. Наших ребят, в силу партийной дисциплины, можно прижать, а беспартийных нельзя: пошел, говорят, к чорту. Сегодня подручный Петька не подчинился бригадиру Тюрикову: не стал водопроводную трубу ставить — и все... А старик Тюря — мягкий, нажать не может.

— Ересь порешь! — перебил Вахонен. — Наоборот, хороший партиец должен быть среди беспартийных и быть примером, создавать настроение, организовывать.

— Пусть так! — согласился Мишка. — Я-то о чем говорил? О том же!

Вахонен улыбнулся.

Слово взял Николай Иванович Фокин, председатель местного.

Как всегда, он говорил многоречиво. Об индустриализации, пятилетке, решающем годе, сплошной коллективизации, кризисе капитализма, бурном росте социалистического хозяйства и в то же время он не говорил ни единого слова по существу вопроса.

Секретарь Вахонен внимательно слушал и что-то соображал.

Фокин был неизменным председателем общих собраний; его охотно слушали, выбирали в комиссии. Николай Иванович соглашался и, отчитываясь, делал обстоятельный доклад, уснащая его самыми новейшими политическими терминами. И сегодня он говорил много о спаренной езде.

— Какие организационные меры ты предлагаешь? — спросил Вахонен.

— Тут все ясно, — необычайно авторитетным тоном сказал Фокин. — Возглавить движение масс, усилить работу по заключению содоговоров, поднять ударничество...

Когда Фокин кончил, слово взял Гуторович. Он был бледен. Рука, державшая бумажку, дрожала — он говорил по записям. Гуторович, видимо, не умел говорить, и потому то, что он неожиданно выпалил, получилось неестественно, как-то фальшиво и дико.

— Я обращаю внимание собрания на поведение инженера Рудного. Почему он не согласен столь долгое время с переходом на спаренную? Я считаю это вредительским актом. Да... Недавно он распорядился выпустить паровоз с незаконченным ремонтом, основываясь на том, что не было паровоза под поезд. Это, товарищи, что такое? А? Машина вернулась совершенно растрепанной. Если мы говорим о плохом состоянии бригад к паровозам, то при этом надо не упускать из виду и отношение к тяговому хозяйству старых спецов. Инженер Рудный мне, партийному инженеру, не доверяет. Что это такое? А?.. — Выпалив все это точно из пушки, Гуторович торопливо сел, стараясь держать себя непринужденно, но выражение лица выдавало его — он все еще продолжал волноваться.

— Кто выскажется по существу? — обвел глазами собрание Вахонен.

— Разве я сказал не по существу? — дернулся на своем месте Гуторович.

— Дайте-ка мне! — медленно и тяжело поднялся машинист Кузичев. (Его помощник Верюжский давно уже шептал ему о чем-то на ухо).

— Видите ли, — продолжал он, — при переходе на спаренную потребуется переоборудование депо. Я полагаю, что ни одна бригада не захочет иметь плохой паровоз; поэтому нужно будет увеличить пропускную способность канав с подъемными сооружениями, то есть больше паровозов должно пройти средний ремонт и притом в возможно короткий срок. Инженеру Рудному и Гуторовичу предложить составить план переоборудования депо и провести его в жизнь в наименьший срок.

— Рудный уже составил план и еще вчера мне говорил о трудностях, — заметил Вахонен.

— Значит, никакого вредительства нет и не было, — уже всерьез как бы заключил Кузичев. — Он подготавливал техническую сторону, мы должны были подготовить массы. Я считаю заявление Гуторовича необоснованным. Да, необоснованным и голословным. И хотя он инженер, а я машинист, но говорю, что и Гуторовичу, инженеру, следует учить-

ся у Рудного, а не задирать нос кверху, — я, мол, пролетарский инженер, так и являюсь тем пупом земли, вокруг которого вертится советская техника. Поскольку ты, Гуторович, еще молодой инженер, — тебе надо освоить еще маленькие части производства, чтобы по-настоящему понять и все большое. Есть пословица: «Дурак берется скорее за большое дело, чем за маленькое».

Кругом засмеялись. Гуторович позеленел от злости. Он все не ожидал получить такую отповедь со стороны незаметного партийца-машиниста Кузичева. А тот продолжал:

— И о брехаловке поговорить надо... Брехаловка у нас до сих пор — зло. Там и водку распивают и спят на дежурстве.

— А кто там старший дежурный? — спросили из массы собравшихся.

— Трое нас, и я в том числе! — ответил Кузичев. — И меня надо крыть. На моем дежурстве также было все нехорошее. Брехаловку надо всю раскассировать. Молодых машинистов и молодых помощников обязательно послать в поезда, оставив на каждую смену ответственного партийца.

— И тебя, значит, оставить! — посмеиваясь, перебили его.

— Как постановит собрание, так и будет! Я говорю о моральном действии брехаловки. В моей смене свили гнездо Цветков и Серов. Свободные от работы бригады вечно лезут в брехаловку поболтать. Такие, как Цветков и Серов, словечком, замечанием создают соответствующее настроение. Надо их пустить в поезд. В поезде меньше болтать придется, меньше встречаться с другими. А то в брехаловке каждый день тридцать-сорок человек перебивает. Я кончил.

— Сегодня Андрюха Шкутов с Сенькой Новиковым пили, — вставил Верюжский.

— Я вот ничего не понял из предложения Николая Ивановича! — с места буркнул Жуков.

— Может быть, у тебя есть предложения?

— Есть немного. Надо при переходе на спаренную назначать хороших машинистов на плохие паровозы, с тем чтобы хорошая бригада и из плохого паровоза сделала хороший.

— А плохая бригада довела до ручки хороший паровоз? — возразили Жукову.

— Тогда, — согласился он, — на паровоз назначать и хорошую и плохую бригады: паровоз не будет ухудшаться, и одна смена будет подгонять другую.

— Это верно! — загудели кругом.

— Для ремонта надо установить точные сроки. Иначе прикрепленные бригады, для того чтобы не подклячь с паровозом, будут после поездки писать большие ремонты, а отсюда — простой и паровозов и бригад. И прав, конечно, Рудный, — я тоже напоминание делаю товарищу Гуторовичу, — который выгнал паровоз из просроченного ремонта. Тут виноваты бригады слесарей, во-время не справившиеся с ремонтом. А Рудному надо было, вынь да положь, машину.

— Опять меня? Что вы, ребята! Покрыли раз — и хватит! — заметил Гуторович.

— Попробуй еще раз так выскочить, как сегодня! — ответил Жуков. — Великая штука — инженер! У меня у самого сын на инженера учится... Мы вас учили, изволь у нас поучись, как дела решать... Горячки много!

— К делу! — остановил Вахонен, прерывая Жукова.

— Я о деле и говорю, — возразил Жуков. — Значит, надо произвести самое тщательное прикрепление бригад, чтобы паровоз и бригада дополняли и укрепляли друг друга. Так, кажется?..

— Отберут у нас с тобой нашу машину! — вздохнул Алексей.

— Первый объявляюсь на самую скверную машину! — решительно бросил Жуков.

— Вишь, себя считает хорошим машинистом!.. «На плохую»!..

— Да, не только себя считаю машинистом неплохим, а вызываю и других механиков подготовить кочегаров в помощники, а помощников в машинисты! — с сердцем сказал Жуков и с достоинством расправил свои жесткие черные усы.

Встал секретарь ячейки комсомола Сашка Кенсоринов. Молодой парень, он напористо предложил Гуторовичу организовать участковые трехмесячные курсы по переподготовке работников. Относительно же ударной комсомольской бригады, о которой говорил Мишка, Кенсоринов обещал позаботиться.

3

Александр Иванович Цветков имел пятнадцатилетний рабочий стаж. Он начал службу на паровозе кочегаром, поступив на железную дорогу за месяц до мобилизации на империалистическую войну. В деревне, где родился Цветков, у отца его было крепкое хозяйство. Он мог бы великолепно

прожить и не служа нигде. Но из боязни быть мобилизованным он решил не уходить с транспорта. Еще вот и сейчас, в сорок лет, он не переставал мечтать о своем доме, своих лошадях и коровах. Правда, он понимал, что мечтать сейчас о своем большом хозяйстве в деревне нельзя, — отец его был раскулачен; но в крайнем случае Цветков рассчитывал уйти на покой, купив в каком-нибудь городке домик с огородом, обзавестись скотинкой и «ковырять землю» — бывшего рабочего с большим производственным стажем не тронет никто. Деньги копил он, начиная со времени голода, хитро и изворотливо мешочничая. Если, например, в профсоюзе начинали поговаривать о сомнительной его деятельности, — он переводился в другое место, но спекулировать не переставал.

В заполярный участок Александр Иванович прибыл по соображениям прибавки к зарплате.

«Накоплю, — думал Цветков, — округлю капиталец — и тогда баста: домик — и никаких».

Так и решил с женой. А тут началось: индустриализация, коллективизация, всякое такое...

— Теперь сиди тихо, — сказал он однажды жене.

И притих.

Теперь он уже не хвастал своим культурным хозяйством. Никому не говорил, что семья его — самая известная в деревне.

Зачем служить, чего добиваться? Заработайся в доску, накопи денег, а все из себя серячка-беднячка строй. Никакого простора. Теперь вот ударяй во славу третьего, решающего года, соревнуйся. Где-то там для всех наступит богатая, сытая жизнь... Для Александра Ивановича она могла бы быть сегодня, сейчас.

— Будем ждать! — резонно говорила Любовь Михайловна. — Не все же будет так! Ну, настроят коллективов, порастают по плану... Не выйдет ничего — и снова по-хорошему будем жить... Как в двадцать шестом или двадцать седьмом, когда все было: и мука, и сахар... все, что душа желала.

Сидел в зале Александр Иванович, и скучно было ему слушать Вахонена, бросавшего со сцены боевые слова.

Прогулы, пьянство, сон на дежурствах, неисполнение распоряжений, порчу оборудования и подвижного состава, халатность, вредительство, кражи крыл Вахонен и, не щадя, называл лица, подрывающие трудовую дисциплину.

На сцену неожиданно вышел машинист Екимов. Он не-

смело придвинулся к столу президиума и ухватился за спинку стула.

— Товарищи! Я ушел сегодня с работы... потому что, потому что... — волновался он, — у меня сегодня случилось несчастье с сыном... С Венькой!.. Больше никогда этого не будет... Объявляю себя ударником!

В зале зашумели...

С докладом о переходе на спаренную езду выступил инженер Рудный.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Венька Екимов вышел из больницы. Он отделался пустяками: нехватало двух пальцев на левой руке. Ходил он по поселку с забинтованной рукой и грозил подать на бригаду в суд. После поездки Жуков писал в донесении о происшедшем; следователем было произведено дознание и составлен акт. При встречах с Алексеем Венька сворачивал в сторону и не здоровался. После больницы он как будто вытянулся — стал выше ростом, ходил, покачиваясь, вразвалку, заложив здоровую руку в карман, больную держал на перевязи и попрежнему хулиганил около клуба. А если нехватало силы, выставлял вперед больную руку и кричал наступавшим на него ребятам:

— Тронь! Тронь только!.. Узнаешь, где раки зимуют.

Отец уговаривал сына вести себя лучше, но это не помогало.

В отсутствие отца Евстоля, запомнив совет Цветкова, твердила Веньке:

— Подай в суд! Пусть бригада тебе алименты платит. Герман Тарасович — защитник — выхлопочет... Он все может.

Шкутиха озлобленно бубнила про бригаду:

— Они — ударники, они, может, в два раза больше получают, чем твой отец. Пятьдесят или семьдесят рублей назначит суд — большие деньги. И пальто и брюки суконные заведешь, пиджак, ботинки с галошами. А от батьки жди, когда он еще купит тебе хорошую одежду! Ты уже большой — наряжаться пора.

Евстоля пошла к Алексею для предварительных переговоров. К Жукову она боялась идти, а Егоршин только смеялся над ее происками.

Алексей жил с Александрой. Он готовился в машинисты и читал пособия по ремонту.

— Я так и не знаю, Алексей, кто ты, откуда?

Алексей улыбнулся.

— А разве я знаю о тебе?

— Да что знать? — сконфуженно сказала она. — Стоит ли рассказывать, как я училась, голодала...

— То же самое у меня, — перебил он, — погиб на фронте отец, умерла мать... Грустно.

— Не надо! — остановила Александра.

Пришла Евстоля.

— Здравствуйте! — смиренно поклонилась Евстоля.

— Чего, тетка? — спросил Алексей, узнав мать Веньки.

— До вас есть дело, Алексей Васильевич, — сказала Евстоля, откуда-то узнавшая его отчество.

— Говори! — предложил он.

— По секрету дело, — замялась Евстоля.

— Какие же могут быть секреты! Говори, это моя жена, — указал он на Александру. — А знаешь пословицу: «Муж да жена — одна сатана!»

— Говори, говори, тетенька, не стесняйся, — подбодрила и Александра.

Евстоля оглядела обоих; на лице появилось любопытство.

— Да ровно ты, Алешенька, как будто и женатым-то не был? — удивилась она.

Алексей, как по книге, читал на лице Евстоли ее думы.

— Больше узнать хочешь? Изволь! Женился ровно неделю тому назад. Можешь рассказать всем, кому это интересно. Александру Николаевну, наверное, знаешь?

— Как же, светик, знаю. Знаю Александру Николаевну. Да как же это вы? Ничего и не слышно было, чтобы гуляли, — удивилась, всплеснув руками, Евстоля.

— Ну, это не твое дело! — остановил тетку Алексей. — Говори, зачем пришла?

— Не знаю, как и сказать, — вкрадчиво заговорила она. — Насчет сына хлопочу, Алеша.

— На работу надо ему устраиваться. Нечего собак гонять по поселку — парень большой!

— Да разве он собак гоняет? — повысила голос Евстоля. — Нет уж, как хотите, а бригада должна ему алименты платить.

— Вон что! — поразился Алексей. — Вот тебе, тетка, дверь и вылетай отсюда поживее.

Евстоля согнулась на месте, точно ждала толчка. Алексей выпроваживал ее из комнаты.

— Александра Николаевна, вы-то хоть скажите ему, — кричала Евстоля. — Сына помяли, ведь сына! У вас тоже будут дети, тоже заботу на себя примите.

— Тетя Евстоля, Алексей спас вашего сына, а вы просите с него денег. По-моему, наоборот: он должен получить награду.

— Ах, вот как! — воскликнула тетка. — За то, что дают, да еще и награду им подай!.. Вот как ты, дева, говоришь! Ну, не будет вам житья... не будет! — визжа, уходила Евстоля.

2

Вскоре после собрания состоялось перераспределение бригад по паровозам.

Последняя поездка бригады Жукова на «Э-26-88» была невеселой. Жалко было расставаться. Егоршин сокрушался о тендере: буксы, которыми он заведывал, были надежны на долгое время, можно не заглядывать на каждой остановке, как это делают кочегары других паровозов. А вот сдавать приходилось.

Бригада Жукова получила другой паровоз — «Щ-36-95» Спаренной им назначили бригаду Цветкова. Жукову не хотелось брать Александра Ивановича, но пришлось покориться: сам предложил прикреплять к паровозам плохую и хорошую бригады. Машиниста Цветкова знали исполнительным и аккуратным на работе, но за ним известен был грешок — ленив был, недаром последнее время все отсиживался в брехаловке. Помощником Цветкову дали Андрюху Шкутова, оставив за старостью дежурить в брехаловке Броухина и Серова.

Андрюха Шкутов, узнав, что его назначили на один с Алексеем паровоз, приходил извиняться за драку.

— Пьян был, Алеша! Ты уж извини. Не помню... Да ведь и то сказать, Венька — двоюродный брат. И Евстоля — родная тетка. Мне показалось, будто ты тетку ударил. Извини, Алеша! — говорил он неуклюже.

Цветков тоже огорчился, когда узнал о назначении в поезд.

Он совещался с женой. Любовь Михайловна никак не мирилась с этим.

— Настанет лето, кто накосит сена? Мне уж, Саша, это

не по силам... я — женщина, — подчеркнула она, скрывая за этим лень, наступившую вслед за сытой жизнью. — По-моему, надо сходить к инженеру Рудному и похлопотать: поездки тяжелы, силы нехватит.

— Ходил и к Рудному, — сообщал Александр Иванович, — и слушать не хочет. Заучил свое: постановление общего собрания — закон.

— Да разве дорога в ведении общего собрания? — возмутилась Любовь Михайловна. — Что он христосика корчит? Разве он не начальник?

— Так ведь примазаться-то надо? — ядовито заметил муж. — Тоже, мол: как рабочие велят, так и делаю.

— А того не понимает, что рабочие и страдают от этого. Теперь возни с прикрепленным паровозом будет не мало! Прикрепили, как крепостных к барину, — зло вставила жена.

Жуков собрал свою бригаду и пошел осматривать паровоз. Это была заброшенная, старая машина. Осмотрев ее, Жуков схватился за голову.

— Сунуло меня, чорта старого, похвастать перед Вахоненом. Крыса, а не паровоз!

— Был конь, да изъездился! — вставил поговорку Егоршин.

— Как ты сказал? — не расслышал Жуков.

— Поп прихожанам бороду казал, — глумливо ответил Егоршин.

— Что ты бормочешь? — уже громко спросил Жуков.

— Помянули чорта за Кубенским, а он в Кадникове. Тетка Лукерья шла — в овсяном поле нашла! — с серьезным видом продолжал кочегар сыпать поговорки.

— Да перестань ты бормотать заклинания! — крикнул на него Жуков. — Тут не знаешь, к чему приступить, а он со всякой белибердой лезет!

Алексей хохотал. Егоршин не вытерпел и тоже разразился смехом. Он подошел к своему хозяйству — буксам паровоза — и, открыв масленки, вытащил оттуда горсть жирной, промасленной грязи.

— Хошь, Жуков, омолодительных капель? С таких и ты ночи спать не будешь. Вот до чего буксы довели. А я их промою! Всю грязь вытаскаю, козел меня забодай! — и он с яростью сбросил с ладони жирное месиво.

— Видал? Егоршин с тендером справится! А мы что — рыжие? — сказал Алексей Жукову. — Мне арматура и дышла, а тебе кулиса и поршни с золотниками. Идет?

— Стой, робя! — тихо сказал Егоршин, высунувшийся из-за паровоза. — Цветков с бригадой идет.

Егоршин увидел их, когда они входили в депо и осматривали паровозы, ища свой номер.

Ходила бригада Цветкова гуськом, по чинам: впереди машинист, потом помощник и затем уже кочегар. Кочегаром дали Цветкову Никодима Малышева, долговязого мужика с широкой, раскидистой рыжей бородой, известного всему депо своей любовью к выпивке. Впереди, не торопясь, выставив вперед голову, важно шествовал плотный, круглый Александр Иванович; разглядев номер паровоза, Цветков сообщал его бригаде и тихо, спокойно шел дальше. Андрюха Шкутов в свою очередь читал номер паровоза кочегару; тот останавливался перед паровозом, с минуту тупо разглядывая его и, не моргнув глазом, шел за Андрюхой. А Цветков тем временем говорил номер следующего паровоза.

— Давай разыграем, — предложил Егоршин бригаде.

— Вали, — оживился Жуков.

Цветков степенно приблизился к паровозу. Прочитав номер, он торжественно произнес торчавшему за его спиной Андрюхе:

— Вот и наш паровоз, Андрюша.

Андрюха ткнул в бок Никодима.

— Наш.

Никодим что-то промычал себе под нос.

— А! — выкатился из-за буфера Александр Иванович и просиял, как солнышко, увидев около будки бригаду Жукова. — Почтение товарищам! — приветствовал он и поздоровался с каждым за руку. — Смотрели машинку? — спросил он. — Какова?

— Здорово, ребята! — подошел и Андрюха.

Никодим хотел тоже поздороваться, но в это время зевнул, широко открыв огромную пасть, обрамленную рыжей щетиной, и не сумел вымолвить слова.

— С чего начнем, товарищ Жуков? — зевнул в свою очередь Александр Иванович, заразившись от Никодима.

— Не знаю, право, — оглянулся Жуков на Егоршина, — «не скажет ли он?»

— Александр Иванович, вас отменили в поезда. Шел сейчас, встретил Кузичева. Ругается — на чем свет стоит.

— Как отменили? — спросил Цветков, широко раскрыв глаза.

— Ну да, — подтвердил Егоршин. — Кузичева — на наш

паровоз, а вас — в брехаловку, старшим, на место Кузичева. Говорят, вы же старше его: он — молодой, пусть поедит. Кузичеву каких-нибудь тридцать восемь, а вам — не меньше сорока.

— Сорок пять! — округлил свои лета Цветков, прибавив для ровности счета годика три.

— Вот видишь! Беги сейчас к дежурному, пока Кузичев не отстоял своего. Ему в поезда не хочется.

— Значит, правда? — присел от радости Цветков. — Не врешь?

— Что врать! Сам видел, пушился Кузичев около поворотного круга.

— Это совершенно правильно! — горячо сказал Александр Иванович. — Поскольку постановлено в брехаловку и на маневры назначать самых старших, надо исполнять.

— Иди, иди скорей! — посылал Егоршин.

— Бегу, бегу! — заторопился Цветков.

— А как же я-то? — спросил, недоумевая, Андрюха.

— Это дело не мое! — развел руками Цветков и бросился бегом в контору дежурного по депо.

— Я просто, ребята, удивляюсь! — обратился Егоршин и к Андрюхе. — Идете, не зная, куда вас назначили.

— Разве и меня? — глупо вытаращил глаза Андрюха.

— Что ты с ним поделаешь? — повернулся Егоршин к Жукову. — Вот не любят заглядывать в объявления в конторе да и только! Сеньку Новикова за пьянку сместили из пассажирских помощников и перевели в товарные. Тебя — на место его!

— Меня? .. — спросил Шкутов, побледнев от страха.

— Кого же? Не меня ли прямо из кочегаров да на пассажирский паровоз помощником! — развел руками Егоршин.

— Мне не справиться на пассажирском, — сознался, краснея, Андрюха.

— Беги к дежурному, улаживай! Через два часа — южный почтовый. Заправить паровоз не успеешь! — гнал Егоршин.

— Пойду! — глухо ответил Андрюха и пустился крупными прыжками вдоль депо. Слышно было, как бухали при беге его тяжелые валенки с толстыми подошвами.

— Ну, а ты что будешь делать? — спросил Егоршин Никодима.

Жуков с Алексеем с трудом сдерживали смех. Ну и работнички навязались в товарищи по оздоровлению паровоза! Пустились все наутек: один из-за лени, другой из тру-

бости. Никодим, вращая белками, смиренно стоял перед расхажившимся во вранье Егоршиным, чувствовавшим себя большим командиром.

— Видишь, нет твоей бригады? Иди и ты, пусть назначат куда-нибудь. А то останешься между небом и землей. Вдруг забудут тебя? На это их хватит. Иди, дядя! — посылал Егоршин Никодима.

— Мне что, я пойду! — согласился Никодим и медленно побрел в контору.

— Распуши их, как следует! Что, мол, человека забываете! — крикнул ему вслед Егоршин.

Бригада долго и дружно хохотала, пока не пересохло в глотках.

— Хватит! — остановил Жуков. — С чего начнем, ребята? Коня этого надо в должный вид привести.

— Почистим копыта! — сказал Алексей.

— Подкуем! — вставил Егоршин.

— И сойдет он, пожалуй, за молодую кобылу! — подытожил Жуков.

Они принялись за предварительную чистку запущенного паровоза.

3

Рудный проверял материальную часть своего отдела. Заведующий, инженер Гарпинченко, — круглый, румяный толстяк, с золотыми кольцами на пухлых пальцах, в форменной фуражке и распахнутой шубе на хорьковом меху, под которой виднелась белая, накрахмаленная сорочка, — сопровождал Рудного. За последнее время Рудный стал подозрительно относиться к материальной части: очень уж все благополучно было в отчетах Гарпинченко, — ни слова о недостатках. Рудный исходил из своих взглядов на производство: достижения есть, но недостатков больше того; в выявлении недостатков он видел борьбу за лучшее, желание двигать вперед дело. Этого не было у Гарпинченко. Если нехватало чего-нибудь в материальной части, он ссылаясь на материальную службу, на соответствующие отношения главных мастерских или правления дороги.

В складах царили чистота, порядок. Части оборудования, детали станков, ящики с инструментами, болтами, гайками, бочки с цементом — все лежало на своих местах, все было пронумеровано, подсчитано, занесено по книгам.

Гарпинченко, довольный, сияя, рассказывал:

— У меня подобраны люди. По совести говоря, я воспользовался текучестью рабсилы. Не нравится ставка кладовщика? Хорошо! Повысить ставку не в моей воле. Обратитесь в правление дороги или в соответствующие профессиональные организации. Я же требую только исполнительности и аккуратности. Не нравятся мои требования? Будьте добры оставить работу. Безработных нынче нет — из материального отдела служба движения или служба пути охотно вас возьмет. Поищите менее взыскательных начальников. И вот я добился: от бухгалтера до разливальщика керосина — на подбор: работоспособны, выносливы и дружны. Единая трудящаяся семья.

— Есть ли у вас домкраты Беккера для подъёмки паровозов? — спросил Рудный.

— Нет, — ответил Гарпинченко и, заметив, что начальник тяги поморщился, быстро добавил: — на-днях я буду в правлении и добуду домкраты.

— Я не раз вас просил приобрести их. Они нам нужны немедленно для оборудования новых канав.

— Не беспокойтесь, достану! Из земли вырою, а достану, — заверял Гарпинченко.

Около одного склада Рудный натолкнулся на машиниста Серова. Тот выходил из склада с бидоном, наполненным чем-то. Увидев начальника, Серов снял шапку и низко поклонился.

— Здравствуйте, товарищ Рудный!

— Здравствуйте! Вы что здесь, керосин, что ли, получаете? — подозрительно оглядев бидон, спросил Рудный.

— На всю ночную смену... — ответил Серов и, приподняв бидон, двинулся по направлению к депо.

Рудного удивило, что Гарпинченко не остановил Серова и не сказал ни слова кладовщику, хотя керосин, если в бидоне был действительно керосин, выдавался материальной частью в другом месте.

В инструментальной был тот же образцовый порядок и чистота. До слуха Рудного доходило, что слесаря жаловались на недостаток и плохое качество инструментов. Он слышал, что материальная часть выдает старые инструменты за новые; поступающие новые заменяются старыми, а старые списываются в расход. Рудный приглядывался к полкам инструментов.

Гарпинченко, довольный, водил начальника по своим владениям и обстоятельно излагал соображения по рационали-

зации своей части. Проект Гарпинченко явно не нравился Рудному.

— Вы хотите, чтобы о нас заботились другие. По-моему, ваш проект... не выдерживает критики.

Рудный хотел сказать резче: не только не выдерживает критики, но проект вздорный, обрекающий службы дороги на бездеятельность и безответственность. Но Рудный удержался.

Он шел и недоумевал по поводу того, что инженер-путеец соглашается исполнять должность заведующего материальной частью службы тяги. Вся деятельность Гарпинченко вдруг показалась Рудному подозрительной.

У себя в кабинете Рудный написал записку в РКИ.

4

Николай Иванович Фокин метал громы и молнии. Ругнул машинистку, сделал выговор техническому секретарю, забывшему проставить номер на исходящей бумажке, заставил сторожиху дважды подмести пол — и все же остался недоволен.

От Вахонена он получил наказ пересмотреть и уточнить договоры между спаренными бригадами.

Он перелистывал бумаги и не мог найти ничего предосудительного. Наказ начинался торжественно, говорилось в нем о реконструкции железнодорожного транспорта, о высоком отношении к труду, ударничестве и соцсоревновании; далее перечислялись пункты обязательств, где упоминалось о чистоте, бережном отношении к паровозу, о своевременном и тщательном ремонте.

«Что еще надо? — раздумывал Фокин. — Какое может быть еще уточнение, когда сказано русским языком: производить самый тщательный и своевременный ремонт? Не входить же в детали: починить топку, осмотреть подшипники, поддувало, сифон, инжекторы и т. д.»

Его покорило, когда он про себя перечислил части паровоза и мысленно произнес: «и так далее». А в чем состоит это «и так далее»?

Николай Иванович, когда-то поработавший с месяц подручным слесаря, быстро выдвинулся по профсоюзной линии и вот уже много лет подвизался на различных участках дороги. За все это время он не изучил как следует производства, был как бы на отлете, с боку, и не раз, смутно созна-

вая это, махал рукой: вывезет. Но на этот раз предместком просчитался.

«Уточнить — значит выписать ремонт паровозов детально: эта, мол, бригада сделает то-то, а другая — это-то» — обдумывал Фокин задание секретаря. — Справлюсь, — рассуждал он вслух. Но как справиться? Порывшись в своем техническом багаже, Николай Иванович пришел к выводу, что справиться ему трудно. «К кому же обратиться? К Рудному, Гуторовичу... к начальнику депо, машинистам-наставникам?» — перебирал в уме Фокин все возможности.

«Со всеми поговорю, — просиял Николай Иванович. — Ай, Фокин, удумал! Видал миндал, Вахонен? Объеду твоею уловку. Подумаешь, экзаменовать вздумал!»

Он решил взяться за организацию курсов по повышению квалификации паровозников и хотя сам ничего не смыслил в этой области, но гордо думал, что по его инициативе, его волей будет двинута величайшая из проблем — подготовка кадров.

Довольный своим решением, Фокин бросил несколько подбодряющих слов сослуживцам и выбежал с туго набитым портфелем на улицу.

Предвечерний холодок тянулся с гор. Ледяные сосульки, свисающие с крыш зданий, переливались цветами радуги.

Фокин решил к составлению договоров первым привлечь инженера Рудного.

К Рудному надо было ехать на станцию: местком помещался около депо. А не зайти ли сначала в депо, поболтать с Гуторовичем, повидаться с тем, другим, нащупать почву, узнать, как те отнесутся к проекту мобилизовать весь технический персонал вокруг этого дела?

Проходя мимо комсомольской бригады слесарей, возившихся на морозе около паровоза, Николай Иванович бодро и громко приветствовал:

— Труд на пользу. Здорово, ударники!

— Не больно на пользу, возимся всю смену, а сделали на грош, — с горечью ответил один из парней. Они возились с дышлами, навешивая их на осевые пальцы; на ветру работать было холодно.

— В чем дело? — деловито остановился Фокин.

— Организовали мы показательную бригаду, работаем сегодня первый день, — объяснял Мишка. — Бригадир велел эту машину загнать в депо и там в тепле работать. Вдруг прибегает Гуторович и приказывает произвести ремонт на

месте. Почему? Гуторович говорит, что приказал Рудный. Ну, покричала-покричала братва и согласилась. Тут что-то есть, Николай Иванович... Не разбери-поймешь, — заключил он.

Николай Иванович насторожился. Такое распоряжение Рудного пахнет тем, о чем предупреждал на партийном собрании Гуторович.

— Вы, ребята, работайте пока, не бузите, шума не подымайте, а я узнаю, что и как, — сказал Фокин, успокаивая бригаду.

Гуторович встретил Фокина потоком негодующих слов:

— Рудный распорядился освободить две канавы в депо для приспособления их к среднему ремонту. Какой ремонт, когда нет подъемных домкратов! Не справится ни одна из мастерских — они рассчитаны только на обслуживание двух канав. По-моему, раз паровозы требуют большого ремонта и наше депо не справляется, — надо переправить их в глазные мастерские. Там оборудование, там высококвалифицированные рабочие. А у нас что? Два строгальных станка, десяток токарных, раз-два — и обчелся! — возмущался Гуторович.

— Он, кажется, упоминал об этом на общем собрании? — осторожно спросил Николай Иванович.

— Упоминал, — согласился Гуторович. — Но ведь нельзя же на мороз выгонять людей, когда есть свободные места в депо! Все равно маленький ремонт будет стоить большого: в скверных условиях слесаря будут не ремонтировать, а подправлять. Нет, тут что-то не так! — заключил он.

— Ты думаешь?

— На собрании я высказал свой взгляд. Рудный долго не соглашался на введение спаренной езды и тем ухудшил положение с паровозным парком, а теперь громоздким переоборудованием депо совершенно запустит ремонт и вконец уничтожит паровозы.

• Фокин задумался. Сегодня он получил нагоняй от Вахонена. Уж не идет ли это от Рудного? Выписать в договорах все детали ремонта, увеличить нагрузку, запугать трудностями, довести до того, что паровозные бригады и рабочие депо не будут иметь и часа отдыха, и, наконец, привести людей к вынужденному отказу от работы по оздоровлению паровозного парка — не к этому ли ведут распоряжения Рудного? Что, если Гуторович прав? А он-то хотел ехать за советом к инженеру Рудному!

«Дурак я, дурак... упустил первейшее условие в проведе-

нии всякой кампании: опираться на низы, держать связь с массами. И хотел итти к вредителю!» — думал Фокин. И он лукаво улыбнулся, вспомнив о секретаре партколлектива.

«Спасибо скажешь, товарищ Вахонен! — живо представил он себе растерянное лицо секретаря, когда с несомненной очевидностью докажет вредительские поступки начальника отдела тяги. — Но тебе дорого обойдется сегодняшний нагонный, Вахонен... дорого... Смотри, как бы не полетел с секретарства!.. Да, это было бы хорошо: я — секретарь, Гуторович — начальник отдела».

— Ты пока не говори никому, — посоветовал он Гуторовичу. — Дело серьезное — нужны доказательства. Исполняй потихоньку распоряжения Рудного, но так, немножко, и по-своему делай. Ты ведь спец... сам увидишь, где надо переиначить его приказ. Делай так, чтобы спасти паровозы на случай действительного предательства. На тебя сейчас ложится большая ответственность.

«А я сейчас же, — думал про себя Фокин, — разузнаю, как действуют приказы Рудного на массы».

И, вспомнив о бригаде Жукова, объявившей себя ударной, он спросил Гуторовича:

— Жуков принял машину?

— Да, ему дали «Щ-36-95».

— Она здесь?

— На последней канаве, — ответил Гуторович. — У них что-то там вышло. Приходил Цветков, жаловался.

— А что? — живо заинтересовался Фокин. — «Уж не мои ли догадки оправдываются?»

— Я не разобрал по-настоящему, в чем дело. О чем-то позубоскалили, поссорились.

— И здорово?

— Чуть не дошло до отказа от спаренной.

— Ну?! — не удержался от восклицания Николай Иванович.

— Но, кажется, помирились. Я не обратил внимания на их ссору, а просто предложил Цветкову не приходить ко мне со сплетнями и не отрывать от дела.

«Ну и тефа! — подумал про Гуторовича Николай Иванович. — «Не обратил внимания»... Дурак... В маленьком-то деле именно и можно разглядеть большое!» — и он с дрожью в коленках отправился разыскивать паровоз «Щ-36-95», около которого, должно быть, уже разыгралась первая стычка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Еще утром Гуторович написал Вахонену длиннейшую служебную записку. Она пестрила цифрами. Гуторович доказывал, что затеянное Рудным рискованное переоборудование депо есть вредительство. Так и писал: «вредительство». Он подчеркивал, что в докладе начальника отдела тяги на общем собрании не было сказано и половины того, что принимает он сейчас. Вахонен сличал доклад Рудного, имеющийся у него, с запиской Гуторовича.

И он решил зайти к инженеру.

Рудный был чем-то возбужден.

— Прошла неделя, как мы расписались в переходе на спаренную, а дело не движется; мы провернули общее собрание и составили десяток ни к чему не обязывающих договоров, — сказал он.

— Теперь вы подгоняете меня? — усмехнулся Вахонен.

— Поедьте-ка в депо! — поднялся Рудный. — Мне надо проверить исполнение моих приказаний.

Вахонен затем и пришел, чтобы пригласить начальника в депо; он охотно согласился сопровождать Рудного.

Ехали они на маневровом. Работал на нем машинист Екимов. Вахонен спросил его о сыне. Машинист печально покачал головой.

— Выздоровел. Спасибо Юртанену, спас. Да покоя нет от Веньки — отбился от рук.

— Надо ему в комсомол вступить, исправится, — посоветовал Вахонен.

— Был и в комсомоле, — махнул рукой Екимов, — выставили. В семилетке учился — ушел.

— Неужели на него не повлиял этот случай на рельсах? — удивился Рудный.

— Повлиял, да в другую сторону. Затекает с матерью алименты с бригады получать, — вздохнул машинист.

— Драть надо таких молодцов! — отозвался Рудный.

— В суд подали? — спросил Вахонен.

— Не знаю. Наверное, Германа Тарасовича привлекут хлопотать по этому делу.

— Знаю этого защитника. Гусь!.. А ты заявление обратно возьми.

— Попробую.

— Плохо твое дело! Пошли-ка Веньку когда-нибудь ко мне. Я ему дело дам.

— Ладно. Пошлю, если пойдет. За эти дни вот как измучился. В петлю готов. Назначьте меня, товарищ Рудный, в поезд; хоть меньше дома буду бывать. Стыдно в бараке показаться; а Жукова и увидеть боюсь. Уж я бы поработал, отбел бы душеньку. Право, назначьте! — почти умоляюще просил Екимов.

Паровоз шел легко. Екимов старательно управлял машиной. Рудному нравилось это спокойствие и согласованность движений машиниста с ходом паровоза.

Екимов остановил машину спокойно, без толчка, хотя и без тормоза, регулируя лишь одним переводным рычагом.

Стук ручников, визг пил, крики, гудение вырвавшегося в предохранительный клапан пара на перегретом паровозе — наполняли депо. Рудный вместе с Вахоненом прошли на первые канавы. Две канавы, которые Рудный распорядился приспособить для производства на них среднего ремонта, оказались пустыми — никаких признаков работы на них не было.

2

От дежурного по депо Александр Иванович Цветков пришел важным и надутым. За ним, так же как и раньше, гуськом пришли Андрюха Шкутов и Никодим Малышев. Бригада Жукова тем временем вычистила арматуру, осмотрела масленки и подшипники. Они торопились: сегодня ночью паровоз должен был идти в поездку, несмотря на неполадки, требующие ремонта. Особенно неладно было в золотниковой коробке. Вести состав, имея плохие золотники у машины, — это то же, что с больным сердцем пуститься в бег на стадионе. Жуков вытребовал бригаду слесарей. Пришел неизменный ворчун Тюря. Жуков очень обрадовался, когда с ним оказался и Ольхов, мастер тонких поделок. Черный, носастый Бабошин был спец по арматуре. Пришли еще двое подручных. С бригадой Цветкова набралось одиннадцать человек. Жуков просиял, — с таким войском можно будет до вечера подковать стального коня.

Цветков осматривал паровоз. Он хорошо знал, что на неосвоенной машине можно «защититься», а главное — из первой поездки потребуют подробного донесения о всех недостатках машины: это принесет немалое беспокойство в пути, и ему не хотелось ехать первым.

— Жеребьевка — святое дело, — предложил он.

Жукову было все равно. В следующей после Цветкова поездке он испытает паровоз и, считаясь, конечно, с указаниями Цветкова, изучит и составит полный отчет о машине сам.

— Закладывай! — решительно бросил он. — Да принимайтесь и вы за работу.

Обе бригады были выходными. Но разве можно бродить без дела, когда все машинисты возились около своих паровозов! Жуков с бригадой решили все свободное время отдать паровозу.

Александр Иванович отвернулся, заткнул в кулак две спички.

— Тащи, — протянул он руку. — Целая спичка — ехать.

Жуков, не взглянув на спички, выхватил первую попавшуюся.

— Мне — так мне, — сказал он, рассмотрев спичку, оказавшуюся целой.

Александр Иванович изломал такую же целую спичку и бросил ее под паровоз в канаву.

К вечеру машинисты ходили по депо, осматривая паровозы. Большинство машин выглядело нарядно: свежепротертые котлы блестели краской, зеленые и красные дышла украшали ноги паровоза — скаты. В этот день не было в депо ни одного паровоза, не стоявшего трубой перед дымовой вытяжкой.

Бригады машинистов Семенова и Козлова побили рекорд. На своем охлажденном паровозе — они готовились к завтрашнему выезду — они просмотрели и исправили всю арматуру котла: водомерное стекло, водопроводные краны, инжекторы, манометр, предохранительные клапаны, свисток. Бронзовая арматура сияла.

Александра Ивановича начал мучить голод. Предложив своим ребятам подкрепиться тут же, сам он вежливо попросился у Жукова уйти обедать домой.

Бригада Жукова решила помогать слесарям до позднего вечера. Алексей подпиливал отлитый в литейной буксовый подшипник и учил Егоршина этому делу. Андрюха Шкутов с Никодимом Малышевым помогали слесарям там, где требовалось поднажать плечом.

Из-за паровозов неожиданно показалась Александра. Она несла корзину и ведро, покрытые платками. Алексей удивленно глядел на нее.

— Уж не в масленщицы ли поступила?

— В масленщицы! Только смазывать не паровозы, а живые машины, — ответила она. — Вот! — опустила она на землю свою ношу. — Я решила, что вам идти домой некогда, и сварила полведра кофе... На всех!

— Эй, ребята! — крикнул Алексей. — Подходи, закусывай!

В корзине было с десяток чашек, черный хлеб, селедки, консервы, вареное мясо.

Выпить чашку горячего кофе охотно собрались все.

Егоршин, глотая кофе, весело зубоскалил над Алексеем.

— Непременно женюсь. Это моя первая горячая еда на паровозе. Алексей, разреши поцеловать твою женку «в знак глубочайшего уважения и с любовью низкого поклона», как пишут мне из деревни.

— Лучше я... Ты для всех принесла, и я при всех... — и Алексей чмокнул Александру.

— Так разве это твоя жена? — удивленно спросил Андрияха, перестав есть.

— Подруга, — с усмешкой ответил Алексей.

Александра засмеялась.

Андрияха только сейчас вспомнил о Сеньке Новикове, болтавшем неделю тому назад об Александре Николаевне.

— Так, так... — протянул он.

Николай Иванович Фокин, во весь дух мчавшийся по депо, удивился, увидев пиршествующих слесарей и паровозников. Имея в виду распоряжения Рудного, он ожидал встретить недовольство, может быть, скандал. Но люди, казалось, были довольны, даже шутили. Он обвел глазами всех и заметил отсутствие Цветкова. «Ага, одного из машинистов нет, значит — не так уж мирно обстоит дело».

— Цветков где? — с волнением спросил он.

— Был, да волки съели, — ответил Егоршин.

— Толком, толком я спрашиваю, — не удержался от выкрика предместкома.

— Ушел домой поесть... Скоро, может быть, придет, — разъяснил Жуков, прожевав кусок семги.

Николай Иванович, не сказав ни слова, бросился разыскивать Цветкова. Он живо представил себе картину ссоры Цветкова с Жуковым.

«Безусловно, Жуков зажал Цветкова... Ох, уж эти партийные, не умеющие ладить с честными беспартийными! Горе, а не партийцы. Цветков — потерпевший, с потерпевшими и я» — думал на бегу Фокин.

Мороз щипал его щеки. Нос Николая Ивановича медленно, но верно начинал белеть.

3

Цветков таинственно намекнул Фокину, что сегодняшняя ссора с жуковской бригадой у паровоза имеет непосредственную связь с переоборудованием депо, задуманным инженером Рудным. Николай Иванович в свою очередь сообщил Александру Ивановичу о своих подозрениях в отношении среднего ремонта, а потом перешел к расспросам.

Николай Иванович говорил долго, тщательно развив свою мысль о запугивании рабочих ремонтом.

Александр Иванович теперь окончательно уяснил, чего хочет Фокин.

— Безусловно тут что-то есть... Как только я пришел в депо, сразу это заметил. Возьмите случай со мной. Не успел подойти к паровозу, как кочегар Егоршин повел политику, и что же вы думаете? В душе беспартийного рабочего он вызвал недоверие к спаренной езде... Так сказать, и рад бы сейчас всей душой, но осадок остался.

Цветков говорил осторожно, намеками.

— Вы не говорите об этом никому, — наказал Николай Иванович. — Я все разузнаю и дам делу соответствующий ход.

Николай Иванович вновь заспешил в депо. Наступил уже вечер.

Инженер Рудный руководил подъемом паровозов. Домкраты перенесли с первых двух канав на третью и четвертую. Гуторович возражал ему, намекая, что с этой работой не справятся мастерские. Паровозы будут стоять поднятые кверху и только зря будут занимать канавы и задерживать мелкий ремонт, производившийся раньше на этих канавках. Не будет и среднего ремонта, не будет и мелкого. Вахонен тоже был здесь. Инженер Рудный настаивал:

— Я великолепно знаю, что рискую. Я предлагаю единственный план, при котором можно в корне оздоровить паровозы путем тщательного, серьезного ремонта. Оформление моего технического плана целиком зависит от темпов, с какими примутся за работу все.

Вахонен поддержал Рудного.

Ручки домкратов завертелись. Скаты отделились от рельсов, и паровозы повисли над канавками. Они уж не дымят, не

шипят, не журчит в инжекторах вода — омертвелый организм машины ждет помощи хирурга, чтобы снова ожить, задвигаться, загреметь паром, вытянуться в грохочущем беге перед составом вагонов и бежать по сверкающим рельсам. Бежать через горы, луга, реки, сквозь лес, от поселка к поселку, от тихих заводей моря к грозным ветрам океана: бежать, потрясая воздух гудением пара.

Николай Иванович пришел в ужас, увидев мертвые тела паровозов, поднятых на воздух. Он понимал теперь ясно, что инженер Рудный весь паровозный парк поднимет вот так кверху и тем самым остановит движение на железной дороге. Замрет поселок. Погибнут люди, занесенные снегами...

Он разыскал Вахонена.

— Товарищ Вахонен, я постараюсь на-днях перезаклучить договора, — смиренно сказал ему Николай Иванович. Сердце его сжималось от предчувствия огромных бед.

— Непременно, — буркнул в ответ секретарь. — Чем скорее, тем лучше.

Бригада Жукова, приготовив к поездке свой паровоз, тоже пришла посмотреть на вздыбленные машины. Жуков говорил Алексею:

— Съездим на своей кляче раз десяток и так же вот подвесим ее... Тогда машинка будет на большой палец.

И они пошли по домам — выспаться перед поездкой.

4

Проект Рудного испугал Гуторовича. Он не представлял, как будет депо справляться с средним ремонтом восьми паровозов в месяц, не запуская текущего ремонта, осмотра и починки вагонов. Обыкновенно, выполняя текущую работу, депо обеспечивало средним ремонтом не более четырех машин.

На его недоуменный вопрос Рудный ответил:

— Надо заставить станки вертеться быстрее. Тогда мастерские справятся.

И, улынувшись молодому инженеру, Рудный добавил:

— Вот вам большое дело, о котором вы говорили мне недавно.

Гуторович смутился, вспомнив свои опрометчивые слова, сказанные в минуту усталости. Он нахмурился и надвинул на глаза кепку, промасленную мазутом.

— В этом большом деле, мне кажется, просто большая бесплановость, — хмуро сказал он.

Рудный похлопал по плечу Вахонена.

— У нас хребты крепкие. Вынесем?

— Должны вынести, — ответил Вахонен.

А Гуторович внимательно следил за Рудным и продумывал его действия. Он уже высказался на партийном собрании о Рудном как о вредителе. Верно ли это? Распоряжения начальника с новой силой убедительности подтверждали, казалось, его догадки. Перебрать все больные паровозы в маленьком депо — это значит неимоверной нагрузкой отнять рабочих от мелкого ремонта, не справиться с работой и запустить текущий, ежедневный ремонт. Депо будет выпускать восемь машин из среднего ремонта, и в тот же месяц запущенный текущий ремонт будет приводить в негодность десять паровозов. Два-три паровоза будут неизменно увеличивать процент больных машин. «Вредительство, несомненно вредительство» — думал Гуторович, присутствуя при подъеме машин.

У паровозов снимались дышла, разбирались цилиндры, парораспределительные механизмы, укатывались на обточку бандажи; люди растаскивали части машины по мастерским. Лицо молодого инженера искажалось от злости, а старый инженер добродушно разглаживал усы. Статный Рудный, выпятив грудь, сбив на ухо каракулевою шапку, стоял в стороне и пристально следил за работой. Гуторович в замасленной спецовке согнулся и чувствовал себя неловко. Он не выдержал, когда бригада слесарей закричала под тяжестью дышла, бросился на помощь и подставил свою молодую спину под самое неудобное, острое место. Гуторович принялся вместе с другими растаскивать части паровоза, мучительно думая про себя, является ли он в настоящий момент пособником вредителя, или нет. Вахонен и Рудный ушли вместе из депо. Дорогой Вахонен как бы невзначай спросил:

— Почти все депо займется средним ремонтом, а кто же будет производить текущий?

— Спаренные бригады, — ответил Рудный. — Никому не захочется ездить на плохом паровозе, а чинить будет некому, ну, сами и починят.

— Нагрузка! — вздохнул Вахонен.

— О трудностях мы не умалчиваем, — напомнил инженер слова секретаря, сказанные им в тот вечер, когда он пришел к нему уговориться о переходе на спаренную.

— Зачем же вы так упорно не соглашались перейти на спаренную? — с удивлением воскликнул секретарь.

— Переменные, действующие на процент больных паровозов, начинают изменяться, и функция должна зафункционировать, — усмехнувшись, сказал Рудный.

Вахонен хотел было сказать, что он ничего не понимает, но воздержался. Он усвоил себе привычку не говорить «не понимаю», а постараться понять. Рудный, расставаясь с Вахоненом на повороте, пожимая ему руку, смеясь сказал:

— Начало сделано.

Вахонен редко видел Рудного смеющимся. «Должно быть, инженера радовала какая-то удача, — решил секретарь. — Это хорошо, если работа идет весело. Не может быть, чтобы так просто и задумчиво радовался вредитель».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Член коллегии защитников Герман Тарасович запахнул выцветшую зеленоватую суконную шубку на барашковом меху, с бобровым воротником, немного полысевшим, и предупредил хозяйку, Капитолину Сергеевну, что он выходит из дома.

— Потрудитесь, пожалуйста, закройте за мной дверь, — вежливо попросил он.

— Вы куда, Герман Тарасович? — спросила любопытная хозяйка.

Герман Тарасович, по ее мнению, всегда совершал нечто необыкновенное. Он вечно уходил из дома по весьма любопытному делу и, возвращаясь, рассказывал захватывающе. Ей, сонной, рыхлой жене тяжеловесного бухгалтера Акинфа Аверьяновича, не знавшей ничего кроме своей квартиры, самовара, пирогов, казалось, удивительным, как мог Герман Тарасович в каждой мелочи, пустяках, по ее убеждению, находить необычайное, интересное. Она с восхищением слушала его и неизменно удивлялась, откуда у сорокалетнего лысого холостяка находилось столько энергии везде и всюду поспевать, все видеть, все знать. Капитолина Сергеевна хотела, чтобы и муж ее, Акинф Аверьянович, был такой же юркий, такой же интересный.

— В рабклуб, милейшая Капитолина Сергеевна, — отозвался Герман Тарасович.

— А что там сегодня?

— Конференция колхозников.

— Разве это интересно? — с удивлением спросила она.

— Самый злободневный вопрос. Сегодня в клубе будет интересней, чем смотреть кинофильмы с участием Гарольда Ллойда.

— Да что вы? — всплеснула она руками. — Акинф Аверьянович! — крикнула она из прихожей куда-то в комнаты. — Иди сюда!

— Ну, что там? — прогудел в ответ недовольный бас.

— Иди же сюда! — прикрикнула жена с нотками раздражения.

— Ну, чего тебе? — И в растворенную дверь ввалилась тяжелая туша.

Акинф Аверьянович, придя со службы, скинул пиджак, сорочку и галстук и был теперь в одной нижней рубашке; широкие штаны низко опущены, на босых ногах — туфли. В руках он тащил за собой полотнище газеты, волочившееся по полу.

— Идем в клуб! Герман Тарасович говорит, что сегодня там очень... очень интересно.

Герман Тарасович смотрел на супругов почтительно. За двадцать лет работы защитником он научился не удивляться, не возмущаться, а быть только свидетелем дела и не принимать ничего близко к сердцу. Он смеялся над супругами, но всем своим видом выказывал им уважение и преданность.

— Первая районная конференция колхозников, — любезно сообщил Герман Тарасович.

— А-а, — зевнул Акинф Аверьянович. — Я из газет все узнаю...

— Так разве это не интересно? — обратилась к нему жена.

— Собраний не видала? — грубо повернулся к ней муж и посмотрел на нее сверху сонными глазами.

— Напрасно, Акинф Аверьянович, так думаете, — улыбаясь, произнес защитник, — собрание железнодорожников относительно спаренной и сегодняшняя конференция — самые замечательные вечера в клубе. Индустриализация и коллективизация. Чем живем, чем дышим! — с легким смешком добавил он.

— А я думала — интересно, — вздохнула Капитолина

Сергеевна. — Ах, вы шутник, Герман Тарасович... Гарольд Ллойд... Это что в очках играет, молодой?..

— Да-да! — весело закивал головой Герман Тарасович и надел кепочку с пуговкой на маковке. До этого Герман Тарасович вежливо держал кепочку в руке.

Капитолина Сергеевна захлопнула было дверь, но, вспомнив, что ей невесело будет сидеть весь вечер дома, открыла дверь вновь и окликнула юркнувшего уже было с крыльца квартиранта:

— Герман Тарасович!..

— Я-с! — быстро повернулся он.

— Если увидите супругов Гарпинченко и если им будет скучно в клубе, пусть они к нам придут!.. В подкидного сыграем.

— Слушаюсь! — раскланялся Герман Тарасович.

— И если встретите Генриха Яковлевича, посылайте и его!

Генрих Яковлевич — красивый мужчина с черными, слегка затуманенными глазами — был кладовщиком материальной части. Герман Тарасович подозревал Капитолину Сергеевну в равнодушном отношении к кладовщику.

— Поручения все-с? — спросил Герман Тарасович.

— Кажется, все, — и, подумав немного, она пожелала счастливого пути.

Герман Тарасович вздохнул, выпрямился и стал как будто выше и полнее.

Итти было далеко. Улицы освещены. Герман Тарасович наклонил голову, энергично откидывая руки. Маленькая кепочка с пуговкой на макушке точно плывет по воздуху.

— Не вы ли будете адвокат Герман Тарасович? — окликнули его.

Он повернулся. С тропки от железнодорожных барачных вышла укутанная в платок женщина; рядом шел высокий подросток в малахае.

— Что скажете, милейшая? — остановился член коллегии защитников.

— Мне по делу поговорить с вами, — сказала женщина. — Я машиниста Екимова жена, а это мой сын Веня. Так нельзя ли вот заявление написать?

— О чем заявление?

— Веню-то придавили паровозом. Слыхали, может быть?

— А, это бригада Жукова! — догадался Герман Тарасович.

— Она самая, ударники, — ответила тетка Евстоля.

— Придется на квартиру вернуться. Идемте со мной! — предложил Герман Тарасович.

Он быстренько засеменил назад, к дому. Евстоля, запыхавшись, бежала за ним. Крупно шагая, Венька замыкал шествие.

2

Ветер гонит по дороге сухую снеговую пыль. Морозит. За поселком не видно ни гор, ни леса, ни белой равнины залива; все слилось в огромное, обнимающее полнеба темное пятно.

В тесной дежурной комнате, пропитанной мазутом, в трезвоне телефонов и суете надрывается нарядчик. Паровозные бригады прибывающих и отправляющихся поездов теснятся в комнате. Станция требует еще три паровоза, а в распоряжении депо имеется только два готовых. Нарядчик звонит по телефону на станцию и обещает дать к утру все три паровоза; оттуда отвечают руганью, угрожают актом — на станции скопились сотни вагонов, и надо немедленно разгрузить пути, иначе нѣкуда принимать новые поезда. Начальник станции принял уже с десятков товарных составов на пассажирские пути, — перед самым носом почтовых и скорых поездов; он грозит подать в суд на бездеятельность службы тяги.

В депо на четырех канавах вздыблены кверху мертвые тела паровозов, части их растасканы по мастерским, чистятся и исправляются, и машины ждут, когда их оживят упругим горячим паром. Среди мрака ночи колышутся красные факелы, склоняются над механизмами, слышатся удары, стук молотков. Много машин стоит в депо, но одной, только одной нехватает для безостановочного движения вагонов. Но этой одной машины нет в депо.

Два машиниста отказались от поездки: они устали, провозившись весь день в депо на ремонте своих паровозов, и не желают ехать на чужих машинах. Нарядчик загонял посыльных. Есть два готовых паровоза — нет двух свободных бригад. Прикрепленные только что приехали из поездки, а двойной бригады у них еще нет — нехватает машинистов.

— Не будь спаренной, я нашел бы свободную бригаду! — раздраженно ругается нарядчик.

Все же пришел один заспанный, сердитый машинист. Не

слезая с паровоза, он провел в поездке пятнадцать часов, пробиваясь сквозь бурю, делая каких-нибудь пятнадцать километров в час. Через десять часов его вызвали снова в поездку.

— Товарищ Жигаев, некому ехать, как-нибудь съездишь, — уговаривает его нарядчик.

— Не как-нибудь, а как надо!.. — зло перебивает нарядчика Жигаев. — Когда мне дадите на паровоз другую бригаду?

— Вот укомплектуем, подожди...

— Из помощников надо механиков делать, — бросает Жигаев и собирает свою бригаду идти заправлять паровоз.

«Один есть! — отлегает одна забота от сердца нарядчика. — Кого послать еще?»

Из брехаловки прибегает Шурка Верюжский. Его послал Кузичев узнать о перестановках паровозов в депо. У нарядчика блеснула мысль: не использовать ли дежурные бригады, а на место их упротить поработать отдыхающие прикрепленные?

— Шурка, не съездишь ли с Кузичевым на № 38-76? У машиниста этого паровоза нет еще спаренной бригады, а он только что возвратился из поездки.

Нарядчик рассказывает о заторе на станции.

Шурка проработал уже часов пять, в пути придется пробыть не менее десяти-двенадцати. Нарядчик устало смотрит на парня. Верюжский, не задумываясь, отвечает:

— Если Кузичев согласится, обо мне не может быть и речи.

Кузичева вызывают к телефону. Нарядчик объясняет создавшееся положение. Кузичев соглашается, он объявляет еще в брехаловке: не найдется ли желающий прокатиться за двести километров ночью и в бурю? Машинист Серов не прочь ехать, но он не захватил на дежурство пищи. Соглашается Екимов, назначенный в брехаловку взамен Цветкова. Он неторопливо поднимается с места, одергивает пальто, поправляет шапку и зовет своего помощника. Перед пятидесятилетним Екимовым двадцатилетнему помощнику стыдно сознаться в лени, и помощник также идет вслед за машинистом. Кузичев звонит нарядчику, что он нашел еще бригаду добровольцев. Нарядчик говорит Кузичеву, что Екимова он отправит сейчас же вслед за Жигаевым, но самому Кузичеву придется еще помочь слесарям подготовить третий паровоз.

Кузичев с Верюжским идут в депо.

В брехаловке остаются Серов и Бороухин. К ним, может быть, нарядчик пошлет еще бригаду, может быть, нет. В вагон набиваются ремонтные рабочие ночной смены, деповские кочегары.

— Не сыграть ли, ребята, в козла? — позевывая, предлагает Серов. — А то спать хочется.

Карты находятся.

3

Был уже второй час ночи, а гости все еще не расходились. Супруги Гарпинченко, Капитолина Сергеевна и Герман Тарасович разыгрывали «подкидного дурака». Герман Тарасович аккуратно записывал проигрыши. Капитолина Сергеевна часто оставалась «подкидной дурой» и не отпускала гостей в надежде отыграться.

Акинф Аверьянович с Генрихом Яковлевичем сражались «по маленькой». Акинф Аверьянович пил рюмочкой и солидно закусывал жирными ломтями семги. Генрих Яковлевич пил чашкой и долго тыкал вилкой в тарелку, не попадая в закуску. Он уже успел рассказать Акинфу Аверьяновичу о том, как защищал Зимний дворец в ночь на 25 октября...

— Пожалуйста, — приглашал Акинф Аверьянович, наливая себе рюмочку, а собеседнику чашку.

Генрих Яковлевич вышел из-за стола и нетвердой походкой прошелся по комнате. Он оглядел сонными глазами дам, выпрямился, выпятил грудь и сложил ноги: «пятки вместе — носки врозь».

— Смирно! — раздалась команда.

Генрих Яковлевич захотел проделать перед дамами нечто замечательное.

— Р-р-ав-не-ние направо! Ша-агом арш! — И Генрих Яковлевич начал отбивать ногами под собственный счет: ать, два...

— Браво, bravo! — закричала Капитолина Сергеевна. — Вы великолепны.

Генрих Яковлевич подлетел к ней и поцеловал руку. Жена Гарпинченко кокетливо сказала:

— Генрих Яковлевич замечает только Капитолину Сергеевну.

— Пардон, мадам! — вытянулся перед ней Генрих Яковлевич и, склонившись, поцеловал у нее руку.

Инженер Гарпинченко поднялся с места.

— Если Генрих Яковлевич начинает командовать, — значит, он на втором взводе. Пора по домам.

На прощанье, когда все сгрудились в прихожей и восторженно твердили друг другу о прекрасно проведенном вечере, Гарпинченко вскользь бросил Герману Тарасовичу:

— Сегодня Рудный ищейкой лазил по моему отделу. Как бы нам не пришлось обратиться к вам за помощью... Знаете, Рудному надо выслужиться, и он не будет стесняться...

— Учтем-с! — склонился Герман Тарасович.

Акинф Аверьянович уверенно сказал про свои бухгалтерские записи:

— Голову на отсечение отдам. Ни один бухгалтер не до роется до истины в наших книгах.

Герман Тарасович вежливо рассмеялся и похлопал по плечу Акинфа Аверьяновича.

— Твердыня.

Все были свои люди, и давно уже никто не стеснялся друг друга.

Напоследок Гарпинченко, взяв за руки Акинфа Аверьяновича и Германа Тарасовича, сказал:

— Друзья мои... Я уже говорил... Не надо никаких организаций...

— Совершенно верно, — подтвердил Герман Тарасович. — Пустое, например, дело — случай с Венькой Екимовым, но как можно ловко на нем сыграть. Пальчики оближешь! — воскликнул он и поцеловал кончики пальцев.

— Да-с... На каждую бумажку можно дополнительные сведения запросить, — вставил Акинф Аверьянович.

— Очень хорошо, — похлопал по плечу бухгалтера Гарпинченко. — Вы замечательно действуете, Герман Тарасович. В каждом маленьком дельце элементы большого будущего... Скоро весна... А весной щепка на щепку насккивает. За границей тоже не спят... Война, окружение, низвержение... И вот тогда-то...

— Война! — рывкнул Генрих Яковлевич. — Гусары, смирно!

— Итак, друзья, — самодовольно, попыхивая папиросой, продолжал Гарпинченко. — мелочи — лозунг дня. Рассказывали в дирекции: в НКПС был сконструирован новый пассажирский вагон. Вагон, как вагон... Но стоит сделать чуть пониже вторую полку, как на первой люди будут сидеть в три погибели... Пустяки... А третью полку над второй так,

чтобы ни встать ни лечь... Зато вагон будет ниже, устойчивей... — засмеялся он. — Экономия материала. Вешалку не на том месте ввернуть, и пассажир будет наткаться на нее лбом...

— Выпустили такие вагоны? — с интересом спросил Герман Тарасович.

— Один построили, на пробу... да в НКПС раскусили «изобретение», — вздохнул Гарпинченко.

— Жаль, а идея богатая, — отметил Акинф Аверьянович.

— Не стоит унывать, — ободрил Гарпинченко. — Только не надо отставать от духа времени. Спросят вас: како веруеши? Верую в диалектический материализм, научное мировоззрение пролетариата... И все движется, все изменяется... И этак за пуговку юнгштурмовки комсомольца подержаться. Вы, мол, батенька, ведущая ось... уважаю, преклоняюсь... Ха-ха-ха...

— Хи-хи-хи! — одобрительно захихикал Герман Тарасович.

— Хо-хо-хо! — басовито гудел Акинф Аверьянович.

— До свидания, до свиданий, — довольный собой, раскланивался Гарпинченко.

На улице пьяный Генрих Яковлевич, держась рукой за Гарпинченко, порывался командовать ротой.

— Церемониальным маршем!...

Жена Гарпинченко успокаивала его, и Генрих Яковлевич ежеминутно извинялся и лез целовать ее руку.

Бросив командовать, он запел:

Гайда, тройка, снег пушистый,
Ночь морозная кругом...

Разыгравшаяся вьюга заметала следы «тройки».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Нинка Настина, узнав, что Александра носила завтрак жуковской бригаде, настояла на комсомольском собрании, чтобы все комсомолки, свободные от работы, взялись готовить горячую закуску для бригад, штурмующих больные паровозы.

И уже на другой день около каждого паровоза в депо

дымились чайники, брякала посуда, шел щекочущий запах снеди, изготовленной девчатами.

Нинка, гордо задрав нос кверху, обходила бригады, суетящиеся около корзин с пищей. Для бригад это был неожиданный приятный подарок.

Она с задором говорила своим подругам:

— У нас не по-интеллигентски... Учительница принесла завтрак своему муженьку — кофеек и бутербродики. Разве она знает рабочий желудок? А мы вот — щи, кашу, пироги. После этого во как будешь работать...

Встретив Николая Ивановича Фокина, девчата набросились на него с упреками.

— Безобразия! В депо, кроме кипятку, до сих пор ничего нет! Немедленно организуйте буфет! — кричала на председателя месткома Нинка.

Николай Иванович пятился от теснивших его девчонок.

— В месткоме ни разу об этом не поднимался вопрос. Мы обсудим, обсудим, — обещал он.

— Завтра чтобы был буфет! Мы поможем, — горячилась Нинка.

Девчонки ушли, унося опорожненные корзины. Стук молотков в депо раздавался бодрее, чем это было до прихода этого молодого отряда. Ребята гордились «дролями», постаравшимися на славу.

Как бы там ни было, но инициатива девушек сильно подняла настроение в депо. Это был праздник, какого не бывало в депо никогда раньше. Еще вчера у паровозов завистливо обсуждали завтрак жуковской бригады, принесенный Александрой, а сегодня такой же приятный отдых был у всего депо.

Николай Иванович сидел у Гуторовича. Проходя мимо поднятых над канавами паровозов, он подметил отсутствие ремонтных рабочих и с удовлетворением подумал о своей догадке, что эти паровозы осуждены Рудным на долгую стоянку.

— Следовательно, мои предположения верны? — допытывался он.

Гуторович хмурился. Он был неразговорчив сегодня. Николай Иванович подобострастно заглядывал ему в лицо.

— Не знаю, — нехотя буркнул инженер. — Да вообще я не понимаю ничего! — с ожесточением сказал он.

«Так, так!.. Это еще лучше. Я один раскрою замыслы Рудного. Гуторович просто тефа».

— Во многих местах заносы. Служба пути мечется в поисках рабочих. Поезда опаздывают. Паровозы приходят с большими, чем обыкновенно, поломками. Депо застопорено больными машинами, — рассказывал Гуторович.

Молодой инженер чувствовал себя расслабленным. На широком веснушчатом лице его застыло уныние и усталость. От каждодневного недосыпания тяжело закрывались глаза. Сегодня он работал с трудом.

— Надо мобилизовать население на очистку пути, — живо встрепенулся Фокин. — В решающие для нас дни стесняться не приходится. Что поделаешь, придется нажать.

— На нажме далеко не уедешь! — ответил Гуторович. — Эх, если бы знать, как протащить затею Рудного: выпускать по восьми паровозов в месяц. К осени мы были бы с новыми машинами! — воскликнул он.

— Ты веришь Рудному? — с удивлением спросил Фокин.

— Как человеку не верю, — глухо ответил Гуторович. — Но его план, пожалуй, верен. Иного выхода нет.

«Нет, надо уходить отсюда, скоро все партийные работники будут в лапах вредителя. Надо поднять массы» — заключил про себя Фокин.

Гуторович заторопился в мастерскую. Ему надо проверить обточку бандажей.

— Ты посиди здесь! Потом потолкуем, — сказал он Фокину и вышел из конторки.

Николай Иванович начал перелистывать справочник монтера депо. Чертежи, рисунки, формулы, схемы — можно умереть со скуки.

Затрещал телефон. Он деловито снял трубку.

— Алло! Ремонтная контора.

— Слушай-ка, Гуторович, нет ли у тебя Фокина? Разыскиваю чорта целый день! — услышал Николай Иванович Вахонена.

— В чем дело? — сурово спросил Фокин, меняя свой голос.

— Когда он наконец откроет курсы по переподготовке? Народу записалось сотня, а занятий — никаких. Ты ведь заведующий учебной частью, подтяни этого оппортуниста, — ругался Вахонен.

Николай Иванович не мог больше слушать. Разволновавшись, он выдал бы себя.

— Ладно! — зло ответил он в трубку и дал отбой.

— Ну, Вахонен, посмотрим, кто из нас оппортунист, —

сказал вслух Николай Иванович и, сердито распахнув двери, вышел из конторки.

2

Вахонен пришел на открытие курсов. В школе ФЗС курсы заняли три класса. Николай Иванович с сияющей улыбкой встретил секретаря в учительской.

— Торжество из торжеств! Не только курсы, но в эти дни я еще организовал замечательный буфет в депо, здесь и на путях следования бригад.

— Что говорить, ты умеешь повернуть дело, только на тебя приходится нажимать, — пошутил Вахонен и поздоровался с Рудным, Гуторовичем и Александрой, собиравшимися идти в классы.

— Доклад, лекцию я могу сделать... Но сейчас надо именно преподать материал, чтобы запомнилось раз и навсегда, — сказал Рудный, оторвавшись от книги, пожимая руку секретаря.

— Вы спросите учительницу. Она знает, как это сделать! — с усмешкой ответил секретарь.

— О! Александра Николаевна меня убила. Как это мне не пришло в голову?..

— Я им сказала, — улыбнулась Александра: — вы хорошие инженеры, но плохие преподаватели. Товарищ Рудный хотел сегодня закатить лекцию перед машинистами о всех случаях повреждений частей паровоза, а товарищ Гуторович наметил рассказать помощникам о всей арматуре котла. Молодые учителя обыкновенно забегают с проработкой программы, возвращаются к пройденному, стараются рассказать больше, чем вмещает голова ребенка, и в результате — семьдесят процентов отсталых. Такие учителя обыкновенно думают, что если для них все ясно и просто, то и для учеников не может быть затруднений.

— Наши ученики или бородатые, или ежедневно бреются, — заметил Рудный. — По-моему, вы немного не правы. Наши ученики вовсе не плохо знают паровоз. Курсы для них — повторение давно знакомого. Но я согласен, на первый день я хотел слишком много преподнести нашим курсантам.

Гуторович сидел вдали от Рудного, греясь у раскрытой печки. Он выглядел уставшим, озабоченным.

— Один паровоз выпустил сегодня? — спросил Вахонен.

— Да, но один — это еще не четыре, — язвительно усмехнулся Гуторович.

— Мы и не думали в три дня сделать четыре. Так ведь, товарищ Рудный?

— Надо пропустить в месяц восемь паровозов, — отозвался инженер.

Гуторович медленно повернулся в сторону начальника.

— Если за эти дни мы не найдем достаточно квалифицированной силы, ваш план будет сорван.

Вахонен сел рядом с Александрой. Она протянула ему лист бумаги.

— В группе кочегаров я сегодня расскажу о десятичных дробях.

Секретарь взял от нее лист. Просматривая, он вслушивался в разговор инженеров, спорящих о возможности выполнения плана ремонта. Голос старого инженера был спокойный и уверенный, молодого — дрожал.

— Все готово! — прервал спор инженеров Фокин, появившийся в дверях. Он ходил узнавать, собрались ли группы.

— Я с вами пойду, — сказал Вахонен Рудному.

Рудный шел заниматься с машинистами, Гуторович — с помощниками, Александра давала урок арифметики кочегарам.

Был приглашен еще преподаватель ФЗС по физике, но по расписанию его сегодня не было.

Вахонен не мог удержаться от улыбки, увидев машиниста Семенова, протянувшего под столом далеко вперед толстые, длинные ноги в мохнатых серых валенках; грузное туловище его было туго втиснуто в парту.

Несколько дней тому назад Вахонен видел Семенова в депо. Машинист, радостный, взволнованно рассказывал о том, что закончил осмотр арматуры. Вместе со спаренной бригадой Козлова Семенов дал показательные образцы работы. Гуторович потом сказал Вахонену, что паровоз этих бригад в самом лучшем состоянии из всех находящихся в депо. Сейчас забавно было видеть этого огрубелого на ветру человека, в неловкой позе согнувшегося за партой, напряженно следящего за Рудным, вычерчивающим на доске какую-то деталь паровоза; заскорузлой рукой машинист бережно нажимал на тоненький карандаш, вырисовывая чертеж вслед за инженером.

Вахонен окинул глазами класс. Его неприятно поразило: не было Кузичева, Жукова и других машинистов-партийцев.

Зато были безучастно сидевший Серов и смиренно поджавший губы Цветков.

«Ведущей оси нет, а бегунки на месте, — подумал Вахонен.

Рудный говорил, растягивая слова, точно старался задержать поток мысли, должно быть, помня совет Александры не забегать вперед. Вахонена смешило это. Он вспомнил сьюю беседу с инженером о переходе на спаренную, когда тот засыпал его техническими терминами, — сейчас он говорил простым, понятным языком. Часть машинистов записывала, другие тихо сидели молча, ничего не делая, и, видимо, скучали от бездействия. Секретарь заметил несколько человек, привычно дремавших с полуоткрытыми глазами.

Вахонен зашел и в класс Гуторовича. Тот, нарисовав на доске схему инжектора, объяснял его действие. Здесь, так же как и у машинистов, секретарь не увидел среди курсантов активистов-помощников: Юртанена, Верюжского, Новикова. Пьяный Андрюха Шкутов, уткнувшись носом в тетрадь, сопел, выводя карандашом какие-то каракули.

В перерыв Вахонен подошел к Семенову.

— Поди, вспомнил церковно-приходское? — весело обратился он.

— А хорошо, парень! — восторженно отозвался машинист. — Как ведь умно Рудный раскладывает! По косточкам...

— И спать не клонило?

— Что ты! После работы посидеть с часок за хорошей беседой — это отдых.

— Мне немножко не понравилось, — выпуская изо рта клубы табачного дыма, протянул машинист Козлов. — Пони-маешь? На доске нарисована деталь. Воображать надо! А ежели объяснять прямо у паровоза? Тогда толковее.

Вахонен насторожился.

«А что, если часть материала прорабатывать на производстве?»

В беседу вмешался Серов.

— Оно, конечно, — сказал он, — раз время приказывает, учись; учиться надо. Может, через годик, другой, третий на электричество перейдет дорога. Куда мы, паровозники, сгодимся? Там другие двигатели будут. Надо, по-моему, не только пар, а и электричество изучать! У меня парень учится в школе. Всегда ему говорю: «Прошлый век паровой был, нынче электрический, это помни!» Так вот и нам, машинистам, надо готовиться издалека. Курсы — хорошее дело...

— Я разве не за учебу? — горячо прервал его Козлов. — И у меня учится дочка. Через день в мастерские ходит. Опять же и в классе не лекции читают, а там лаборатории разные, самостоятельные занятия... Потому я и высказался: первый урок мне не понравился.

— Около паровозов все время тереться не след, — сухо ответил Серов. — Опять же мы, тяговики, привычный народ, а инженерам, людям интеллигентным, охота ли все время в грязи копаться? На чертеже все понятно. В классе и чисто и светло, а в депо что? В дыму да в темноте после работы жмись...

— И Рудный и Гуторович, кажется, не боятся испачкаться на паровозе? — усмехнувшись, вставил Вахонен.

— В школе сидеть куда лучше, чем по мастерским шляться, — защитил Серова Цветков, сидевший рядом со своим приятелем.

— По мне все равно, где заниматься, в школе или депо, а учиться хорошо! — решил Семенов. — Сколько лет я за книгу не садился!

Прозвенел звонок. Звонил Николай Иванович Фокин. Сторож вечером топил печи. А Фокину хотелось создать на курсах настоящее впечатление школы. И он ходил от учительской по коридорам, классам и до уборной, усердно вызывая колокольчиком. Лицо его сияло от удовольствия.

— Ребята! Бросай курить! На уроки! — крикнул он в уборную.

— От перенесения запятой вправо число увеличивается, а влево уменьшается, — усовещивал кого-то голос Егоршина.

— Да ведь цифры-то те же, — прогудел бас Никодима Малышева.

Они вместе ввалились в двери. В коридоре окликнул Вахонен Егоршина, спешившего в класс.

— Почему нет Жукова?

— У Жукова женка с Украины приехала... Беда! Вот какой мягкий да ласковый стал, — засмеялся Егоршин.

— Да ведь он терпеть не мог баб, — удивился Вахонен.

— Не терпел, это верно, — пояснил кочегар. — Поссорился с женой и уехал сюда на север... Да два года спорили друг с другом — ни ей ни ему уступить не хотелось. И вот сдали оба.

— Почему нет Юртанена?

— Он все знает... Мне, говорит, учиться не надо.

— Передай ему, пусть зайдет ко мне, — наказал Вахонен.

Урок секретарь просидел в учительской. В комнате было тепло и уютно. Мягкий свет лился сквозь матовые стекла абажуров. За окном тихо шебаршил ветер. Он облокотился на стол и дремал. Из классов изредка долетали голоса лекторов. Фокин, выложив перед собой часы, развалился на мягком кресле, заложив ногу на ногу, и читал газету. Он часто взглядывал на Вахонена, порываясь заговорить с ним. Но секретарь молчал.

После урока Вахонен собрал курсантов и высказал им свою идею, мелькнувшую у него во время беседы с машинистами.

— У нас нехватает в депо квалифицированной силы, в особенности при производстве среднего ремонта. Я предлагаю обсудить: теоретическую часть курсов совместить с практической работой по ремонту. Этим мы достигнем и увеличения выпуска отремонтированных паровозов и лучшего усвоения программы переподготовки... Так, товарищи?..

.....

— С переходом на спаренную мы имеем, — перечислял Александре Гуторович, когда они вместе вышли из школы: — во-первых, ни один машинист не захочет ездить на плохой машине, а следовательно, будет сам следить за мелким ремонтом; для депо это — освобождение рабочих для других работ. Во-вторых, в связи с новой постановкой метода переподготовки десятки бригад будут участвовать и на среднем ремонте. Замечательно! — восхищался инженер. — Ай, Вахонен, хорошо придумал. Знаете, я сначала не верил руководству секретаря, я думал, что он находится на поводу у Рудного, план которого я считал вредительством. Вахонен, оказывается, умеет хорошо держать вожжи в руках. У него все нити. Он умеет возбудить инициативу других, дать ход и уверенно следить за движением.

Фокин шел сзади. Он слышал слова инженера.

«Никто не понимает катастрофы, которая приближается. Партийцы начинают работать методами капиталистов. Лишь бы больше выжать!» — ужасался Фокин.

Он дождался Александра Ивановича Цветкова, чтобы спросить его мнение. Цветков шел с Серовым, оживленно беседуя о курсах.

— Как, ребята, думаете? Вы, кажется, ничего не сказали сейчас на собрании.

— Что говорить? — раздраженно бросил Цветков. — До

спаренной мы действительно работали по всем правилам кодекса труда... А теперь и паровоз чисти, и учись, и ремонтируй... А отдыхать когда?

— Неизвестно! — уныло буркнул Серов.

3

Гуторович, возбужденный, проводил Александру до дому. Все время он горячо говорил о работе. Александре передавалось его увлечение. Она знала Гуторовича давно. Он казался ей раньше необщительным, вечно недовольным, недобрчивым к людям.

— Заходите когда-нибудь! — прощаясь, предложила она Гуторовичу.

— Боюсь Алешки! Он у вас ревнивый! — пошутил инженер.

— Если он будет ревнивцем, ему достанется от меня, — строго сказала Александра.

— Впрочем, я совсем ни у кого не бываю. Депо и свой холостяцкий угол только и знаю...

— Мы с Катей Шершавиной найдем вам невесту! — засмеялась Александра.

— Батюшки! — спохватился он. — Ребята комсомольцы звали меня помочь составить график движения паровозов. — И, попрощавшись, он отправился в депо.

График работы спаренных паровозных бригад был наспех составлен в отделе тяги. Рудный забраковал его. По просьбе Рудного Вахонен дал переделать его комсомольцам. Правильно составленный график был первейшим мероприятием к переходу на спаренную; нужно было четко составить расписание работы паровозных бригад. На ходу Гуторович вспоминал поправки, которые он хотел внести в график.

Сашка Кенсоринов, секретарь комсомола, с упреком встретил инженера:

— Целый час ждем! Обещал в десять, а пришел в одиннадцать, — указал он на часы.

— Сегодня бригада одна пришла в депо, а паровоза их нет! — сообщил один из комсомольцев инженеру. — Побегали-побегали и взяли чужую машину. Четыре бригады сбиты с толку. Давай, садись за график!

Ребята просидели за графиком до трех часов ночи.

Мишка вел переписку с товарищем с Северной железной дороги,

Сейчас он читал вслух письмо, полученное от товарища:

«В дни штурма за оздоровление паровозного парка комсомол, не считаясь с выходными днями и свободным дневным временем, объявил провести за работой тридцать часов ночных».

Окончив чтение, он предложил ребятам заключить договор на соцсоревнование с деповским комсомолом на Северной.

— И все-таки сядь на место и ни слова лишнего, — остановил его Кенсоринов. — Об этом ты скажешь на собрании. Сейчас ты только мешаешь сосредоточиться.

Это было уместно сказано. Мишка в тишине мог высиживать полчаса, не больше, потом он раздражался выкриком, его останавливали, и он снова садился за дело.

Гуторович оторвался от расписания и смотрел на обоих, точно впервые их видел. Мишка был румяным кругляшом с надутыми до отказа полными щеками, с маленьким вздернутым носом; у него была круглая, шарообразная грудь. Кенсоринов в спокойной, удобной позе сидел за столом; под широкой толстовкой его угадывались развитые, крепкие плечи.

Гуторович поймал себя на чувстве зависти по отношению к Кенсоринову. В себе он не находил чего-то еле осязаемого, такого, что придавало, например, Кенсоринову хозяйственно-спокойный, внушительный облик.

«В самом деле, — размышлял молодой инженер. в то же время соображая над графиком, к какому составу отнести один из паровозов, — партия объявила решительную борьбу за оздоровление работы транспорта. Обезличка не обеспечивала перевозок. Вахонен, Жуков, Юртанен, Кенсоринов — они подхватили призыв партии. Они и до этого трубили тревогу. Тревога была подхвачена. Они были нервами партии. Голова приказала. Теперь они работают во-всю. Они будут работать до тех пор в этом направлении, пока не встретится необходимость изменить метод. Они опять передадут сигнал об изменении условий. Итак, они всегда хозяева дела. Хозяева!» — остановился Гуторович и вдруг нашел место паровозу в графике.

«Выходит так, что прав был на собрании Кузичев, высмеявший его, Гуторовича, назвав его «пупом земли, около которого вертится советская техника». Да, может быть, Кузичев прав в своей иронии... Я, кажется, проморгал изменение условий, а проморгав, отстал от жизни...»

Гуторович облегченно вздохнул, когда понял свою ошибку.

— На сегодня, ребята, довольно! В восемь на смену. Надо и выспаться.

— Пойдем ко мне, — предложил Кенсоринов. — Моя квартира ближе.

И Гуторович не стал возражать.

Всей компанией они пошли по канавам депо, направляясь к выходу. Кое-где раздавались стуки ручников по железу, свистели пилы. В депо было холодно, сыро.

На одной из канав шла перебранка. Надтреснутый голос скрипуче доказывал:

— Хвосты оставлять нечего... Ты не доделаешь, другой не доделает... И не найдешь, кто начал, чем кончил...

— Пошел к чорту! — слышался другой голос.

Гуторович и Кенсоринов подошли к спорившим. Это были старик Тюря и слесарь Ольхов.

— Я ему говорю: в ремонте надо изжить обезличку, а он матерится, — пожаловался Тюря.

Ольхов неторопливо положил на площадку паровоза инструменты и вынул из кармана кисет с махоркой.

— Я не взаправду ругаюсь, а так, по привычке, — благодушно ответил Ольхов Тюре. — Ты тут ни при чем. Только я тебе как мастеру, ну, как начальству заявляю, что получать зарплату такую же, как любой подручный, я больше не желаю.

— Как рассудишь? — спокойно спросил Ольхов инженера. — Я не ругаюсь, а другие давно зубы точат на такое дело.

— Дело серьезное. Надо подумать, — ответил Гуторович.

— Так подумайте! — крикнул им вслед Ольхов. В голосе его слышались насмешливые нотки.

— Да, подумать следует, — подтвердил Кенсоринов Гуторовичу. — Ольхов не бузила, он только честно сказал о том, о чем иной бы на его месте только шипел по углам.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Ольхов скептически улыбался, когда Жуков, поставив персводной рычаг на центр, пускал пар в парораспределительный механизм. Хорошо ли притерты золотники?

Работа Ольхова выдерживает самую суровую поверку. Жуков закрывает регулятор и, довольный, разглаживает кулаком свои жесткие, короткие усы.

Он взял ручник и начал расшатывать дышла, разглядывать болты, гайки, масленки. Он морщился. Тюриков заметил его недовольную гримасу.

— Ой, придиры! Ой, придиры!

— Как ты думаешь, на перегоне взамен паровоза я с Алешкой да Егоршиным впрягусь в состав, если сдаст машина? — сурово спросил Жуков.

— Что говорить! — сморщился Тюр. — Объявились ударники — выше всех стали.

— Эх, старик! — рассердился Жуков. — Много ты паровозов починил, а ума не нажил. Через месяц-другой все ударниками будут. Что, это плохо? Это не обязывает лучше относиться к делу? Довольно уж по-русски работать!

Вступился Ольхов. Он работает не торопясь, но не делает ни одного движения зря. Работа у него подвигается хорошо, хотя он медлителен.

— Ежели бы ударники да научились работать, как надо, был бы толк!.. Гляжу на молодых слесарей... Кипятятся, ударяют... а брак гонят. Что толку? Учеба! — бросает он.

Алексей несет керосин, мазут, паклю и тряпки. Лицо его красно от мороза.

— Скоро первое мая, а снегу на сажень насыпало! — говорит он и освобождается от бидонов и вороха тряпок.

— Принимайся за обтирку! — распорядился Жуков, сам вынул линейку и начал измерять длину штоков, высунувшихся из парораспределительной коробки.

— Принимаешь ремонт? — окликнул Тюриков.

— Конечно! Но приеду из поездки и запишу еще больше вчерашнего.

— Ребята! — показался из-за буферов Егоршин. — Милиционер разыскивает, на суд нас требуют.

— А я-то и забыл! — посвистел Жуков. — Что-то будет, — усмехнулся он.

2

По дороге они встретили Вахонена вместе с Екимовым. Екимов жаловался секретарю на Веньку. Секретарь обещал пристроить на работу подростка. Жуков просил Екимова присутствовать на суде. Тот не знал, что дело назначено к

разбору на сегодня. Но согласился охотно. Вахонен также направился вместе со всеми. Ему хотелось увидеть Веньку и поговорить с ним. Разыскивавший бригаду милиционер, завидев их около депо, сообщил, чтобы они торопились: суд сейчас совещается, и потом первым будет рассматриваться их дело.

Вахонен рассказал дорогой о намеченной работе курсов.

— Сегодня первый день таких занятий. Обязательно приходите, — строго наказал секретарь.

— Но мы сегодня едем с поездом.

— Хорошо. Только в следующий раз не подкачайте! И, знаете, сегодня сообщили из главных мастерских: к нам возвращаются два наших паровоза, выпущенных из большого ремонта до срока.

В зале судебного заседания народу было немного. Венька с Евстольей сидели на передней скамейке. Около них на стулике примостился Герман Тарасович. Любезно склонив голову, он что-то шептал Веньке. Евстолья, соглашаясь, молча кивала головой.

— Позорите вы меня! — подошел к ним Екимов.

— Сто раз тебе говорила: закон порядку требует, — отрезала Евстолья и отвернулась.

Екимов покорно сел рядом. Герман Тарасович отодвинулся, давая место.

Вахонен обошел скамейки и сел рядом с Венькой. Жуков, Юртанен и Егоршин остались стоять у дверей.

Дверь соседней комнаты открылась, и гуськом потянулись председатель суда и двое нарзаседателей.

— Именем Российской социалистической федеративной советской республики... — начал судья читать приговор.

Одного парня присудили к четырем годам лишения свободы за убийство на гулянии, в драке. Парня взяли под стражу. Парень выглядел кротким и тихим. Вахонену казалось непонятным, каким образом этот стеснительный, неповоротливый парень убил другого, нанеся одиннадцать колотых ножевых ран, как это сообщалось в приговоре.

Парня повели под конвоем. Женщина у дверей со слезами бросилась к нему на шею.

Милиционеры оттеснили ее.

Парень молчал. Не оглядываясь на мать, он раскрыл двери и первый вышел на улицу.

— Видел? — тихо спросил Веньку Вахонен.

Тот отвернулся и исподлобья взглянул на него.

— А ты кто такой? — нахмурился Венька.

— Видел, до чего бескультурье доводит?

— Тебе какое дело?

— Жалко все-таки, — сокрушенно сказал Вахонен. — Ты вот, говорят, тоже у Нардома резнул ножом мальчишку.

— Кто тебе сказал? — повернулся Венька.

На него, должно быть, сильно повлияла сцена с парнем: лицо Веньки посерело от испуга.

Судья разбирал бумаги. Секретарь подал ему папку.

— Гражданское дело по иску Вениамина Екимова к паровозной бригаде: Жукову, Юртанену и Егоршину. Истец и ответчики есть? — спросил судья.

— Есть! — в один голос ответила у двери бригада.

На допросе Венька рассказал, «как было дело». По его словам выходило, что бригада была «выпивши», на повороте ехала с большой скоростью, свистков не подавала, а сам Венька с горы не ехал, а остановился на пути перевязать лыжу, нагнулся и не слышал приближения паровоза. Требовал он «алименты» в сумме семидесяти пяти рублей в месяц, так как утерял работоспособность.

На вопросы судьи Венька отвечал, не запинаясь ни на одном слове, как заученное.

Герман Тарасович, довольный, записывал что-то в блокнот. Он готовился к выступлению после опроса ответчиков. Ефтолья, не глядя на мужа, сидевшего рядом с ней, кивала головой в подтверждение слов сына.

На место Венька сел вспотевшим. Видимо, он все-таки волновался.

Ответчики отрицали показанье истца. Председатель, пожилой мужчина с сухим, желтым лицом, бесстрастно слушал.

— Его, чорта, перерезать бы надо! — сказал Егоршин судье.

— К порядку! — сурово осадил тот.

— Именно к порядку! — согласился кочегар. — Мы его спасли, да с нас же и деньги подай?

— Прекратить бы! — вмешался Екимов. — Стыд один! Ваше дело разобрать, раз в суд подали, только нехорошо.

— Не мешайте, гражданин! — остановил его судья.

Герман Тарасович говорил недолго. Он доказывал бесспорность вины бригады и необходимость возместить убытки истцу. Говорил он вежливо, склонив плешистую голову набок и теребя пальцами свою бородку клинушком.

Когда члены суда ушли на совещание, Вахонен обратился к Веньке.

— Поди, на гостинцы деньги надо? — приставал он.

Венька ответил ему шопотом:

— Мать костюм заведет, пальто...

— Вон как! — покачал головой Вахонен.

— Перестаньте, гражданин, смущать малолетка, — сердито крикнула Евстоля.

Екимов сказал о чем-то ей. Она оглядела Вахонена и зло ответила:

— Я почему знала, кто он такой?

— Так вот, — бросил Веньке секретарь, собираясь уходить. — Парень ты хороший, в силе. Иди-ка в депо, в ученики слесаря. Через год подручным будешь. А там, может быть, и машинистом поедешь. Не доведут до добра такие твои дела.

— А ты кто такой есть? — хмуро спросил Венька Вахонена. — Вижу, облик знакомый, на собраниях будто видал, да не признаю никак.

— А это ничего, вспомнишь. Я вот сегодня поеду на расчистку путей. Не поедешь ли со мной? Весело будет. И мать с собой захвати. Я тебя старшим сделаю. Ты, поди, мастер снег откидывать?

— Еще бы! Не велика мудрость, — отважно отмахнулся Венька.

Екимов вслушивался в беседу Вахонена с сыном. Его удивляло, что секретарь говорит с Венькой, как с товарищем, взрослым человеком. Сам он ни разу еще не беседовал так с сыном. Евстоля недружелюбно следила за секретарем.

— Чем-то все кончится, — ухмыляясь, подошел к ним Егоршин.

— Венька поедет сейчас со мной на снегоочистителе, — ответил Вахонен за Веньку. — Он у меня бригадиром будет. Со всего поселку народу соберем. Вот, тетка, ежели не расчистим путей, поезда станут, — обратился затем секретарь к Евстоле. — А станут поезда — и железнодорожникам делать нечего. Что посоветуешь делать?

— От других не отстану, — отрезала Евстоля. — Что я, рыжая?

— Встать! Суд идет.

Председатель начал читать вступление к решению суда. Венька наклонился к Вахонену.

— А вдруг назначат алименты? Тогда поступить в действо нельзя? А?

— Не знаю. Слушай.

— Разобрав дело по иску гражданина Вениамина Екимова к ответчикам... суд в составе... вынес решение... — передохнул председатель: — в иске отказать.

3

К полдню выпал опять снег. Потеплело. С моря дул мягкий ветер. Тучи рассеялись, и над Хибинами выплыло весеннее, яркое солнце. Кругом было бело. Толстыми, рыхлыми пластами снег осел на лапах сосен, повис под крышами, завалил дороги.

На крыше депо рабочие отрезали лопатами огромные пряники снега и сбрасывали вниз. У стен возникали горы, закрывающие окна здания.

Между домами прорывали глубокие белые коридоры.

Гуторович, торопясь, пробегал по коридорам из снега, ища выхода к депо. Он проспал и досадовал на себя за опоздание на работу. Никто не упрекнул бы его за это, все знали, что последние две недели он не выходил из депо по восемнадцать-двадцать часов под ряд.

Одна из канав для среднего ремонта пустовала. Гуторович уговорился с Рудным произвести на этой канаве сегодня вечером подъемку и разбор паровоза силами курсантов.

В конторке Гуторовича дожидался Гарпинченко.

— Тихон Петрович, могу вас обрадовать, — встретил Гуторовича Гарпинченко, — домкраты Беккера к вашим услугам.

— Это хорошо! Спасибо! — пожал протянутую руку Гуторович и заторопился в мастерские.

— Может быть, еще что-нибудь надо? Сверхнеобходимое? — спросил Гарпинченко. — Быстрое исполнение заказа — моя система.

— Я же дал вам список! — удивился Гуторович. — И все, что там написано, надо как можно скорее.

— Все будет, Тихон Петрович!

Гуторович мельком взглянул на Гарпинченко. Он не любил, когда его называли «Тихон Петрович», просто «Гуторович» ему более нравилось.

— Товарищ Гарпинченко, мне некогда! Вы должны представить запасные части по моему списку во что бы то ни стало. Никаких оправданий! Если мы не оздоровим паровозов, знаете, что срысывается?

— Пятилетка, — улыбнулся Гарпинченко.

— Конечно! — волнуясь, ответил молодой инженер.

Сияющий, розовый Гарпинченко встал с места и, прощаясь с Гуторовичем, долго держал его руку в своей, трясая и пожимая.

— Все будет! Не беспокойтесь! Я послал в главные мастерские и дирекцию лучшего своего агента, он все раздобудет. Генриха Яковлевича, может быть, знаете? Исполнительность и аккуратность! Ауф видерзейн!

Гуторовича покорило от любезной навязчивости Гарпинченко.

— До свидания, — не скрывая неприязни, процедил он сквозь зубы.

Гарпинченко вежливо склонил голову и приподнял низенькую, в мелких завитушках, каракулевую шапочку.

Гуторович бегом бросился к канаве, где собирался второй паровоз за эти дни штурма. На соседнем работала комсомольская ударная бригада. Ребята начали работать над паровозом на три дня позже. Им дан был срок выпустить машину в две недели. Комсомольцы выдвинули встречный план — выпустить в двенадцать дней. Выгадывать два дня у каждого паровоза — это значит ко дню МЮДа выпустить из ремонта сверх плана одну машину — подарок транспорту от комсомольцев. Они за четыре месяца хотели нагнать шестнадцать дней.

Кенсоринов организовал из ребят ФЗС бригаду в помощь деповским комсомольцам. Для учащихся ФЗС это была уже не только учеба, а непосредственная, живая связь с производством, она накладывала ответственность. В свободное от школы время школьники окружали комсомольцев, помогая им всюду по своим силам.

Гуторович застал около третьего паровоза целый отряд учащихся. В школе был выходной день. Мишка работал по арматуре. Школьники по его указанию чистили отдельные части. Это была несложная, но кропотливая работа, она отнимала много времени. Сам Мишка притирал клапаны инжектора.

— Стариков обгоняем! — встретил Гуторовича Мишка. — Начали сборку на три дня позже, а выпускаем позже только на день. Завтра к вечеру готов будет.

На дальних канавах раздался гудок. Второй, третий. Гуторович расслышал в промежутках громкую ругань.

— Тревога! — тихо сказал Мишка. Лицо его стало неподвижным, глаза напряженно застыли.

Он бросил работу и прыгнул с паровоза. Гуторович, прыгая через канаву, пронесся на место происшествия. За ним бежали, спотыкаясь, падая, скверно ругаясь, люди.

В окне будки Гуторович увидел красное от негодования, широкое лицо машиниста Шершавина.

— Что случилось? — что есть силы крикнул ему инженер.

— Машину испортили!.. — бешено рывкнул в ответ Шершавин.

Гуторович прыгнул в будку.

Паровоз окружили рабочие. В шуме и гаме ничего нельзя было разобрать. Догадывались, спорили, кричали.

— Товарищи! — крикнул из окна Шершавин. — Я еду к поезду! Через час должен быть на станции. Что они со мной делают?

И он сбежал по боковой площадке паровоза на переднюю.

— Видите? — указал он на раскрытую парораспределительную коробку и вытащил оттуда грязный обносок старой калоши. — В золотники сунули это.

— Ты зачем бузу на все депо поднял? — подступил к нему Гуторович.

— Кто мне за двадцать минут соберет золотники? Что я, буду по канцеляриям ходить два часа? Мне к поезду надо! — кричал, ругаясь, Шершавин.

— Расскажи толком, — останавливали его.

— Прихожу на паровоз. Ремонт сделан? Сделан! Осматриваю, принимаю. Даю ход. Все хорошо. Стал из депо выезжать. Стучит машина. К кругу подъехал. Стучит. Что я, не знаю, почему стучит? Первый день на паровозе?

Красное лицо Шершавина багровело от возмущения.

— Прислушался, — продолжал он. — В чем дело, рабочий класс? Слышу, в золотниках чавкает. С Сенькой, помощником, вскрыли. И вот, — потряс он калошу, — в золотниках торчит. Сеньку за керосином и паклей услад, а сам свистеть. Буду по канцеляриям бродить: исправьте, пожалуйста! Мне к пассажирскому поезду ехать!

Он заботливо, с любовью посмотрел на свой блестящий, высоконогий паровоз серии «С».

— Моя машина ударная! Что сделали!

— Мог бы все депо и не будорожить, — крикнул кто-то, уходя.

— «Не будорожить»?!. — вскричал Шершавин. — Вредительство в депо — не смей об этом сказать?!. —

— Да, но ты оторвал от работы людей! — негодуя, набросился на него Гуторович. — Ты мог бы позвать дежурного, меня, наконец. Об этом факте сказать ячейке, местному. Разве можно замолчать такое дело? В стенновке, на собрании — всюду мы забьем тревогу!

— А я одним махом тревогу задал, — с гордостью произнес Шершавин. — Я ударник и не позволю вставлять палки в колеса.

Гуторович с ненавистью взглянул на машиниста. Он подумал: Шершавин забил тревогу не потому, что этот возмутительный факт говорил о неблагополучии в депо, а потому, что лично столкнулся с задержкой в его работе.

Вызвали бригадира, производившего ремонт на паровозе Шершавина. Он пришел бледный, с трясущимися губами.

— Кто заделывал коробку? — спросил Гуторович.

— Слесарь Панкратов с двумя подручными, — все больше пугаясь, ответил бригадир. — Он домой ушел после смены

— Панкратов? — крикнул Шершавин. — Я у него раза три не принимал ремонт. Гадко делает. В отместку это! Паскуда!

— Послать бригаду слесарей! — приказал дежурному Гуторович. — Немедленно произвести осмотр и закрыть парораспределительную коробку!

— Успеете к поезду! — успокоил он Шершавина. — А впредь так не поступайте.

— Ну да, стану пятки лизать, когда мне свинью подкладывают! — огрызнулся тот и стал вместе с подошедшим Сенькой Новиковым заправлять паровоз к поезду.

Вызванная дежурным по депо бригада возилась уже над парораспределительной коробкой.

Гуторович ушел к канавам среднего ремонта. Его до крайности взволновал этот случай с калошей. Честно выполняя до дней штурма свою норму: выпускать из ремонта четыре паровоза в месяц, — он ощущал раньше благополучие в депо. Все шло по строго выработанному расписанию. Не было срывов, зато не было и спешки, торопливости, не было обостренных отношений между работавшими. Гуторович не чувствовал в депо и врагов. Но при всем кажущемся благополучии на него надвигалось какое-то тревожное чувство застоя, неподвижности. Недаром он пожаловался Рудному на свою казавшуюся ему ничтожной деятельность. В дни штурма, когда поднялась активность масс, когда кругом сильнее

застучали молотки, когда быстрее завертелись станки, когда паровозы освобождались от накипи и грязи, накопившейся за годы, когда, вместе с обновлением машин, обновлялись в трудовом энтузиазме и люди, — тогда заметней зашевелились и враги. Они всегда были рядом, только надо было уметь их видеть.

Однажды Вахонен сказал Гуторовичу:

— Люди, не видящие кругом себя классового врага, думают, что он где-то далеко, в соседнем районе, о котором пишут в газетах. «У нас на месте врагов нет» — так думают оппортунисты. Надо видеть и разоблачать врага.

На допросе слесарь Панкратов сознался:

— Ненавижу Шершавина! По злобе на него галбшу в злотники сунул.

— Ты понимаешь, что мстишь не Шершавину, а всему рабочему классу? — спросили его.

— Не подумал, — смутился Панкратов. — А машинист этот нас, слесарей, ни во что ставит! — горячо высказался он. — Себя выше всех ставит. Всем только тычет: — я, я!.. Индивидуал он, даром, что ударник!

И Панкратов закрыл глаза рукой, стыдясь своего поступка.

Гуторович присутствовал при дознании. Его поразила уверенность, с какою Панкратов говорил о Шершавине. Гуторович понял, что тревога в депо, вызванная Шершавиным, не говорила в его пользу. Машинист слишком напоминал о себе, выказывая себя «индивидуалом», как определил Панкратов.

4

— Что теперь будет? Что будет? — всхлипывала Капитолина Сергеевна, помогая Герману Тарасовичу складывать вещи.

— Успокойтесь, Капитолина Сергеевна. Акинф Аверьянович докажет свою невиновность — и опять будет рядом с вами, — утешал защитник.

— Вы не верите этому, — безутешно плакала она. — Вы покидаете нас.

— Я давно стремился отсюда уехать. Здоровье не позволяет жить на крайнем севере, — вздохнул он.

— Герман Тарасович, расскажите толком, как это случилось? — просила она.

— Происки, происки, Капитолина Сергеевна! Людям надо

выдвинуться по служебной линии. Рудный — царь и бог в районе. Паровозы — центр внимания. Он паровозами управляет. Мало этого, мало, уважаемая. Надо перед партией свою преданность показать, подлизаться. Он и перед секретарем Вахоненом на лапках ходит. Вот, значит, достопочтенного инженера Гарпинченко и оплели сетями. А ваш Акинф Аверьянович бухгалтер — у него книги. Знаете, кто-то там вредит, а настоящие служащие отвечай Вредительство вскрыть лестно. И Вахонену и Рудному ючет и уважение от общественных организаций...

— Наши страдай! — всхлипнула опять Капитолина Сергеевна.

— Не волнуйтесь, не волнуйтесь. Вредно вам волноваться, женщина вы полная, сердце слабое.

— Как не волноваться?.. Герман Тарасович, ведь Акинф Аверьянович без кофе пропадет там.

— Скоро придет... Не виновен он. Так прощайте, Капитолина Сергеевна! — собрался он.

— Прощайте! — утирая платком слезы, проводила она. — Пишите, как устроитесь на новом месте!

— Непременно! Буду счастлив сообщить! — запахнувшись шубой Герман Тарасович и надвинул глубже на голову свою маленькую кепочку с пуговкой.

Герман Тарасович узнал об аресте Гарпинченко от члена РКИ, производившего обследование материальной части. Расспросил его, насколько возможно было, узнал о хищениях, подделках запросов службы тяги и депо: требовали одно, заготавливалось другое. Член РКИ говорил о неизбежности катастрофы на участке, если бы не обнаружилось это вредительство. Герман Тарасович решил как можно скорее уехать.

До вокзала он ехал на оленях. Знакомый помор пелез защитника. Герман Тарасович прислушивался к пугу реки и восторженно думал о постройке в этих местах мощной железнодорожной станции.

«Богатства кругом... Красота... Замечательную бы жизнь можно устроить... Веселую. При англичанах было...» — мечтал Герман Тарасович.

— К путине приготовились? Артелью не плохо? — спросил он помора.

— Чем плохо? Это тебе не при Куимове, — отозвался тот.

— А что?

— То! Хозяева теперь! Раньше за тридцать копеек в день на Куимова робили. Понимать надо!

Герман Тарасович был другом и приятелем рыбопромышленника Куимова и вел его бесконечные тяжбы с лопарями и поморами из-за рыбных откупов, расчетов с рыбаками и разными организациями.

Больше он не спрашивал помора ни о чем.

Проходя поперек линий, он увидел на одном из паровозов машиниста Шершавина.

— К поезду приготовились? Скоро отправляемся?

— Скоро. Вы куда собрались? — окликнул машинист.

— Прсветрится. Засиделся на месте! — неопределенно ответил Герман Тарасович.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Первые три пятидневки дали три отремонтированных заново машины вместо намеченных по плану Рудного четырех. Семьдесят пять процентов выполнения плана привели в нервное возбуждение Гуторовича. Руки и ноги тряслись лихорадочной дрожью. Вахонен, присутствовавший при выпуске машин из депо, посоветовал инженеру идти домой и хорошенько выспаться.

— От радости не умирают, но эта радость далась тебе дорого. Иди и ляг на сутки.

Гуторович не мог спать. С закрытыми глазами лежал он на кровати, и перед ним в нескончаемой пляске вертелись станки, оттачивались бандажи, клепались котлы, начищалась арматура... Только к утру он успокоился и уснул.

Когда он открыл глаза, сразу вспомнил события, заставившие его трепетать. Учбригада досрочно выпустила десять учащихся, — это было свежее и надежное подкрепление; курсанты-паровозники разобрали во время занятий один паровоз и помогли бригадам слесарей с ремонтом и сборкой; комсомольская бригада вызвала на соревнование «стариков» и выпустила паровоз из ремонта на два дня раньше срока, заставив подтянуться и «стариков», бросивших лозунг «догнать и перегнать комсомольцев»; и, наконец, сам Гуторович теперь окончательно поверил в возможность выполнения плана, и это поднимало инициативу и силу.

— Хорошо! — было его первым словом после двенадцатичасового беспробудного сна.

Он чувствовал теперь плотную уверенность в своих поступках и действиях. Если первая половина месяца дала семь-

десять пять процентов плана, в следующем полумесяце они добьются ста. Он наскоро закусил и пошел в депо.

По дороге встретил Александру.

— С праздником? — улыбаясь, спросила она.

— На три четверти! — ответил Гуторович, намекая на часть выполнения задания.

— Знаю! Почему ко мне не заходите?

— Разве у меня есть время? — с удивлением отступил от нее Гуторович.

Она посмеялась и дружески потрепала по плечу.

— Определенно, вы мне нравитесь!

— Полноте шутить! Еще не родилась женщина, которая понравится мне. Вы рискуете остаться без взаимного чувства.

— Не принимайте это всерьез, — улыбнулась она. — Какой вы наивный и... смешной!

Она распрощалась с ним, все еще смеясь. Гуторович с широко раскрытыми глазами с минуту оставался на месте.

— Чудачка! — громко крикнул он ей.

Она помахала в ответ рукой.

— Хорошо! — мотнул головой инженер.

Когда после окончания института ему дали путевку на север, он восторженно мечтал увидеть страну, так чудесно описанную Джеком Лондоном: белое безмолвие снегов, холод, северное сияние, темные воды океана, бурливые, незамерзающие реки, бег оленей...

Он приехал и не нашел того севера, который представлял себе по книгам. В холодных просторах тундры шла жестокая борьба между людьми, завладевшими тундрой и стадами оленей, и людьми, бывшими рабами этих завоевателей. И на рыбных промыслах было то же самое: были люди, имеющие суда и сети, и были такие, у которых не было ничего...

Гуторовичу дали две канавы депо, на которых ремонтировались старые паровозы, и от него потребовали настойчивости и терпения.

Волна перестройки охватила север. Открывались новые, неисследованные раньше залежи огромных богатств, таившихся в горах; люди начинали и в тундре и на море хозяйствовать на новых началах; перестраивалась железная дорога — этот нерв расцветающего края. Перед Гуторовичем проходили картины севера, не того патриархально-дикого, который он знал по книгам, а нового, индустриального.

И в этой переделке Гуторович выполнил семьдесят пять процентов плана. Следующий месяц должен дать сто процентов.

Он вошел в депо с радостно бьющимся сердцем; встреча с Александрой, ее дружеская улыбка стояли перед ним, подбадривая.

В конторке дожидался Фокин.

— Машинисты ворчат на перегрузку, — сообщил Николай Иванович.

— Кто? Имена называй! — весело спросил Гуторович.

— Серов, Цветков... Как бы чего не вышло?..

— Серов? — удивился инженер. — Серов пять дней тому назад задержан у материального отдела с ворованными инструментами. Он вор! Вместе со всеми вредителями под суд идет.

— Может ли быть? — поразился Фокин.

— Ну, а Цветков твой тоже не похож на преданного работника, — продолжал Гуторович. — Хотя на ячейке мы и дали выговор Жукову и Юртанену, когда те глупо разыграли бригаду Цветкова, но сам Цветков — дрянцо.

— Ты отходишь от своих взглядов! — встал со своего места Фокин. — Давно ли ты говорил, что Рудный вредитель?

— Говорил, — подтвердил инженер. — Говорил тогда, когда не верил в его план и не понимал обстановки. Я сделал тогда ошибку. Меня взгреть надо за нее! Я думал, и Вахонен на поводу у Рудного. А оказалось, Вахонен мастерски поднял инициативу масс; он хорошо умеет работать со специалистами. Нам с тобой надо поучиться у него.

— Вот как? — посерел от злости Фокин. — Депо не может справиться с планом Рудного, завалено работой, среди рабочих недовольство... И вы все не понимаете катастрофы, которая должна произойти. В помощь депо надо просить дирекцию перевести ряд работ в главные мастерские. Надо сменить руководство районами. Надо тщательно пересмотреть планы рационализации. «Надо не забегать вперед и не отставать от масс»...

— Послушай-ка, — перебил его на последних словах Гуторович, — от оппортунистов и крикливых говорунов я много слышал безверия, хныкания, отчаяния и тому подобного. Ты дополнил мои понятия о хлюпиках...

Фокин застыл на месте, подобрав глубоко подмышку туго набитый портфель.

— ... Выйди в депо! Оглянись! Месяц тому назад сколько было хламу? Убрано! Сколько было паровозов, ходивших по путям как подагрики и ревматики, скрипевших каждой гайкой? Вылечены! Сколько было наплевательского отно-

шения к работе, бесхозяйственности, разгильдяйства? ... Сходи на паровоз Семенова, этого человека, которого мы не замечали раньше, который при обезличке был бездушным автоматом. Сейчас его паровоз только на выставках показывать — он образец хозяйского отношения к машинам. ... Да что говорить!.. Взамен Гарпинченко выдвинут Жуков — этот знает, что надо депо, он не будет ходить по складам, заложив руки в брюки. Больше и говорить-то я с тобой не хочу, Фокин, если ты не перестанешь ныть! — отрезал под конец Гуторович.

Николай Иванович сжался точно от удара.

— Я пойду, — тихо сказал он. — До свидания!

Его мечты разлетелись, как дым. Еще недавно ему грезилось место секретаря парткома. ...

— Николай Иванович! Почтение! — окликнули Фокина.

Николай Иванович поднял голову. На одной из канав бригада Цветкова подготавливала к поездке машину. Фокин подошел.

— Как поживаете, Николай Иванович? — осклабясь, ласково спросил Цветков.

— Потихоньку, — ответил Фокин, приходя в себя от головомойки, которую ему задал Гуторович.

— Мы тоже налаживаемся, работаем в полном согласии, — указал он на Шкутова и Никодима Малышева. — Все ходим на курсы. Квалифицируемся.

— Очень хорошо! — похвалил Фокин.

Видя перед собой заискивавшего Цветкова, Николай Иванович начинал приходить в бодрое, самоуверенное настроение. И Шкутов и Малышев стояли поодаль и прислушивались к беседе. Это тоже нравилось Фокину. Он вполне оценил способности Цветкова, умевшего внушить почтение к старшим по работе людям.

Александр Иванович сожалел о Серове, считая происшедшее с ним недоразумением. Он заверял Николая Ивановича, что Серов — честный человек. Кстати сообщил о купленных Жуковым у Бабошина буферных фонарях, оказавшихся краденными. Николай Иванович пришел к крайнее возбуждение при этом сообщении.

— Партиец купил краденые фонари? — с ужасом воскликнул Фокин.

— Можно сказать, заказал украсть, — поправил Цветков. — Когда мы принимали паровоз, Жуков похвастался, что купит фонари, будь они краденые, а Бабошин взял да и украл в тупиках.

— Позор, позор! — негодовал Николай Иванович.

— Нет оправдания! — вздохнул Цветков.

— Вы такие фактики собирайте про себя, — наказал предместкома.

Он ушел от Цветкова снова ободренный, услышав о непорядках, которые, по его мнению, подтверждали неизбежность катастрофы в депо.

2

В пути, на маленькой станции, в ожидании отправки, Андрюха Шкутов вынул из «шарманки» литровку.

— Пьян да умен — два угодья в нем, — произнес он, подмигивая Цветкову.

Александр Иванович согласился выпить, чтобы отогреться. Никодим Малышев сидел на тендере, укрываясь от ветра рваной шубенкой. Цветков отлил Никодиму полчашки и пригласил в будку. Он не любил, когда кочегар сидел в будке; в будке было два места — для машиниста и его помощника, кочегар должен знать свое место на тендере, — так воспитывал Цветков уважение к своему званию. Малышев выпил и заглянул в чашку — ему показалась доля малой. Цветков налил еще полчашки Андрюхе как хозяину водки. Малышев покосился на бутылку и, не дождавшись угощения, ушел опять дремать на тендер.

Выпив, Шкутов вспомнил рассказанное Сенькой Новиковым про Александру. Александр Иванович насторожил уши, предвкушая, как он будет рассказывать новость своей жене...

Состав долго не отправляли. Шкутов, выложив до конца все, что знал, примостился на своем месте и задремал. Александр Иванович окликнул проходившего мимо дежурного по станции:

— Хозяин, почему долго не отправляете?

— Крушение, в двадцати километрах отсюда. Часов пять простоице.

«Поспать разве?» — решил Цветков и, закрыв окно, прилепился головой к полке над переводным рычагом.

Андрюха Шкутов храпел.

На паровозе протяжно гудел клапан «Альфа», показывавший увеличенное, против нормального, давление. Спросонья Андрюха открыл топку и заглянул. Там догорали остатки дров.

Не заглядывая в водомерное стекло, он открыл инжектор. Резкий, сухой пар по паропроводной трубе вылетел под

будкой наружу, потом тихо зашипела вода и заструилась с журчанием в котел. Клапан «Альфа» начал шуметь сильнее.

Андрюха закрыл инжектор.

Что такое? Отдернув занавеску, отделяющую будку от тендера, он нагнулся за дровами — подбросить в топку. На железном ящике сопел во сне Никодим Малышев.

Андрюха открыл топку и привычным движением бросил в нее несколько полен. Вдруг он замер от ужаса: из передней предохранительной пробки на небе топки сочилась тонкая струйка воды. (Предохранительные пробки заливаются свинцом, и, если допустить низкий уровень воды в котле, они расплавляются, как только вода перестает омыывать их).

Андрюха перестал бросать дрова и, склонившись еще ниже, осматривал топку. Несомненно, была расплавлена одна из пробок. Вода все увеличивающейся струйкой начинала заливать огонь топки.

Цветков спал, тихо посвистывая. Шкутов с боязнью оглядел машиниста. Расплавить на паровозе пробки — это позор для всей бригады и для помощника машиниста в особенности; ведь за питанием котла водой следит именно он, а не машинист и кочегар.

Шкутов заглянул в водомерное стекло. Оно показывало высокий уровень. Он открыл краник и, спустив воду, снова открыл его. В стекле не показывалась вода. Водомерное стекло неверно показывало уровень воды в котле. Он живо открыл верхний водопробный кран, один из трех, проверяющих показания уровня воды водомерным стеклом. Пар с силой рванулся из крана. Воды в верхнем кране не было.

Андрюха стукнул осколком полена по нижнему крану. Показалась вода.

Цветков проснулся от шума пара.

— Что, Андрюша? Стекло засорилось? — спросил он, позевывая.

— Да, — буркнул Андрюха и закрыл водомерный кран. Убедившись, что в котле мало воды, он снова открыл инжектор.

Он держался за ручку инжектора и думал, как сказать Александру Ивановичу о том, что расплавилась пробка.

Цветков взглянул на манометр, показывающий давление в котле, и, встревоженный круто поднявшейся стрелкой, крикнул Шкутову:

— Закрой инжектор! Видишь, стрелка в манометре мечется. Александр Иванович мгновенно прыгнул с места и загля-

нул в топку... Верзила Шкутов, с опущенными руками и покорным видом, стоял на месте.

— Проспал, проспал!.. — тихо зашипел Александр Иванович и, сжав кулаки, грозил ими перед носом помощника. — Еще воду качает, дурак. Ты знаешь, что котел может взорваться?.. Раскален потолок топки, а он льет на него воду...

Андрюха вздохнул и, глядя на маленькие, мягкие кулачки Цветкова, неожиданно для него проговорил со злостью:

— Один я отвечаю, что ли?..

Цветков отскочил от него и, нервно разглядывая всю арматуру котла, суетливо метался от одного крана к другому. Он распахнул топку, чтобы остудить котел. Стрелка в манометре перестала повышаться. Хорошо, что в топке почти не было огня. Перестал гудеть и предохранительный клапан. Давление в котле понизилось.

Цветков задумался. Приехать в депо с расплавленными пробками — это значит сделаться посмешищем любого подручного и кочегара. Этого Александр Иванович не мог допустить. Притом за такое дело угодишь под суд и, кто знает, может быть, в наказание придется идти в помощники на пару лет... Ужас. И все это — Андрюха!

— «Пьян да умен — два угодья в нем»... — передразнив, выругал он Шкутова. — Поездишь теперь кочегаром за пробки!..

Но что сделать? Объявиться в депо с таким проступком? Да и ехать дальше, пожалуй, было невозможно — струя воды в топке будет заливать огонь. Отвлечь как-нибудь внимание Жукова при сдаче паровоза? Александр Иванович знал, что это будет трудно. Его осенила догадка.

— Сбегай на станцию, узнай, скоро ли нас отправят, — решительно приказал он помощнику.

Андрюха, довольный, что он хоть на время скроется с глаз рассерженного Александра Ивановича, беспрекословно запахнул полушубок и спрыгнул с паровоза.

Цветков растормошил все еще спавшего Никодима.

— Чортова кукла! Шевелись! — столкнул он кочегара с ящика.

Малышев потянулся и встал. Он подумал, что машинист будит его готовиться к поездке. Он залез на тендер и начал сбрасывать оттуда дрова ближе к топке.

— Перестань! — сердито крикнул Цветков.

— Скоро, что ли, мы поедем? — добродушно спросил кочегар, почесываясь.

— Почему я знаю! Засони дьявольские! — ругался Александр Иванович и рылся в ящике с инструментами. Наконец, он нашел короткий железный прут толщиной в сантиметр. Взял пилу и начал быстро спиливать конец прута, чтобы его заострить. Кочегар с любопытством следил за работой машиниста.

Александр Иванович беспокойно оторвался от работы и, забежав в будку, открыл топку. Почти все прогорело. Подождать еще — и топка почти охладится.

— Подбросить, что ли? — крикнул ему Малышев, заметив отсутствие Шкутова.

— Не твое дело! Сиди, мякинник, на своем месте, — огрызнулся Александр Иванович и вновь начал действовать пилкой.

Шкутов возвратился.

— Александр Иванович, через час тронемся, — сообщил он.

Цветков вытащил из ящика зубило и ручник.

— Поддержи, — торопливо сказал он Шкутову.

Андрюха понял его приготовления. Александр Иванович отсек часть прута, получив конусообразный обрубок. В будке он разделся до рубашки и открыл топку. Велел помощнику набросать дров на оголенные колосники. Дрова не вспыхнули. Огня уже не было. Пообождав еще немного, Александр Иванович полез в топку ногами вперед.

В топке было жарко. Цветков осмотрел пробку, из которой сочилась вода, и установил, что сделанный им железный стержень будет как раз впору. Он заткнул отверстие и ударил ручником. Вода перестала лить. Торопливо забил пробку. Из топки вылез красный и вспотевший. Еще раз взглянув на пробку, он решил, что будет трудно заметить подделку, почти невозможно.

Он открыл инжектор и беспокойно следил за стрелкой манометра.

Стрелка понижалась.

— Слава тебе, господи! — облегченно перекрестился Цветков. — Миновало несчастье.

Нагнав воды до среднего уровня, Цветков распорядился разжечь топку. Андрюха плеснул керосину и бросил зажженную паклю. Языки огня начали тихо пробираться между рядами поленьев. Машинист и помощник, затаив дыхание, следили за потолком топки, не покажется ли оттуда вода. Воды не было.

Никодим Малышев, беззвучно следивший за всей этой операцией, одобрительно отозвался:

— Хорошо, ребята, сделали!..

— И ты в ответе будешь! — зло оборвал его Цветков. — Всю бригаду на суд потянут.

— Я скажу, на тендере спал, в будке не был, — повернул свою рыжую бороду Малышев в сторону машиниста.

— Не спросят этого, где был, — сурово отрезал Цветков.

— Я скажу, машинист в будку не пускал, — глухо выдавил Малышев.

— Ах, вот как! — расвирипел машинист. — Против начальства идешь? Кто главный на паровозе? Ты? Да?..

— Ты главный.

— Ну, так не прекословь!

— Мне что... Я не прекословлю. Тебе больше знать, — отошел на свое место Малышев.

— Поехали! — окликнул Цветкова главный кондуктор.

— Пару вот нагоню! Пока стояли, жалели топливо. Сейчас справимся! Не задержим! — любезно откликнулся Александр Иванович. — Живо у меня! — повернулся он к Шкутову. — Ротозиня!

Помощник молча начал бросать в топку дрова.

3

Алексей шумно умывался на кухне. Он волновался, готовясь к своей первой поездке в роли машиниста. Жукова выдвинули заведующим материальным отделом. Алексей давно уже имел право на управление паровозом, и его назначили временно исполняющим должность машиниста. Помощником ему дали Верюжского. Он надеялся на этого исполнительного парня. Егоршин оставался при нем; он усиленно готсился на курсах в помощники. Алексей с удовольствием помогал в учебе Егоршину. Жуков гордился выполнением своих обязательств перед машинистами — Алексей становился на его место, назначение Егоршина было не за горами. Жуков с удовлетворением закончил свою деятельность на паровозе; он выучил с десятков помощников, теперь ездивших машинистами на разных дорогах, и часть бывших его кочегаров теперь также самостоятельно управляла машинами. Распрощались Жуков и Алексей дружески. Обоим как-то жалко было расставаться — оба чувствовали в поездках надежную уверенность в работе, — Жуков знал, что па-

ровоз у Алексея всегда в порядке, а Алексей, ухаживая за машиной, крепко верил в острый глаз Жукова и был спокоен в пути.

Вытираясь полотенцем, Алексей вдруг почувствовал за спиной присутствие человека. Он быстро повернулся.

Нинка Настина, опустив голову, стояла перед ним. Алексей взял ее за голову. Он увидел преданные, покорные глаза. Она вздохнула и смущенно закрыла рукой глаза, вновь опустив голову. Плечи ее вздрогнули.

— Нина, — позвал Алексей.

Она не откликнулась.

— Что с тобой? — он взял ее за плечи и притянул ближе.

Нинка придвинулась и подняла голову. Губы ее были открыты. Алексей понял.

— Нинка! — строго сказал он. — Тебе еще рано любить. Тебе надо учиться! — Но против воли голос его дрогнул.

Он обнял ее и поцеловал. Нинка обхватила его за шею и крепко сжала голову.

— Ах! — В дверях кухни, ядовито улыбаясь, стояла Любовь Михайловна.

Нинка отскочила от Алексея и бросилась к себе в комнату. Алексей остался. Зная Цветкову, ее злой язычок, он решил немедленно вынести бой и попробовать его выиграть, иначе Нинке не будет прохода от сплетен.

— Вы не помешали, — сказал он. — С Нинкой у нас давнишняя дружба, и я поцеловал ее за то, что она ходит на курсы по подготовке в вуз.

— Мне совсем нет дела, Алексей Васильевич, почему и как вы целовались, — склонила голову Любовь Михайловна и начала разжигать примус.

«Ох, баба!» — вздохнул Алексей.

— Я думаю, вы не будете разводить сплетни по этому поводу? — сказал он, стараясь говорить как можно спокойнее.

— Ах, я сплетница?! — возмутилась Любовь Михайловна. — Я никуда негодная женщина, а ваша жена святая? Она у вас и общественница и культурная! А я дура набитая, да еще и сплетница?..

— Я вовсе не хотел вас обидеть, — удивился Алексей неожиданной горячности Цветковой.

— Меня всякий обидеть может, я же не пошла на расчистку снега и, по-вашему, лодырь. Я не верчу хвостом, как некоторые. И мой муж не целует на кухне глупых девченок...

— Да перестаньте вы чепуху молоть! — возвысил голос Алексей, не понимая, чего она хочет от него.

— Не приказывайте! Я еще вас не целовала! И я с Сенькой Новиковым не шлендала...

— Кто с Сенькой Новиковым шлендал?

— Это нам знать! — огрызнулась Любовь Михайловна. — Кто-нибудь другой, да не я.

Алексей махнул рукой на пустомелю.

— Поди, не раз вздыхали по 'ком-нибудь, кроме Александра Ивановича? — съязвил он.

Любовь Михайловна, как бешеная, налетела на Алексея. Она выставила вперед голову и вместе со слюнями цедила сквозь зубы:

— Я чистая! Не какая-нибудь сквернавка! Это ваша жена с Сенькой путалась до замужества!..

— Что?! — угрожающе наступил Алексей.

Любовь Михайловна поспешно отошла от него на приличное расстояние.

— Все вы такие, ударники! — с ненавистью тихо сказала она.

— Ах, вот к чему, — догадался он. — Чтобы уязвить? Не мытьем, так катаньем... Еще жена рабочего! — бросил он и вышел из кухни.

Он не поверил ей, но его взволновала дикая неприязнь Цветковой ко всему новому. Любовь Михайловна выбежала в коридор и вдогонку крикнула:

— Думаете, неверно? Верно, верно! — частила она.

Алексей, оглянувшись, увидел ее красное от ярости лицо с растрепавшимися рыжими волосами. И, стиснув зубы, вошел в свою комнату.

— Что случилось? — спросила Александра, тревожно следя за ним.

Он подошел к ней. Она удивленно смотрела на него.

— Сейчас я слышал про тебя гадость... Я не верю этому, — передохнул он и рассказал слышанное от Цветковой.

Александра отстранила его.

— Если бы это и было, это вовсе не гадость... Если я любила, — сухо сказала она. — Тебе что надо? Любила ли я кого-нибудь до тебя?.. Да?.. Любила... И, я думаю, тебе до этого нет дела.

— Да, конечно, — глухо сказал Алексей.

«Она любила...» — И, вспоминая Нинку, подумал: «Я тоже могу полюбить другую».

В депо бригада Алексея нашла на паровозе спящего Никодима Малышева. Егоршин растормошил его.

— Нигде, нигде мне нет покоя! — заговорил пьяно Малышев. — Я ли не служу? У меня все в исправности...

— Иди, выпишись дома, — посоветовал ему Верюжский.

— Что ты думаешь? Жена не протурит пьяного? Нигде мне нет покоя... — бормотал Малышев.

— Поедем с нами, — предложил Егоршин.

— Ребята, возьмите меня! — вдруг заплакал великан Малышев, и крупные обидчивые слезы полились по щекам, смачивая рыжую запущенную бороду. — Я ли не служу Цветкову верой и правдой? А он за человека меня не считает! В будке погреться не даст, все на тендер гонит.

— Вот Егоршин будет помощником, и тебя кочегаром возьмем, — сказал Алексей.

— Алеша! Думаешь, я не понимаю? Кто меня учил? Никто! Только над рыжей бородой смеются. «Никодим идет, Никодим идет!» — вскричал он. — «Ха-ха-ха. Большой Малышев!» Дураки...

— Ты, наверно, паровоз лучше Цветкова знаешь, а он тебя ни во что считает, — пошутил Верюжский.

— Я? — беспокойно крикнул Малышев. — Я, брат, пробки не сожгу. Будь я помощником, я бы паровоз любил. А тут трепачи жгут котлы, пробки плавят...

— Это кто же пробки сжег? — спросил Егоршин.

— Кто пробки сжег?.. — уклончиво ответил Малышев. — Это, брат, если вы догадливы, то смекните. Вот загадка вам! — засмеялся он.

Алексей открыл топку и, низко нагнувшись, посмотрел на свод топки.

— Нет не найдешь! — захохотал Малышев, довольный, что он знает то, чего не знает бригада. — Чистая работа! Хе-хе-хе!..

— Ты шутишь, Малышев? — серьезно спросил Алексей. Он понимал, что кочегар намекает на что-то не зря, но терялся в догадках.

Егоршин заметил беспокойство Алексея и решил выпытать тайну от Никодима.

— Говорят, когда ты ездил с Жигаевым, он тебя оставил на полчаса на паровозе, а ты пробки и расплавил? — простовато спросил он.

— Врешь! — воскликнул в негодовании Малышев. — Кто тебе сказал?

— Цветков, — нарочно назвал Егоршин.

Он попал в точку.

Малышев вскочил с места, подбежал к топке и, раскрыв ее, быстро заговорил:

— Цветков за человека меня не считает! На тендере велит сидеть. Он же говорит, я пробки расплавил?.. Он расплавил. Глядите... Взамен пробки железный прут забит. Что, чистая работа? А? Ха-ха-ха! — пьяно хохотал кочегар, когда бригада поочереды рассматривала работу Цветкова; тонкий слой накипи облегал железный прутик, заменявший пробку.

— Надо заявить Гуторовичу, можно ли на этом паровозе ехать, — сказал Алексей бригаде и пошел в ремонтную контору.

«Так вот почему злится Любовь Михайловна! Муж сообщил жене о содеянном, и она заранее хотела очернить нашу бригаду, чтобы в конце концов сказать, что и пробки расплавили мы, — вспомнил Алексей недавнюю сцену на кухне. — Ну, не придется Цветковой отыгаться на моих семейных делах. Дудки!» — подумал он, хотя чувство ревности грызло его.

Бригаде дали другой паровоз.

Выехали на станцию. Прицепились к составу. Алексей впервые самостоятельно вел поезд. Рядом с ним был машинист-наставник, экзаменовавший его.

Получив отправной сигнал от кондуктора, Алексей коротко дернул рычаг свистка, потом с силой нажал на него и отпустил. Протяжным эхом звуки заколыхались в горах. Поезд тронулся.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Алексей сдал экзамен на машиниста. Взамен паровоза «Щ-36-95», у которого Цветков сжег предохранительные пробки, ему дали другой, потрепанный, требовавший капитального ремонта. Спаренным машинистом попрежнему оставался Александр Иванович Цветков; он ждал решения линейного суда по делу о сожжении пробок. Алексей боялся за судьбу машины: и без того паровоз был ненадежен, а тут еще нельзя доверять спаренной бригаде. Не раз он тайно наблюдал за работой Цветкова, когда тот, отправляясь в поездку, заправлял паровоз и отъезжал на станцию к составу. Александр Иванович, встречаясь с Алексеем, подобострастно заглядывал в глаза и, заискивая, просил указаний в уходе за паровозом, точно в должности машиниста он был новичок. Оставаясь один, он был придирчивым и требовательным машинистом; вел паровоз осторожно, готовый в любой момент к действию. Сказывались долголетняя практика и зоркий, наметанный в работе глаз. Александр Иванович никак не мог простить Андрюхе Шкутову пьянку на паровозе и ругал себя за то, что допустил потворство, которое привело к таким губительным для него последствиям: сожженный паровоз выбыл из строя на долгое время. Андрюха чувствовал себя неловко с Александром Ивановичем и, суетясь, неизменно делал не то, что следовало. Алексей не раз слышал суровые окрики Цветкова и видел беготню Шкутова около механизмов; помощник вертелся на месте, дико озираясь кругом, не зная, с чего начать, как сделать. Напиваясь пьяным, Андрюха шумел на улице, грозил Алексею, считая его виновником своих бед.

Майским вечером Алексей справился у дежурного по депо, на какое время назначена его поездка. Цветков был в пути и должен был возвратиться ночью; Алексею предстояло ехать

завтра утром. Он вышел из депо, раздумывая, где бы провести вечер.

Погода стояла скверная. После солнечных весенних дней вдруг разыгралось ненастье; выпал тяжелый, мокрый снег, потом зарядил дождь. Низкие грязные облака заволокли все небо. Шумные потоки воды неслись с гор, с грохотом падая в кипящую, черную, как смола, реку. Водой захлестнуло необъятные низины напротив поселка. Громады льдов в заливе, подхваченные волнами, тяжело лезли на береговые камни и рушились с треском на землю, выставив кверху зеленватые изломы. Пронзительный ветер мчался по улицам с сердитым свистом.

Около депо Алексей встретил Егоршина. Месяц тому назад Егоршин, выдержав испытания, был назначен временно исполняющим должность помощника машиниста. Работал он в другой бригаде; с Алексеем остался помощником Шурка Верюжский. Взамен Егоршина Алексею дали нового кочегара — Дудика, шельмеца и пройдоху, за которым неустанно нужно было поглядывать, так как Дудик, того и гляди, выкинет какой-нибудь фокус. Все машинисты отказывались брать к себе в бригаду этого кочегара; Алексей отважно взял его, надеясь перевоспитать. Дудик доставлял немало хлопот, и не раз Алексей жалел о Егоршине, славном, работающем парне.

Встрече оба обрадовались. Посыпались веселые восклицания, друзья крепко пожали руки. Егоршин был в новом драповом пальто; в прорези ворота выглядывал галстук, неумело завязанный широким слабым бантом. Алексей посмеялся над галстуком. Егоршин, ухмыляясь, сказал:

— Живу, паря, один... Денег стало девать некуда. Жалование помощника не в пример кочегарскому. Ну, этта, захожу в кооператив — одеколону, мыла пахучего, новые подтяжки купил... А костюм — по ордеру, — чай, ударник!

Алексей похлопал по плечу Егоршина.

Егоршин пошутил:

— Выучусь — машинистом на водокачку проситься буду. Тихая работа. Посиживай около котла, покуривай! Женился бы я, коровку, козу завел... Вокруг водокачки целую усадьбу развел бы, — что тебе помещик. Малина!..

— Пришлось бы ликвидировать твое хозяйство, — посмеялся Алексей, — водокачку бы забыл. Как у тебя подвигается дело на курсах?

— Десятичные дроби прошли. Простые дроби не совсем

простые, — скалабурил Егоршин. — Шут их знает: знаменателя первой дроби на числителя второй... От ограды на колокольню по лестнице бегом — раз, с колокольни вниз башкой — два!... Крест-накрест. И получится могила. Темно!

— Деление дробей — наоборот, — заметил Алексей, — числителя первой дроби...

— Вот видишь! Никак не упомяну. Никодим Малышев, — рассказывал Егоршин, — отказался учиться. «Я, — говорит, — и без этого дров с тендера накидаю. По-ударному, — говорит, — согласен работать, но чтоб голову морочить?.. Мне, — говорит, — с наукой детей не крестить... Из кочегаров, может быть, суд в чернорабочие за пробки пошлет. Тоже, — говорит, — чашку водки хватил на паровозе и отвечаю за машину.

— Он не виновен, — вставил Алексей, — Цветкову и Шкутову попадет...

— Завтра судить их будут! — сообщил Егоршин. — Пожалуй, Александру Ивановичу придется годик покидать в топку дрова, а Шкутова в кочегары сместят обязательно. А что это Гарпинченко долго не судят? — спросил он.

— Дело у них запутанное, — ответил Алексей. — Жуков жаловался: в материальной части чуть ли не двойные книги велись. Не скоро распутаешь. Вредили аккуратно, не таял. Припаяют крепко, будь уверен...

— Хотел тебе сказать, — перебил Егоршин, — да не знаю, стоит ли?...

— А что?

— Дело-то больно щекотливое!.. Как бы не напорить... — Лицо Егоршина, обыкновенно добродушное, стало серьезным, нахмуренным.

— Кажется, между нами секретов никогда не было. Живем душа в душу. Не правда ли?..

— Вот то-то и есть! Как бы ты худо обо мне не подумал. Скажешь, сплетню развожу.

— Говори, Егоршин! К чему с подходцем? — удивился Алексей оговоркам товарища.

— Ладно, скажу, — вздохнул тот. — Видишь ли?.. — и замолчал, раздумывая: сказать или нет? Потом с отчаянием махнул рукой и выпалил:

— Не знаю, кто распустил... О тебе втихомолку говорят среди паровозников... Будто твоя жена до тебя с Сенькой Новиковым крутила...

— Э, слышал! — остановил Алексей. Как ни хотел он казаться равнодушным, но голос его против воли дрогнул.

Алексей, скрепя сердце, с досадой ответил:

— Если бы даже было что?.. Если моя жена захочет сказать, как она жила до меня, — ладно; если нет, — я ей не судья...

— Это я и раньше от тебя слышал, — сказал Егоршин. — Мне показалось обидно: работаешь ты на ять, парень что надо!.. Зачем народу сплетнями о тебе заниматься, порочить? Нет, зависть одолевает, нельзя ли откопать в нем что-нибудь худое?.. Вот что мне не понравилось.

— Брось и думать об этом! — перебил Алексей. — Скажи лучше свое мнение о работе бригады Цветкова. За паровоз боюсь. Пока суд да что, а машина из строя выйдет.

— Цветков хорошо работает, — ответил Егоршин вдумчиво. — Он и раньше неплохой машинист был. На Андрюху зол, не может простить пьянку. Андрюха — плохой помощник. Под судом за пьянку, а редкий день не пьяный. Только и орет: «Пускай в кочегары переводят! Перейду на другую дорогу — через год машинистом буду». Никодим Малышев неумен вовсе, — как сыч на тендере сидит, ленив. Отлучись когда-нибудь Цветков с паровоза — остудят ребята топку, дымогарные трубы потекут. Пропадет и этот паровоз.

Алексей почти так же думал о спаренной бригаде, с той лишь разницей, что к Цветкову он был менее расположен, чем Егоршин, хваливший работу Александра Ивановича. Он не доверял супругам Цветковым: Александр Иванович старался не показывать недовольства, был любезен и вежлив, зато Любовь Михайловна была как на блюдечке со своей ненавистью к ударникам, партийным и вообще ко всему советскому. Она неизменно подчеркивала, что раньше они жили лучше, чем теперь, и проговаривалась о своих родственниках, имевших когда-то большие хозяйства в деревне и промышлявших еще торговлей, мастерскими и т. п. Когда-то у Любви Михайловны лежал на комодѣ пузатый альбом в кожаном переплете, и она показывала своим гостям фотографии родственников. Сейчас альбом был спрятан, чтобы выплыть снова, должно быть, в более счастливые времена.

Оставив Егоршина и уговорившись с ним встретиться в кино, Алексей решил поделиться мнением о своей спаренной бригаде с Вахоненом.

— Вот что, — ответил на это Вахонен. — Партийные звенья у нас сейчас работают не так, как надо. Они занялись

больше теорией, проработкой разных решений... Это неплохо! Но это у них делается односторонне, без связи с нашей работой. — Секретарь поморщился. — Я тут проморгал! Вышло у нас — руководили перестройкой работы в депо я да инженер Рудный. Руководство наше... Так и должно быть! Но не следует нам соваться во всякую дыру. Надо разукрупнить внимание, что ли?.. Начало положено. Надо, чтобы ячейки, звенья подхватили начало, развернулись шире. Твой вопрос пустой, в сущности говоря, и ко мне ты и не должен бы являться с ним, а обсудить на месте в ячейке, в звене... Ну да ладно. Не все к секретарю ходить по важным делам, — усмехнулся Вахонен, — следует зайти и просто, по-дружески побеседовать, папироску выкурить, что ли?.. Так вот!.. Спаренная езда, борьба против ее срывов, хозяйский глаз... все это верно! Но это будут только слова... Нельзя партийцам только изучать эти вопросы... Мы дали хозяина паровозу... Этого мало. Закрепиться надо!

Он подумал. Затянулся папиросой, взял листок бумаги и ручкой, затерявшейся в больших красных пальцах, вывел: «Членов и кандидатов ВКП(б)...» «Паровозов...»

— Так мы сделаем! — взмахнул он над бумагой ручкой, от чего на листок скатилась жирная капля чернил. Вахонен с досадой стукнул по ней преспапье. — На каждый паровоз одного-двух партийцев посадим, чтобы в каждой бригаде было ответственное перед партией лицо. Треугольник на каждом паровозе: партиец, администратор, профсоюзник... Так?.. Машинистов тревожить не будем. Прикреплены — пусть и остаются. Помощниками или кочегарами придется поменяться.

— Бригады иные хорошо сработались. Разрывать не следует, — вставил Алексей.

— А мы завербуем лучших ударников в партию и тревожить не будем, — широко улыбнулся Вахонен. — Идут в партию, Алексей, идут!.. — и он потряхнул новыми заявлениями, лежащими на столе.

Алексей подал руку на прощание.

— Сегодня совещание у начальника района. Обсудить надо многое. Завтра соберемся, — тряс руку Вахонен и смеялся. — Меня поругаем за то, что не додумался в распределении паровозов между бригадами, вашего брата, звеноргов...

Лицо его сияло от удовольствия. Алексей еще ни разу не видел секретаря таким довольным.

— Весел ты сегодня! Распечешь, наверное, завтра? — за-
метил Алексей.

— За дело и распеку! А вот послушай-ка, лекцию тебе прочитаю! Зашел ты со своим делом... Из твоего частного, так сказать, дела целая идея выплыла наружу. Так вот у нас в партии всегда. Один подскажет, другой разовьет, коллективом обсудим, третий исполнит... Тысячи умов, а все к одному. Понял лекцию?.. До свидания! — И он мотнул головой, берясь за какие-то бумаги.

2

Алексей пошел от депо к станции не прямо, а дал круга — по берегу залива к тому месту, где зимой они катались на лыжах с Александрой.

С пригорка был виден весь поселок; за зиму его не узнать: он расширился, заняв весь полуостров между рекой и заливом. От депо по берегу залива вплоть до поморского села лежали костры бревен, штабели досок; между грудami строительных материалов возвышались свежие срубы построек. Почти рядом с депо развертывал целый городок Химкомбинат, дальше у пристани строилась «Союзрыба»; на крутом обрыве, откуда была видна вся лента залива, возводил огромный корпус Государственный океанографический институт. За институтом — каменная громада консервного завода, дальше в конце залива — лесопилка.

Деревянное депо доживало последние дни. Еще зимой, скованное льдом и занесенное снегом, здание казалось прочным; весеннее солнце растопило сугробы, дождь размочил гнилые стены, ветер оторвал кой-где доски, разметал на крыше листы железа. К осени предполагалось выстроить новое каменное депо на станции, где ему и полагалось быть.

На станции уже были построены: рабочий клуб, столовая, больница, школа, дома служб и отделов; планировались улицы. Новый поселок, расширяясь, начинал переползать через холм, который разделял его от старого. Соединиться им помогала группа домов, выстроенных также зимой; неудовлетворенные тесным поморским селом рик, райком, райколхозсоюз, почта и другие учреждения новенькими зданиями положили здесь начало районного центра.

За станцией в пятнадцати километрах вверх по течению реки за эту же зиму в дикой, суровой местности среди камней, болот и сосен вырос новый город, быстро обогнавший

и железнодорожные поселки, и городок Химкомбината, и районный центр: на горной реке Ниве начали строить гидро-станцию. На «Полярном Нивастрое» насчитывалось несколько тысяч рабочих.

Между «Нивастроем» и станцией Химкомбинат предполагал создать шесть заводов для переработки нефелиновой руды. На десятки километров — от залива вплоть до Хибиногорска, центра апатитовых месторождений — несясь гул работы: стук топоров, визг пил, тарахтение экскаваторов, гудки паровозов, звон вагонных буферов, крики, песни. Железо, дерево, цемент, известь, кирпич, песок свозились к местам построек. Железной дороге предъявлялись невиданные доселе требования на перевозки. Наравне со строительством транспорт должен был удовлетворить запросы и второго окна в Европу — Мурманского порта и вывезти тысячи тонн рыбы, что вылавливалась в море артелями и эскадрой траулеров.

У затопленной старой пристани Алексей увидел толпу мальчишек. Довольные половодьем, они веселой гурьбой нанизывали на крючки кусочки соленой селедки, взмахивали удилищами и выхватывали из воды жадную серую треску и полосатую зубатку. Среди мальчишек Алексей заметил Веньку Екимова.

После случая на рельсах, когда Алексей спас Веньку, он не мог не думать о судьбе этого парня: точно Венька стал ему родным. После расчистки путей от снега, где Венька работал по поручению Вахонена, парень опять отбился от рук и попрежнему хулиганил у рабочего клуба. Тогда Алексей попросил секретаря комсомола Сашку Кенсоринова взяться за Веньку. Решительный Сашка сразу нашел то, что забрало Веньку целиком и вело на путь полнейшего исправления. Командир погранотряда, ведавший допризывной подготовкой молодежи, как-то сказал Кенсоринову, что следовало бы, в виду увеличения различных экспонатов в кабинете Осоавиахима, выделить человека, специально заботящегося о них, некоторым образом лаборанта при кабинете, с тем чтобы при беседах лаборант демонстрировал приборы, содержа их в порядке и чистоте. Сашка решил произвести Веньку в чин такого лаборанта. Венька был призван в ячейку комсомола и имел разговор деловой, товарищеский; Кенсоринов говорил с ним как с равным, весьма умным, разбирающимся во всем человеком. Пост лаборанта при кабинете Осоавиахима Веньке было предложено взять, правда, без

зарплаты, в виде общественной нагрузки, но с правом входа в кино на любую картину и любой сеанс. Венька с восторгом принял предложение. Правда, дня через три он спохватился и заскучал: у него отняли увлекательную изобретательскую деятельность — проскользнуть незаметно для контроля в зал клуба. Но его новый начальник, командир отряда Осоавиахима, понял это и сумел увлечь Веньку лаборантской деятельностью. Венька был смысленный парень. Он скоро постиг электрифицированные разборные винтовку и пулемет и уже добирался до танка с видом знатока. Не раз Венька зубоскалил над ошибками обучающихся, но, замеченный командиром, стихал и старался принять вполне степенный вид. После занятий, когда командир производил в коридоре последнюю проверку обучающихся, Венька расторопно устанавливал по местам приборы, подметал комнату, запирали дверь, накладывал сургучную печать и передавал ключ командиру. С ним считались, его признавали как равного, — Венька забывал свои похождения у клуба, приобретал уверенность полезного для общества человека. Сейчас он думал о том времени, когда ему доверят уже не картонную, а настоящую винтовку.

3

— Мечтаешь?.. — вдруг хлопнули сзади Алексея по плечу. Он повернулся. Перед ним стоял председатель месткома Николай Иванович Фокин. Во всей фигуре председателя, в коротком широком пиджаке и в смятых, болтающихся на коленках брюках, была какая-то размашистая неряшливость.

— Как?.. — не понял Фокинского восклицания Алексей.

— Что как? — засмеялся Фокин. — Мечтаешь, спрашиваю? А вот о чем — это тебе лучше знать. О всяком мечтают... Кому надо серебряных ложечек, кому чтоб по Арбату прошел Христос... А мне — любви немножечко да десятка два папирос, — продекламировал он. — Кто о чем... Вид у тебя этакий... меланхолический. — Фокин не сводил насмешливых глаз с Алексея.

Алексей передернул плечами и промолчал.

Фокин щелкнул серебряным портсигаром. Они закурили. Предместкома предложил идти в клуб на первый сеанс кино: показывали картину «Паташон — боксёр». Алексей согласился.

Проходил состав порожняка; они прыгнули на подножку и через несколько минут были уже на станции.

Прошли мимо столовой, нового каменного здания, парикмахерской, мимо кооперативных лавок рядом с районным управлением дороги и свернули на площадь к клубу. Николай Иванович болтал всякую ерунду, пересыпая ее стихами, а Алексей слушал его с полным равнодушием и смотрел поверх председателя на синевшие вершины гор с не растаявшим еще снегом. По дороге он улыбнулся двум знакомым девушкам.

Фокин перехватил эти улыбки и, переставая болтать, вскинул испытующие глаза на Алексея.

— Весна действует? — спросил он насмешливо. — А женка?

— Да нет... А впрочем почему бы и не так? Тебе не все равно? — ответил Алексей. — А жена!.. Какое ей дело? Нельзя посмеяться с девушками?..

— Конечно, твоя жена не будет ревновать. Ведь ты же ее не ревнуешь? — хихикнул Фокин.

— Что ты сказал? — удивился Алексей.

— Это так к слову, — спохватился Фокин. Николай Иванович, видимо, намекал на что-то. Уж не докатилась ли до предместкома сплетня, пущенная по поселку Любовью Михайловной в отместку за мужа? Да разве виноват Алексей, что Александр Иванович Цветков сжег на паровозе пробки! «Впрочем чорт с ней, со сплетней!» — заключил про себя Алексей.

— Эх вы, мечтатели! — с иронией произнес Фокин. — Ударник ничем не должен отвлекаться. А ведь ты лучший машинист в депо!

— Ну и что?

— Серьезности ни на грош... Прошли девчонки — и рожа расплылась... О жене твоей это я так, к слову, — повторил Фокин и насмешливо улыбнулся.

— Не понимаю, — пожал плечами Алексей. — То ты говоришь о десяточке папирос и о любви, то улыбнуться грех... — И сам с усмешкой подумал о председателе: «Такой не жди удачи у женщин»...

— Эх, — воскликнул Фокин, — надо отличать, когда говорят в шутливом тоне и когда серьезно... Давеча насчет Арбата и серебряных ложечек я пошутил... Мне вспомнились стихи, которые я однажды прочитал, купив книжонку на рынке в Ленинграде. Не то космисты, не то имажинисты... так назывался сборник... Путаница какая-то...

Алексею казалось, что Фокин сам путаник. Предместкома продолжал, повышая голос и, видимо, желая поведать машинисту о том, что занимало все его существо. Лицо его пере-дернулось; он отчаянным жестом махнул рукой и быстро, нервным движением закурил.

— Да и о девчонках, которым ты улыбнулся, я тоже пошутил... Сказал так просто, не придавая значения, сболтнул... Конечно, ударник ты или не ударник — улыбайся, пожалуйста, гляди веселей! В чем дело? Пролетариату не след унывать! Победитель! Хозяин! Не в этом дело... Видишь ли?..

Фокин перепрыгнул через канаву, а Алексей прошел по доскам, и они очутились в садике перед клубом.

— Надо напрочь всю волю и всю силу на дело строительства социализма, — говорил предместькома, крупно шагая своими короткими ногами. — Да так, чтобы ни один атом тела не был свободен от этой мысли. Во всей стране идет захватывающая дух стройка... У нас в Карелии, заброшенной и угнетенной царизмом стране, растет новая, крепкая республика. Как это можно не думать об этом ежедневно, ежеминутно, каждое мгновение? Как электрический ток, мысль о новом должна всегда нестись по всему телу. И чтоб не было в душе выключателя! — вскричал возбужденно Николай Иванович. — Мол, остановка, ток выключен, стой, отдых! Вот что я хотел сказать тебе, когда сказал, что нет в тебе, да и не в тебе только, а во всех нас, — он досадливо махнул рукой, точно отгонял надоедливую муху, — нет в нас серьезности, мало у нас осмысленности. Работаем по-ударному, верно! А почему, зачем, что из этого выйдет, в чем корень? — Этого вопроса не задаем себе. Понимаешь, все у нас идет стихийно, ломим в три шеи, а четкости нет, ясности нет. Наломили, наворочали по-ударному в одном месте, а в другом — кот наплакал. Чудо-богатыри! — Фокин перевел дух и опустился на скамейку в конце аллеи из молоденьких сосен.

— Туманно ты говоришь, — отозвался на длинную речь Николая Ивановича Алексей. — Мне думается наоборот: потому у нас и идет на всех участках быстрым темпом работа, что во всех уголках страны, на каждом предприятии, — он говорил не торопясь, медленно и тихо, — в каждой отрасли люди охвачены одной идеей, одной мыслью — выполнить план своей работы. И если одна отрасль отстала, — например, транспорт, — то туда направляется больше сил... По

плану работаем... В каждом номере «Гудка» сказано: железные дороги должны перевозить шестьдесят тысяч вагонов в сутки. Почему это число? Подсчитано твердо, ясно. Ты не прав: вовсе не стихийно работаем, — Алексей остановился, сказанное им казалось ему большим докладом: он не умел говорить долго.

Фокин поморщился от его слов и, почти с сожалением человека, понимающего больше, чем собеседник, заметил:

— Ты правоверный, ты не отступишь от директив, которые пошлет райком, ты не задумаешься...

— Да, нет же! — с недоумением пожимал плечами Алексей, — дело обстоит гораздо проще...

Предместкома неожиданно разгорячился и начал говорить о непорядках в депо, бюрократизме в управлении, о зажиме самокритики и тому подобных вещах, предъявляя руководству самые серьезнейшие обвинения.

Алексей слушал, скучая. Фокин заметил это.

— Ты не слушаешь меня? — спросил он с упреком.

— Да нет... почему же? То, что ты говоришь, очень интересно... надо устранять непорядки! — откликнулся Алексей.

Они прошли по дорожкам, усыпанным песком, и снова сели на скамейку. Николай Иванович, держа Алексея за пуговицу форменного пиджака, начал убеждать его в необходимости решительных действий со стороны партийцев, — иначе в депо произойдет катастрофа, грозящая срывом перевозок. Алексей смотрел на кирпичный фасад клуба, еще не заштукатуренный, и с удивлением следил за мальчишкой, высунувшимся в окно второго этажа. Мальчишка приколачивал плакат, повиснув головой вниз. Другие ребята держали мальчишку за ноги. Они укрепляли красное полотно материи с белыми ярко выделяющимися словами: «Комсомол по-большевистски должен драться за выполнение промфинплана». Скоро плакат был прочно прикреплен под окнами, а довольные ребята остались сидеть на подоконнике, задирая подошедших к клубу девушек.

— Видать, тебя мало касается все, о чем я говорил... — заметил Фокин, тоже наблюдавший за мальчишками.

— Да нет же, — ответил Алексей. — Я слушаю. Только, кажется мне, ты не прав... Впрочем, может быть, и прав... Надо это дело на коллективе обсудить, чем так шептаться по закоулкам...

— Ах, вот как? — воскликнул предместкома, и мятое,

веснушащее лицо его передернулось в болезненной гримасе. — Я не прав? Молчать о том, что секретарь партколлектива Вахонен зажал нас всех в доску, не пикнешь?.. О том, что в депо не справляются с ремонтом и процент больных паровозов скоро ползёт вверх? Одни паровозники не выработывают своих часов и нормы пробега, а другие гонят сверхурочные, — разве это порядок? Одни получают двести рублей в месяц, а другие пятьсот-шестьсот... Разве не следует кричать об этом на всех перекрестках?

— Зачем же на всех перекрестках? — удивился Алексей.

— По-твоему только на партийных собраниях... Даже на общих не следует говорить о непорядках. Прикрывать недостатки, благодушествовать... — съязвил предместкома.

— Я хотел сказать, что обрабатывать членов партии по углам, как ты это делаешь, я не стал бы, — сказал Алексей.

— Ты не понял меня, — снизил голос предместкома. — Я вовсе не обрабатываю тебя: скоро перевыборы месткома, мол. Нет. Мне вовсе не хочется вызывать революцию в общедеповском масштабе... Я не собираюсь подкапываться под кого-нибудь. Интересы производства для меня — прежде всего. Ведь тебе не все равно, как обстоит дело кругом тебя, кроме твоего паровоза? — допытывался он. — Такие люди, как ты, — опора производства, — льстил он. — Я говорю, следует оглянуться внимательнее кругом. Сильнее нажать на неполадки, взяться за дело, засучив рукава...

— Разве этого у нас нет?

— Все дело в том, — опять повысил голос Николай Иванович, — что система работы, план... все у нас из рук вон плохо организовано, скомкано...

Алексей снова слушал поток негодующих слов предместкома. И все, что тот говорил, туго воспринималось машинистом. Алексей понимал только, что Фокин твердит о неизбежности срыва работ, о близкой катастрофе, грозящей участку, но почему это произойдет, в чем корень ошибок, — он так и не мог понять.

Частое упоминание Фокиным имени секретаря коллектива Вахонена, наконец, дало ему понять, что предместкома им недоволен. Но почему бы тогда просто не сказать, что такие-то и такие-то действия секретаря он считает неверными. Ведь, когда Алексей определяет ремонт паровоза, он вполне точно находит дефекты: «надо переменить водопроводную трубу, притереть клапан инжектора, наплавить подшип-

ник...» Не кричит же он бессвязно о необходимости ремонта вообще, не называя деталей.

— Слушай, — прервал он Фокина, — потолкуем обо всем на ближайшем же собрании... Право, не стоит переливать из пустого в порожнее. Подышать свежим воздухом стоит не меньше такого разговора.

Николай Иванович гневно бросил:

— Все вы — бюрократы!.. И ты тоже. Никто не хочет понять сути дела... Тугодумные люди!..

— Я бюрократ? — поразился Алексей. — Кажется, за последние два месяца я дал лучшие показатели работы... Не ты ли премировал меня, как ударника?.. — спросил он.

Предместкома вскочил с места и крикнул в лицо машинисту:

— Все равно, я выведу на свежую воду и секретаря, и начальника тяги... и всех вас, прикрывающих их безобразия! Не беспокойтесь!

— Что ж, если ты прав... — с прежним спокойствием поднялся со скамейки Алексей. — Только надо точнее... Пойдем за билетами, посмеемся над игрой Пата и Паташона. Хорошо играют, — добавил он с удовольствием.

— Буржуазная картина! — процедил сквозь зубы предместкома. — И как это допускают такую пошлятину в наши клубы!..

— Об этом скажи лучше в культкомиссии клуба, — проворчал Алексей.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

До совещания, назначенного у начальника района, Гуторович и Вахонен сидели в кабинете инженера Рудного. Рудный на обычном месте за столом бегло проглядывал бумаги, лежавшие аккуратной стопкой. Вахонен поместился напротив в кожаном кресле и читал газету, а Гуторович устроился около печки, в которой с треском горели сухие дрова. Поправляя кочергой поленья, Гуторович досадовал: «И ни разу собрания не начинаются во-время! Сиди вот тут...» Три месяца борьбы за оздоровление паровозного парка он проработал без единого выходного дня, проводя почти все время в депо. Он здорово похудел: лицо пожелтело и сморщилось, как старый пергамент; спина согнулась,

сквозь пиджак выпирали острые лопатки. За последнее время его начинали донимать нудные, тянущие приступы ревматизма. Он болел душой за производство, видел недостатки его, ясно представлял перспективы и не хотел уступить никому свое право на самое верное, как ему казалось, разрешение всех накопившихся на транспорте вопросов. Поэтому-то он нетерпеливо и дожидался совещания, где будут все руководящие партийные работники и весь инженерно-технический персонал района.

Рудный перестал просматривать бумаги. Его удивила тишина, наступившая в комнате; до этого слышно было, как возился около печки Гуторович и шуршал газетой Вахонен. Он вскинул голову: Гуторович дремал, а Вахонен, перестав читать, пристально глядел на него, Рудного, своими серыми, как у кошки, немигающими глазами. Секретарь улыбался, но улыбка на обветренном, позеленевшем от табака лице была натянутой, непривычной; Рудный знал Вахонена неизменно сосредоточенным, будто он взял на себя однажды трудную и вместе с тем неприятную задачу, да так и не разрешил еще ее.

— Извините, — заметив удивление Рудного, сказал Вахонен. — Спросить вас хочу... Вопрос щепетильный...

— Пожалуйста, — охотно отозвался Рудный. Он был в веселом, работоспособном настроении. Его удивило, что Вахонен не сразу задал вопрос, как обычно, прямо, без обиняков. — Спрашивайте! Отвечу, как могу.

— Вопрос действительно щепетильный, — повторил Вахонен. — Но я боюсь его задать прямо, потому что, поставленный в упор, вопрос этот может вызвать в вас неприятное чувство... Есть такие вопросы, если на них хотят получить действительно точный ответ... Нет, даже не точный, этого мало, а такой же искренний ответ, как и вопрос, заданный с самым искренним чувством... — Секретарь отложил в сторону газету и придвинулся вместе с креслом ближе к Рудному.

Он, видимо, волновался: когда Вахонен закуривал, Рудный заметил дрожание пальцев. Лицо секретаря оставалось невозмутимым, но на висках учащенно вздрагивали жилки. Рудный с интересом следил за ним. Он находил, что лицо Вахонена даже приятное. Пригляделось, что ли...

Вахонен, нахмурившись, скрывая смущение, продолжал:

— Вот видите, много я наговорил, а самого главного и не

сказал. . . Есть щекотливые вопросы. — Он опять замолчал и начал курить, глубоко затягиваясь.

Гуторович у печки внимательно слушал. Его поразили смущение и неуверенность Вахонена.

«О чем он хочет спросить?» — подумал Рудный и сказал: — Я, конечно, с удовольствием отвечу вам. . .

— Видите ли, — продолжал Вахонен, — я хочу вам задать вопрос «по-своему», но ответ услышать «по-вашему». Сидел я вот здесь с вами, читал газету, а все об одном думал: почему приходят к нам, большевикам, такие вот, как вы, какие причины толкают их к революции? . . Не перебивайте, — испугался Вахонен, заметив усмешку Рудного. — Мол, пытаю, в душу к вам залезаю. Нет, нет. . . — вскричал он, — Если не хотите, не отвечайте. Но выслушайте дальше и потом судите. Я твердо знаю, что вы с нами, вы отдадите все свои силы и знание строительству. Я говорю это прямо вам и готов доказать и отстоять эту правду перед кем угодно. Но, как уже сказал, по-своему я объяснил бы это. . . Но вся суть в том, что ответ мне хочется узнать «по-вашему», как именно вы объясняете это вашими же словами. Не так, как в анкете. . .

От внутреннего напряжения Вахонен вспотел. Выпалив вопрос, он теперь боялся, что Рудный ответит вежливо, но холодно и будет прав.

Но Рудного поразила не самая вопрос, а постановка его. Недаром Вахонен долго не задавал его. Если бы он хотел получить что-то нужное ему с какой-нибудь фискальной целью, он не стал бы так волноваться. Нет, секретарь ждет другого. Но чего?

— Знаете, мне нравится ваша постановка вопроса, — после некоторого раздумья сказал Рудный.

— Не подумайте, однако, что это для каких-то там оргвыводов, — поспешил уверить Вахонен. — Я уже сказал вам, что твердо и окончательно верю вам.

— Вы не правы, — возразил инженер, — не правы потому, что, назовете ли вы это оргвыводами или умозаключениями, вы все же извлечете нужное из моего ответа.

— Пожалуй; иначе какой бы смысл задавать такой вопрос, — согласился Вахонен.

Рудный задумался. Что-то новое было в Вахонене. . .

Гуторович недоумевал: «Из пустого в порожнее переливают. . . — Он взглянул на часы. — Девять. . . Собрание назначено в восемь. Должно быть, начальник района еще занят. Он обещал послать сторожуху. . .»

Вахонен с тревогой следил за Рудным. «Уж не обидел ли я его? Не лучше ли смазать все, чем отношения портить?..» Он деланно рассмеялся:

— Так, мол, для чего же ты, батенька, спрашиваешь, раз все «по-своему» запомнишь, на все свои ответы имеешь, свою линию гнешь с начала революции... Сидел бы уж... Не отвечайте, товарищ Рудный, бросьте думать...

— Э, нет, — живо перебил Рудный, — ответ я дам. Но только не сразу, не как в анкете. Вопрос, сами понимаете, сложный... Надо всю подноготную вскрыть... Да и долго говорить... Я штришок один, пожалуй, дам... И, знаете, может быть, не сегодня... Когда-нибудь после...

— В чем же тут дело? — встал с места Вахонен.

— Точно вы и не знаете, хитрец! — пожурил Рудный и тоже встал со стула. — Вам хотелось выслушать меня именно моими словами, и в то же время вы предупреждаете, что сами сможете объяснить, почему я работаю на революцию, вернее, конечно, не я, а энное количество технической интеллигенции, таких, как я... В этом кажущемся противоречии я услышал нечто такое, что мне хотелось слышать давно... И я страшно обрадовался. Уж не появилось ли и у вас желание...

Вахонен пристально глядел на Рудного. Казалось, он хотел подсказать, но не находил слов.

— ...Сказать мне... — все больше волнуясь, говорил быстро инженер, — ...старина Рудный, давайте-ка искать один общий язык! Пора! Делаем мы одно дело, а говорим и думаем как-то по-разному. Вы вот разделили даже! На один и тот же вопрос думали, что ответ получится и «по-моему» и «по-вашему». Да как же это? Об одном и том же, да два разных ответа!.. «Давайте-ка поболтаем, старина Рудный, на одном языке!» Вот, что хотели вы сказать! — Он не мог говорить от возбуждения и протянул руку.

Вахонен схватил ее обеими руками и тряс с восторгом.

— Правильно! Все верно!.. Это мне и хотелось, вот как!.. Да ведь вы понимаете, что после этого разговора мы...

— Друзьями стали! — подхватил Рудный.

«Сентиметны разводят... Чуши нагородили!.. Нет бы до совещания о деле поговорить!» — злился Гуторович, не понимая их состояния.

— Послушайте! — не вытерпел он, — нам надо бы до совещания все обсудить по линии района, депо...

— Все обсудить?.. — повернулся к нему Вахонен. — Экой ты, батенька, умный!.. Уж не один ли думаешь все вопросы района предугадать?..

— Почему бы нет? — спросил Гуторович заносчиво.

В дверях высунулась сторожиха.

— Начальник освободился... Вас ждут!.. — сказала она.

— Пойдемте-ка, старина Рудный, — обратился Вахонен весело.

— Эх, забыл, Вахонен, угостить... Папиросы у меня есть... Пальчики оближешь! — порылся в столе Рудный и вынул пачку.

Они закурили и весело вышли из комнаты.

Тяжело поднимаясь по лестнице на больных ногах, Гуторович ворчал вслед:

«Нащелкаю я вам на совещании по шее! К осенне-зимним перевозкам пора готовиться... А они «по-своему» да «по-моему», — передразнил он. — Черти старые!»

2

В фойе клуба Николай Иванович Фокин увидел казначея месткома Семипалова и радостно бросился к нему навстречу. Они весело пожали друг другу руки и о чем-то заговорили, громко смеясь. Алексей задумался над словами предместкома, сказанными им по дороге в клуб: — «Что хочет Фокин? Парень, кажется, неглупый, в профсоюзе давно работает, пользуется доверием... Почему он хнычет?.. Сам говорит об ударной работе, а суетится, мечется, отделявается общими фразами... Еще недавно на бюро обсуждали бездеятельность Фокина...»

В углу Егоршин громко спорил о чем-то со слесарем Ольховым. Алексей поспешил к ним. С Ольховым было приятно провести время: старый слесарь обладал острым, насмешливым умом. На собраниях Ольхов неизменно начинал со вступления, что он-де малограмотный, мало смыслит в деле, и только после этого начинал крыть недостатки в производстве, ловко находя виновников.

В зале потушили свет. Сзади застрекотал аппарат. Через головы людей брызнул прожектор, и экран ожил.

Егоршин все время визжал и смеялся, как только на экране появлялись Пат и Паташон. Кадры без их участия он проглядывал молча, со скукой. Ольхов смеялся от души, даже слезы выступили на глазах. Но в конце пьесы он вдруг

стал серьезен и, когда выходили из залы, сказал со вздохом, не обращаясь ни к кому:

— Хорошая картина! Отдохнул. Но мерзавцы же, что проповедуют! Штанишки до колен, шапочку на маковку и... ничего мне на свете не надо!.. И вот, мол, не желай у ближнего, — по-нашему, буржуя, — ни раба его, ни рабыни его, ни осла его, ни жены его, ни всякого добра его... и все придет к тебе милостью божьей... Не бунтуй, смотри ласково... Эдакое паскудство! Наши картины лучше... Только мало хороших. Запомнились вот «Броненосец Потемкин» да «Путевка в жизнь», а больше и не знаю... Хорошо бы посмотреть картину из нашей жизни, чтоб за сердце щипало: и отдохнул и уму-разуму поучился! Прощевайте, ребята! — заторопился он к выходу.

Алексей и Егоршин нос к носу встретились с Жуковым. Он был с женой. Софья Петровна, полнотелая, крепкая женщина с могучими плечами, была на полголовы выше мужа; плотный, усатый Жуков рядом с ней казался худеньким подростком.

— Каково хозяйствуешь? — важно спросил Егоршин.

— Поездить бы лучше на паровозе, — ответил Жуков. — Тогда жизнь была малина: отзвонил — и с колокольни долой! Ежели что неладно — лайся с начальством, приступай с ножом к горлу — подать рабочему то и се! Теперь ко мне сотни человек лаяться ходят.

— Не наводи панику, не заказывай дорожку рабочим в заведующие, — сказал Алексей.

— Нет, серьезно! Устаю, как никогда. Прежде на паровозе устали не знавал. Теперь с этим хозяйством... Голова трещит! После Гарпинченко беспорядок был страшный. То нет одного, то другого, ведомости спутаны, отчетность ни к чорту!.. Не раз собирался отказываться...

— Я ему сказала: как только бросишь работу — в этот же день уеду, — вставила Софья Петровна.

— Ультиматум! С женой воевать неохота да... партийный билет обязывает, — пошутил Жуков. — Служу! Пойдемте в курилку, до начала сеанса успеем.

В курилке Жуков принял лукавый вид и общинчески наклонился к ребятам.

— В сорок четыре года, а понесла моя женка, — сказал Жуков, довольно пожевывая губами, и расправил усы. — Понесла, шут ее дери! И рада, как чорт. Вот ласкова! Говорит, теперь хоть есть за кого бороться. Старшие дети в

Ленинграде учатся, им что, теперь сами за себя постоят. А маленького я, говорит, не позволю никому обидеть. Еже-ли, говорит, война?.. На передовую линию пойду, лишь бы маленького Жученка, — вишь, подчеркивает: моего, мол, — отстоять. У женщин решимости больше, чем у нас, — заключил Жуков. — А все-таки я ее победил, а не она меня! — воскликнул он, развеселясь.

— Как победил? — удивился Алексей.

— Молод, брат, — засмеялся Жуков. — Искони это было и будет: в каждой паре чья-нибудь сторона верх берет. Даже друзья, казалось бы, никакой прищипки друг к другу не имеют, а посмотришь поглубже — который-нибудь под-чиняется...

— Я еще не испытывал этого. По-моему, мужчина и жен-щина, сходясь жить вместе, стараются выладить между со-бой самые товарищеские отношения, — сказал Алексей.

— А кто во всем слушается жены? — лукаво спросил Жу-ков. — Кто говорит, что жена у него культурная, много знает и что он многому учится от нее? А? Кто это хвастает своей умной женой? Кто у нее на поводу, как изленилечек за ка-пусткой, ходит? Ме-е! — и Жуков, ткнув Алексея в живот, засмеялся.

Егоршин тоже щекотал Алексея.

— Чорт вас знает! Отстаньте, — покраснел Алексей. — Ну, да, конечно, в том, чего я не знаю, я слушаюсь ее

— Тот неумен, кто не слушается женой, а кто слушается жен, тот вовсе дурен, — вставил пословицу Егоршин. — Так говорят у нас в деревне.

— На поводку, Алешка, на поводку! — дразнил Жу-ков. — Скрутила тебя бабенка, скрутила...

Перестав смеяться, Жуков серьезно сказал:

— Алешка, слухи о твоей жене ходят...

— И ты?.. — поразился Алексей. — В третий раз сегодня слышу.

— Значит, ты знаешь?

— И как это только хочется трепать пыком! — возму-тился Алексей.

— Прежде говорили: муж узнает об измене жены послед-ним, — заметил Жуков. — Но ведь мы же с тобой столько лет работали вместе... Стану я молчать, когда слышал! Дуд-ки! Извини! Я прямо тебе и говорю, не так.

— С Сенькой, что ли?..

— С каким Сенькой? — удивился Жуков.

— Новиковым?

— Не слыхал... Гуторовича приплетают. Говорят, как ты в поездке — так Гуторович на квартиру к тебе...

Алексей побледнел. Он ничего не имел против жизни Александры до женитьбы: она была свободна. И теперь также он не отрицал ее свободы. Но зачем же обманывать, зачем притворяться?.. Недели две тому назад Александра сказала о своей беременности... Чей же тогда ребенок? Его, Сеньки, Гуторовича?.. Стараясь улыбнуться, он ответил:

— Я верю жене. Она не будет меня обманывать. С Гуторовичем они друзья. Парень он славный, но одинокий такой... Почему бы ему и не зайти к нам?.. Даже когда меня нет...

Заметив волнение Алексея, Жуков замолчал. Егоршин с участием смотрел на Алексея, и это бесило его. Алексей еле сдерживался, чтобы не наговорить грубостей, не разругаться с друзьями. Неотступно, навязчиво сверлила в голове мысль: «Чей ребенок? Его, Сеньки, Гуторовича?.. Неужели без обмана нельзя жить?..»

Всю дорогу от станции к поселку Алексей и Егоршин шли молча. Егоршин порывался шутить, но это ему не удавалось.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Сухие дрова горели ровным пламенем, нагревая колени женщин, примостившихся у раскрытой печки. Катя Шершавина жаловалась Александре на одиночество, тоску, беспричинное беспокойство, одолевшее ее за последнее время. Александра слушала ее молча. Катя говорила:

— Вечера все более становятся белыми. Скоро вся ночь будет белой... Я боюсь. Белая ночь — это для меня ужас! Три месяца сплошного дня!.. И ночью, когда рассудок говорит, что сейчас должна быть ночь, откроешь глаза — все залито бледным светом... И кругом тишина!.. Можно с ума сойти от света. Я не знаю, как переживу лето. Даже если я буду закрывать окна, все равно я буду помнить, что за окном на долгое время кругом бело... — Ясные и скорбные глаза Кати на бледном круглом личике, обрамленном жидкими кудряшками волос, смотрели на Александру с тоскливой покорностью.

Александра, задумавшись, обвела глазами комнату Шершавиных. Ее поразила теснота: большую комнату всюду загромождали вещи; нельзя было ступить шагу, чтобы не наткнуться на что-нибудь. Большая печь-голландка стояла у входа в комнату, за ней, у стены, с горой подушек, никелированная кровать, убранный белым покрывалом; посредине комнаты стоял массивный дубовый стол; напротив печи — гардероб; сбоку от него — высокий черный лакированный комод, и, перегораживая комнату напополам, между кроватью и обеденным столом возвышался широкий тяжелый буфет с вырезными фигурами на дверцах. В простенке между окон висел синий ковер со скачущим желтым бедуином. Развесистые, пышные олени рога спускались над ковром; ружье-двухстволка, рожки с порохом и черкесский кинжал, отделанный кованым серебром, крест-накрест раскинулись на ковре пониже оленьих рогов. Под ковром на полу стояла оттоманка, обтянутая бордовым вельветом. Все содержалось в безукоризненной чистоте, стоившей хозяйке больших трудов. Трудно было понять, вещи ли существуют для хозяев, или, наоборот, хозяева служат вещам, ежедневно тряся и чистя их пыльные чрева. Александре было жаль Катю.

— Все это очень мило. Катя, — сказала она, указывая на вещи. — У тебя такой завидный порядок. Ты очень много тратишь времени на уборку комнаты, у тебя по горло работы. Но ведь это все не то... В четырех стенах, вот в этом уютном гнездышке вашем, проходит твоя жизнь. Это скучно!.. Я не могла бы и неделю так жить.

Катя ничего не ответила и продолжала жаловаться о своем:

— Меня мучит бессонница. Недавно, когда мужа не было дома, я думала, умру со страху. Представь, какой ужас! Разделась, легла в кровать... И вдруг вспомнила, что забыла закрыть дверь. А что всего хуже: за дверью, казалось, кто-то шебаршится... Кто-то хотел войти. Я чувствовала, что дверь сейчас откроется... Набралась мужества, хотя сердце билось отчаянно, тихо подобралась к двери и повернула ключ. Но, представь, дверь оказалась запертой. В коридоре было тихо. Да и кто может забраться в наш дом?... Кругом люди. Напротив вы живете, дальше Цветковы, Бороухины... Слышу — у всех спокойно, спят... Я легла. Забываться стала... Вот уже сейчас усну! И вдруг вспомнила: стояла у двери, а закрыть-то ее и забыла. А сама останавли-

ваю себя: заперта дверь, заперта... Вскочила с места — и снова к дверям... Заперта... Легла снова. И не успела закрыть глаза, как опять в голову лезет: не заперта дверь... Ужас! — передохнула Катя... — Всю ночь я бегала к двери и находила ее закрытой, в то время как в голове безотвязно стучало: лезут, лезут, вот откроется дверь... Только к утру забылась.

«Что сказать Кате? — думала Александра. — Посоветовать обратиться к врачу?» Она понимала, что Катя больна и причиной болезни была окружавшая ее обстановка. Нельзя же жить ради вещей, ради того, чтобы заботливо обслуживать мужа! Александра знала, какой предупредительностью и нежностью окружала Катя Дмитрия Шершавина. Сегодня ночью он должен приехать, и Катя не заснет ни на час, дожидаясь его, и к его приходу будет готово все: и ужин, и чай, и горячая вода для мытья, и разобрана мягкая кровать. Александра на ее месте все по-иному бы сделала, и ее уж не тревожила бы какая-то самооткрывающаяся дверь.

— Ты напрасно, Катя, не служишь. Это тебе дало бы независимость.

— Если бы у меня был ребенок, — горячо ответила Катя, — я была бы всем довольна. Мне больше ничего не надо бы... Пять лет замужем — и не иметь ребенка!..

Александрe хотелось сказать, что в плену, каким бы он ни был, будь это зависимость от врагов или собственного мужа, если и родятся дети, то это будут или деспоты или покорные и забитые, но никак не веселые, жизнерадостные, какими должны быть ребята. Но она промолчала. Положение Кати Шершавиной напомнило ей то, о чем ей не хотелось вспоминать, что чуть было не поставило ее самое в поработненное состояние.

— Я расскажу тебе первой о том, о чем ни мужу ни кому-либо из родственников не говорила, — сказала Александра. — Я была замужем семь лет тому назад... Жила с человеком, которого не хотела бы больше встретить... Он мучил меня так же, как мучит тебя Дмитрий... Не протестуй, Катя! Это, верно, мучение под флагом любви. Он говорит, что любит тебя, а ты признаешь это любовью...

— Я не понимаю тебя, — перебила Катя. — Мы говорим на разных языках. И делаем разное...

Катя смутилась. Ей было теперь стыдно за свои переживания, и она жалела, что поделилась ими с Александрой.

«Лучше пережить все одной» — подумала она,

Александра поняла ее состояние.

— Катя, извини меня, ты нежнее, чем я ожидала. Я иногда груба. Ты рассказала мне о своих невзгодах, и я поделюсь с тобой самым интимным. — И Александра начала говорить о том, что произошло с ней семь лет тому назад, когда она встретила с Пепеляевым, красивым, привлекательным малым; она полюбила, жила с ним, не могла пробыть дня без него... А потом она узнала его по-настоящему... Сколько мук перенесла она от него! Насмешки, издевательства... Она была его рабой, его собственностью, и как было сладко переживать это сначала, так гадко и противно было потом...

— Даже Алексею я не говорила об этом. Кто знает, как он отнесется к моему прошлому! Мы любим друг друга, и стоит ли расставаться из-за того, что пережито! В особенности не говори Любовь Михайловне, — предупреждала она. — Она может испортить много крови; она наслаждается, когда делает другому больно. Как-то она рассказывала Алексею, что я гуляла с Сенькой Новиковым...

— С Сенькой?... — удивилась Катя, придвинувшись ближе. — А не...

— Не знаю, — не заметила движения Александра, — кто передал Любовь Михайловне о том, что Сенька, — помнишь, в твои именины, — проводил меня до дома... И только. Парень он неплохой, но не в моем духе. Хвостун и щеголь! Голова крепкая, но пустая...

— Конечно, какой Сенька мужчина! не серьезный! — перебила Катя. — Я слышала, тебя связывают с другим...

— Еще с кем? — засмеялась Александра.

— Болтают о Гуторовиче...

— Тихон Петрович! — вскричала Александра и звонко расхохоталась. — Да ведь этот весь во власти производства! Депо для него — невеста. Он одинокий человек. С ним приятно поболтать. Он зайдет ко мне, сядет в угол и без конца твердит о работе. Если его не перебивать, он готов круглые сутки проговорить — и все о деле. Он отдыхает у меня.

В дверь постучали.

— Да! — крикнула Катя. Александра живо взглянула на нее.

«Крепкий еще голос, — подумала она, — в люди бы вывести — совсем окрепла бы бабочка!»

В дверях стояла сгорбившаяся фигура Гуторовича; по лицу расплывалась смущенная улыбка; он, видимо, рад был

видеться с Александрой и вместе с тем боялся быть в тягость.

— Тихон Петрович! — весело приветствовала Александра, протягивая руки. — Легок на помине! Расскажи, что нового?..

Гуторович с места в карьер возбужденно выпалил новости:

— Моя должность заведующего ремонтом упраздняется! Средний ремонт будет производиться исключительно на заводе. У нас только промывка, оздоровительный ремонт и текущий. Роль начальника депо укрупняется. Прежде он был только заведующим мастерскими. Перестройка партработы, — упор на звено, — перестройка профработы, перестройка снабжения — вот задачи. И, представь, я наметил все это, хотел высказаться. Но... — улыбнулся Гуторович застенчиво, — меня предупредили. Да, знаешь, меня переводят на завод заведывать ремонтом.

— Ты рад? — спросила Александра.

— Очень, — ответил он. — А главное, теперь я уж не собою. Стыдно вспомнить, как однажды на собрании машинисты высмеяли меня, назвав «пупом, вокруг которого вертится советская техника»...

— Значит, были правы Рудный и Вахонен, заставившие тебя повозиться с дооборудованием канав? — спросила Александра.

— Конечно. В этом было знамение времени. Мы ведь везде и всюду пользуемся техникой и феодальной эпохи, и развитого капитализма, и строящегося социализма. В сельском хозяйстве, например, на одних и тех же полях работают трактор и плуг, а то еще соха и катерпиллер, коса и комбайн; а у нас в транспортном хозяйстве деревянные клетки, заменяющие домкраты, и электрическая подъемка... Я хотел иметь сразу электричество — и в этом ошибся. Рудный и Вахонен через деревянные клетки подошли к электричеству... Еще новость. Новое депо будет строиться с расчетом на электровагоны. Понимаешь, через пять лет Мурманка должна быть электрифицирована...

— Катя, — сказала Александра, — пойдем на кухню, приготовим герою производства кофе, — улыбнулась она Гуторовичу. — Ты будешь дожидаться меня здесь или перейдешь к нам?

Гуторович вместе с ними вышел из комнаты Шершавиных и перешел в комнату Алексея.

На кухне Алексея остановила Катя Шершавина.

— Вы со станции? — спросила она. — Не знаете, скоро придет пассажирский?

— Пришел, — ответил Алексей.

Из комнаты Цветковых вышла Любовь Михайловна. Она тоже справилась о прибытии товарного поезда, который должен был вести Александр Иванович. Алексей не знал.

— Погода такая, — вздохнула Любовь Михайловна. — Ветер, дождь... Тяжелая служба...

— Служба самая здоровая, — сказал Алексей. — На воздухе... хорошо оплачивается. О чем вздыхать?

— Опасная!.. Каждую поездку беспокоюсь о муже, — ответила Цветкова. — Да... Нынче уж очень плохо стало. Одним воздухом в поездке и дышат.

— Что так?

— Прежде я в сундучок мужа наложу колбаски, пирожков, яиц... Сытехонек едет. Тепло одетый.

— Ну, на этот счет мне с вами не договориться. Не надо клеветать, Любовь Михайловна!

— Ах, я клевету? — презрительно поджала губы Любовь Михайловна. — Доказывать вы мастера! На словах — все у вас есть, а на деле?.. Очереди! Весь день только по очередям и крутишься... Вы что сегодня на ужин готовите, Катя? — с любопытством заглянула она в кастрюлю и шопотом спросила о чем-то, чего Алексей не расслышал. Катя утвердительно мотнула головой. Цветкова ахнула от восторга.

Алексей открыл дверь своей комнаты. Гуторович и Александра пили кофе, сидя за столом друг против друга, и оживленно о чем-то болтали. Александра смеялась, Гуторович также был возбужден; на его бледном лице играла довольная улыбка.

— Садись пить кофе, — встретила Александра весело.

Алексей задержался у дверей, снимая намокнувший, тяжелый пиджак. Ни разу в жизни он еще не чувствовал в груди сердца: оно билось спокойно, не напоминая о себе. Сейчас, помимо его воли, вся кровь бросилась в голову, сердце стучало, он задыхался от бешенства. Что им, женщинам, надо?.. Не нужен, разлюбила?.. Скажи! Но зачем же тайно, воровски?..

— Что же ты застрял? — обратилась к нему Александра.—

Что с тобой?.. — вскрикнула она, заметив его искаженное от ярости лицо.

Алексей криво усмехнулся.

— Хорошую картину видел в клубе... Пат и Паташон... Здравствуй, Тихон Петрович! — пожал он руку приподнявшемуся Гуторовичу.

Александра, пристально глядя на Алексея, молча подала чашку кофе. Он сел и, бренча ложкой, положил кусок сахара.

Наступило молчание. Все чувствовали себя неловко. Гуторович, смущенный, поднялся из-за стола, собираясь уходить. Александра не задерживала. Возясь с чашкой, Алексей шумно пил. В настороженной тишине это бренчание чашки вызывало раздражение. Нервы Александры не выдерживали...

По коридору послышались грузные шаги, и раздался сердитый, с хрипотой, голос Шершавина:

— Ломовые извозчики, а не машинисты!.. — прибавив ругательное слово, кричал Шершавин. — Им бы на старое кляче за водой ездить, а тоже лезут на паровоз...

— Что такое, Митя? — слышались восклицания Кати.

— То!.. Чорт их надавал, деревенщину!.. Механики! — передразнил он и спешно вошел в свою комнату. — Крушение!.. Вот что! — крикнул он на весь дом.

Алексей и Гуторович мгновенно вскочили с мест и устремились к Шершавиным. Александра бежала за ними.

Любовь Михайловна, тоже слышавшая приход Шершавина, мчалась узнать подробнее о происшедшем. У нее был в поездке муж. Уж не он ли попал в крушение?..

— Двадцать вагонов под откосом, — скидывая пальто, отдуваясь, громко сообщал Шершавин Алексею и Гуторовичу. — Обрыв на уклоне... Хвост нагнал, не могли удрать... Горе-механики! Васька Буслаев — на паровозе без году не деля... Кочегара на-смерть дровами задавило. Двух кондукторов... И, сукины дети, как правят машиной?! — негодовал он. — Не умеешь вести состав — не берись! Двадцать вагонов!.. Три жертвы! Что вы, партийцы, смотрите? — обращаясь к Алексею и Гуторовичу, выпалил он с яростью. — Разве можно сажать на паровоз человека без практики, без знаний? Васька Буслаев ведь только два года на паровозе, а уже машинист! Раньше по пяти лет помощником ездили. Это еще кончившие техническое училище! А которые из кочегаров — десять лет трубили на паровозе, прежде чем и

регулятор доверят. Разобьют весь транспорт такие ударники! — Возбужденный Шершавин, бранясь, ходил по комнате.

— Александра Ивановича видели? — спросила от дверей Любовь Михайловна.

— Что ему сделается?!. — грубо ответил Шершавин.

Катя хлопотала около стола с приборами, приготовляя мужу еду. Он всегда ругался, когда к его приходу не все было готово. Шершавин тяжело рухнул на стул, так что под ним затрещало.

— Скорей в депо! — рванул Алексей за рукав Гуторovichа. — Узнаем точно!.. Там известно!

Они наскоро оделись и бросились бежать что есть силы. На улице хлестал косой дождь. Ветер рвал железо на крышах.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

На другой день в клубе было заседание линейного суда. Судили бригаду Цветкова за сожжение предохранительных пробок и порчу паровоза. Кроме Цветкова привлекались к ответственности и другие нарушители труддисциплины.

Происшедшее ночью крушение товарного поезда взбудоражило все население поселка. Везде и всюду только и говорили о крушении, о самом страшном, что может случиться с каждым железнодорожником. Причиной этого крушения одни считали неопытность машиниста, другие — скверное состояние пути, третьи указывали на неслаженность работы паровозной и кондукторской бригад. «Легаши», как в шутку называли кондукторов, обвиняли в крушении машиниста, паровозники валили вину на кондукторов. На место крушения срочно выехала комиссия; результатов ее работы ждали с нетерпением.

На заседание суда пришли все свободные от работы железнодорожники. Александр Иванович Цветков признал свою вину и просил достойного наказания, чтобы и другим не повадно было пить водку во время работы; он же впредь обещал честно исполнять свое дело. Держался он степенно, с чувством достоинства, но глядел в одну точку — в глаза председателя; ему было совестно оглянуться на присутствующих в зале машинистов. Андрюха Шкутов угрюмо отвечал

суду, сваливая вину на Цветкова, который, по его мнению, как машинист ответствен за весь паровоз. Никодим Малышев при опросе громко буркнул:

— Я на тендере спал!.. Моя вина какая?.. В будку-то машинист не пускал, говорил: всяк сверчок знай свой шесток!.. У меня буксы тендера в порядке были. А до паровоза мне какое дело? Я не учен!.. Они больше знают, — указал он на Цветкова и Шкутова. — Мое дело маленькое, свою службу знаю. Накидал к топке дров — и никаких гвоздей!..

Приговор суда: сместить Цветкова из машинистов в помощники сроком на один год, Шкутова из помощников в кочегары на два года, а Малышева из кочегаров снять в черно-рабочие — был встречен с удовлетворением. На бригаду кроме того накладывался штраф: стоимость нанесенного дороge убытка.

У себя дома Александр Иванович на вопрос жены, останется ли он здесь или переведется на другую дорогу, чтобы отбыть наказание среди незнакомых людей, — Любовь Михайловна, сама любившая почесать язычком, больше всего на свете боялась огласки, — строго взглянул на нее и ответил сурово:

— Здесь случилась беда, здесь и исправлять ее буду!

Потом взволнованно, переходя на крик, — чего никогда с ним не бывало, — отрезал:

— Что я, не рабочий, что ли?.. Пятнадцать лет на паровозе! Надо себя держать твердо! Темпы, диктатура... Раз надо — значит надо! Против силы не пойдешь... Неси обед!.. Да ты у меня перестань трепать языком! — остановил он Любовь Михайловну. — Зачем про Алешку Юртанена сплетни распускаешь?.. Знаю... язычок! — И, прежде чем жена начала защищаться, крикнул: — Молчать!..

Любовь Михайловна со вздохом вышла на кухню. Всю дорогу, идя с ней из клуба, Александр Иванович не проронил ни слова — и вдруг такой разговор... Никогда она еще не слыхала от мужа такого тона. Что с ним случилось?.. Неужели испугался?.. Подумаешь! жалование будет получать меньше! Точно мы и так не проживем лучше, чем другие! Слава богу! — с наслаждением подумала Любовь Михайловна про свои запасы.

Шкутов в этот же вечер, сразу после суда, подал заявление об увольнении с работы.

— К чорту!.. Башку свернешь на паровозе!.. Крушение

за крушением! Не найду другой работы, что ли?.. Меня в Химкомбинат примут — еще больше зарплаты положат, — вызываяще сказал он дежурному по депо. И ушел, хлопнув дверью.

Дежурный крикнул ему вслед:

— Не принимаю заявления! Иди к Рудному или Гуторовичу — их это дело.

— А не твое дело, так и не мое!.. Пошли вы ко всем чертям! — повернулся Андрюха и вышел из депо.

Спустя некоторое время два кочегара тоже подали заявления об увольнении. Их вызывали в поездку; они выложили на стол дежурного по грязному клочку бумаги с отказом от работы.

— Везде делов хватит, — твердили они. — У нас дети... Кочегара-то Еремина на-смерть дровами зашибло.

Дежурный отправил их к Гуторовичу, сдававшему дела новому начальнику депо.

Гуторович по постановлению районного управления переводился на другую работу в главные мастерские заведующим средним ремонтом. Средний ремонт по приказу дирекции переходил в ведение главных мастерских; в основных депо предполагалось производить только промывку паровозов и оздоровительный ремонт, менее сложный, чем средний. За последние три месяца под руководством Гуторовича было отремонтировано двадцать паровозов, что составляло около половины всего парка, и это было огромным подспорьем для главных мастерских, забитых в то время работой. Новое оборудование главных мастерских позволяло теперь дороге освободить районные депо от непомерной и в то же время нерациональной нагрузки; ремонт паровозов в недостаточно оборудованном депо обходился слишком дорого по сравнению с электрифицированными мастерскими. Таким образом, во-время осуществленный план Рудного отремонтировать паровозы своими силами сыграл большую роль в деле оздоровления паровозов. Рудный, правда, вовсе не рассчитывал на помощь извне, а думал перебрать все паровозы своими силами. но был очень доволен, когда из дирекции был дан приказ об отправке паровозов, требующих среднего и капитального ремонта, в главные мастерские. Перед депо сейчас стояла самая важная задача — беречь паровозы, а это заставляло обратить самое тщательное внимание на текущий ремонт: незамеченная во-время маленькая поломка была угрозой для машины выбыть из строя. Недостаток ин-

женерно-технических работников не позволял оставить Гуторовича на текущем ремонте; на это дело ставился опытный мастер из слесарей.

Гуторович с сожалением расставался с депо, в котором он научился работать серьезно. Сколько раз он срывался, подымался вновь, надеялся и терпел неудачу? Последнее время он даже лучшего работника — Рудного — назвал вредителем. И все почему? Он не умел работать, несмотря на сжигающий его пыл желания как можно шире и новее поставить дело. Сколько было неуместной суетни, торопливости... Проходя с начальником депо мимо канав с подъемными сооружениями, Тихон Петрович с улыбкой сказал:

— Четыре года в этих грязных канавах я умывался, чтобы от разной накипи освежиться!...

— Оборудовано на совесть! Пример для других депо, — ответил не понявший его начальник. — Ты, видать, заболелся...

Дежурный привел им в конторку кочегаров с заявлениями.

— Делайте, что хотите! — сказал он и подал еще бумажку Шкутова. — Если по три человека в день будут отказываться в поезда, мне некого будет назначать.

— Значит, не можете работать? — спросил Гуторович, прочитав заявления.

Кочегары молчали.

— Значит, не можете участвовать в строительстве?.. У вас дети, жены, может быть, братья, отцы, матери. и все они боятся за вас?.. Вдруг погибнут такие достойные работнички?.. А?.. — допрашивал Гуторович сердито.

— Что смеетесь? — сказал один из кочегаров зло. — Сказано, не хочу — и все! Издеваться нечего, не прежняя пора!

— Вот именно не прежняя пора! — вскричал Гуторович. — И как вам не стыдно быть дезертирами с трудового фронта! Рабочий класс борется, стиснув зубы, за победу...

— Зубы-то не заговаривай, — перебил его все тот же кочегар. — Без тебя знаю, что делаю.

— Так, — понизил голос Гуторович. — Прекрасно! Значит, отказываешься от работы?

— Да, — мрачно ответил кочегар.

— Можешь итти! Но только запомни, — наказал он, — тебе скажут в другом месте: не нужен, — хотя бы ты и хотел остаться!

Оставшийся кочегар мялся с ноги на ногу перед столом Гуторовича. Это был веснушчатый, круглый парень. Гуторо-

вич усадил его на стул напротив себя. Он не стал спрашивать, хочет ли он остаться на работе или нет, а начал говорить о необходимости учиться — не только чтобы знать паровоз, а и вообще разбираться в жизни по-настоящему, самому научиться быть хозяином дела, чувствовать себя самостоятельным и крепким во всех отношениях... Парень пыхтел, не глядя на Гуторовича, и, наконец, не выдержал.

— Меня приятель сбил, — вымолвил кочегар тихо. — Я бы и не подумал. Он говорит, везде сейчас много работы...

— Знаю, — ответил Гуторович. — Человек ты, я вижу, недавно из деревни. Нечего греха таить, машины боишься?

— Верно, чорт ее!.. Гудит страшно!..

— Вот! Гудит!.. Машину человек выдумал себе на пользу. Ничего таинственного и страшного нет. Видел в депо, мы машину по косточкам разбираем, чистим, чиним?.. Вот, дружище!.. Ты не бойся, а постарайся понять, как устроена машина. На курсы поступи! У нас уже много ребят из кочегаров помощниками машинистов стали. Ездят — не нарадуются... Ты давно едешь кочегаром?..

— Три месяца.

— Много ли ты знаешь? Дров накидать в топку еще наверное не выучился? — и Гуторович вновь начал уговаривать парня.

Кочегар ушел от Гуторовича, обещав учиться.

— Россия — государство, без сомнения, уездное, — вспомина Максима Горького, заметил Гуторович начальнику депо, когда ушел кочегар.

— Что же ты первого-то прогнал? — спросил начальник.

— У меня глаз выработался. Есть такие — на увещания не идут. Пока не припрет их к стене — не сдадут в своем невежестве. Может быть, таких бы надо за шиворот тащить окультуриваться.

— Смотри! — погрозил начальник. — Как бы завтра еще не пришли с заявлениями об увольнении! Тут надо другие меры.

— Согласен! Я понял тебя, — взялся за телефонную трубку Гуторович и вызвал Вахонена.

Он рассказал секретарю парткома о заявлениях Шкутова и двух кочегаров.

— Шкутов — дурак!.. Мечется парень! Кочегаром не хочется ездить, — говорил по телефону Вахонен. — Но за спиной Шкутова?.. Понимаешь?.. Крушение ли, ликвидация ли безработицы... Все используется... Приходи с Кенсорино-

вым. Комсомол в этом случае здорово поможет. Кампанию «Ответ Шкутову» проведем. Так, что ли?.. Фокина пригласить?.. Нет?.. Да, не стоит!.. Между ног путается! Скоро перевыборы месткома. Есть у меня на примете парень... Хорош!.. Кто?.. Дёповский сторож... Глущенко!.. Зря пропадает... Однорукий? Это ничего. Красный партизан!.. Приходи через часик! Сейчас позвоню Рудному... Он на курсах машинистов... Да, да, дело серьезное... Это верно! Шкурников гнать беспощадно! Ребят хороших уговорить... Правильно!.. — и он повесил трубку.

2

Рудный, читавший лекции на трехмесячных курсах переподготовки машинистов, под конец остановился на теме об экономии топлива. Он самым тщательным образом обрисовал перед машинистами весь путь куска топлива, начиная от заготовки и кончая зольником паровоза. И на этом длинном пути, который проходит кусок топлива, прежде чем попасть в топку паровоза, а оттуда в виде золы — в зольник, — Рудный находил вполне точные источники потерь топлива, устранить которые было невозможно. Виновниками потерь топлива инженер называл и административную нераспорядительность, когда машина работает бесполезно и бессмысленно, и хищения, и плохую конструкцию паровозов, и неумелое отопление, и, наконец, неправильное управление паровозом.

Рудный передохнул, сел на стул и склонился перед записями блокнота. В классе были все знакомые ему лица. Горбоносый Кузичев, широколицый полный Семёнов, неизменно хмурый Козлов, весельчак Жигаев, степенный пожилой Савалайнен, Юртанен, был и Цветков, слегка осунувшийся после суда, наконец, полнокровный, со смелым взглядом, Шершавин... Всех их знал теперь Рудный, проработав с ними три месяца. Он не только узнал их знания и умение работать, но знал и заботы и нужды каждого. Трудно это далось. Долго машинисты смотрели на Рудного как на начальника и человека им чужого и были тяжелы на разговор. Иногда с нехорошим чувством отходил он от группы оживленно разговаривающих и вдруг замолкавших при его появлении машинистов. Но Рудный был упорен в своих действиях. Он понял, что через приказы, через работу из кабинета он никогда не наладит хорошо работу тяги, и не отступал. Он

знал, что его знания и опыт, переданные в гущу машинистов, в конечном счете побегут десятками поездов, перекликаясь гудками, тараторя колесами... Он был доволен слушателями и преподавал с радостью. Машинисты сами научили его преподавать: останавливаться на каждой детали машины до тех пор, пока вся группа не изучала ее в совершенстве. А говорить с группой он должен был научиться просто и точно, — этим скорее подвигалось дело, — и он научился. Рудный с усмешкой подумал о первых уроках, когда Александра Николаевна останавливала его, не давая торопиться. Она была права. Он хотел как можно скорее передать свои знания, а нужно было — как можно полнее и шаг за шагом. Сейчас он не боялся за судьбу паровозов — шеренга вскормленных им машинистов была сильна. И, когда машинисты были требовательны в своих расспросах, он ценил и понимал это.

— Юртанен! — после минутного раздумья позвал Рудный, — повтори мне причины потери топлива, зависящие от машиниста.

Алексей встал из-за парты и, вспоминая только что проведенную беседу инженера и свои наблюдения на работе, начал перечислять:

— Неумелая растопка... Дым и искры...

— Иной подумает со стороны: вот, мол, как красиво едет паровоз, — с иронией перебил Шершавин и рассмеялся. — Мол, косы распустила машина, что тебе баба!

— Шершавин, без обеда оставлю, — улыбнулся Рудный. — Не мешай!

— Без обеда — это могу. Без пива... это страшней! Молчу, молчу! — заметил он досадливое выражение Рудного.

— Почему получается большое скопление дыма и искр? — спросил Рудный Алексея.

— Слишком мало воздуха входит в топку.

— А если много воздуха? От этого ведь лучше сгорает топливо?..

— Нет, избыток воздуха охлаждает топку.

— Хорошо. Дальше!

Шершавину было скучно слушать эти перечисления. Кончив техническое училище, он хорошо знал все случаи. Зевая, с насмешкой следил он за Юртаненом — школьником, вытянувшимся перед учителем. Но, взглянув по сторонам, он заметил напряженное внимание остальных машинистов и подавил зевок.

«Ученики» — с чувством собственного превосходства подумал Шершавин.

Рудный остановил Алексея. Ответ он нашел удовлетворительным. Выслушал замечания отдельных машинистов, дополнивших перечисления Алексея, Рудный закончил беседу словами:

— Наша дорога через пять лет будет электрифицирована. В скором времени мы откроем курсы по изучению электровозов. Но и на эти пять лет мы, конечно, не будем такими «мудрецами», чтобы наплевательски относиться к паровозу. Пять лет — срок и не большой и не маленький! Не зная паровоза, можно не только в пять лет загубить его, но и в пять минут. Зная же паровоз, за пять лет можно сохранить его и при помощи его ускорить введение новых собратьев по передвижению — электровозов. Тем и закончим нашу беседу, товарищи!

В дверь класса постучали, и, запыхавшись, вошел Вахонен.

— Я на минутку задержу, — остановил он машинистов, собравшихся уходить. — Здорово, дружище Рудный, — поздоровался Вахонен спешно. — Дело весьма серьезное! — обратился он к машинистам.

— Давай скорей! — зашумели в комнате. — Поздно уже!

— Есть хочется!

— Мне скоро в поездку!

— Дело вот в чем, — сказал Вахонен громко. — Вчерашнее крушение используется классовым врагом. Понимаете? Классовый враг бьет на трусость. Теперь, мол, везде довольно работы, нигде не пропадем, везде паек получим!.. Понимаете, на улучшении жизни рабочих играет классовый враг! Под руководством партии рабочий класс начал жить лучше, и даже на этом враг хочет сорвать наше строительство. Бежать от опасной работы — вот новый лозунг врага! Сегодня мы получили три заявления об отказе от работы. Какие причины?.. Крушения, мол, на железной дороге, найду работу безопасней. Я не говорю, что эти заявления подали классовые враги, нет!.. Но за спиной их безусловно дремлет враг. Самая мысль эта об опасности машин — контрреволюционная. Этак работа около каждого двигателя, будет это паровой или электрический, опасна... Что это?.. Мысль эта — бунт против машин. Долой машины, около них опасно! Возвращение к прадедовским временам?..

— Ох, уж эта деревенщина! — процедил с отвращением

Шершавин. — Наверно подали заявления кочегары, недавно поступившие? — спросил он.

— О! так нельзя, так нельзя, — погрозил пальцем Вахонен. — На деревенщину целиком вину не вали! Это загиб! И чистокровный пролетарий может найтись с таким же душком. Несознательность на поводу классового врага — вот как надо расценивать это дело. Подали заявление помощник Шкутов и два кочегара. Они действительно недавно из деревни.

— Шкутов Андрюшка?.. — удивился Цветков. — Да ведь его сегодня за проступок наш на два года в кочегары сняли! Как же так?..

— А вот так. Взял да с паровоза и удрал! Наплевать, мол, мне на ваше понижение, — ответил Вахонен. — Ты вот как думаешь поступить? Тебя тоже сняли из машинистов?

Александр Иванович от волнения покраснел, как школьник. Его задели слова секретаря. «Эх, сколько стыда перетерпеть придется! А все из-за чего?.. Промах допустил! Андрюха этот водки подсунул!» — думал он.

— Что скажешь, Александр Иванович? — переспросил Вахонен.

Цветкову хотелось сказать многое, но, чувствуя на себя взгляды всех присутствующих, он смутился и не находил слов от волнения. Ему вспомнились собрания, на которых чистили партийцев. Он не пропускал ни одного человека и неизменно задавал язвительные вопросы, любясь стеснительным положением проходившего чистку. Честолюбие играло в его характере главную роль, и этим главным надо было поступиться. Он был виновен, признал свою вину и осужден. Александр Иванович хотел вновь чувствовать уверенность в своем положении. Он набрался духу и громко ответил:

— Не сдам, товарищ Вахонен! Дано мне испытание — вынесу с твердостью! — На мгновение он заколебался, покраснел еще более, голос его задрожал. — Вел жизнь я неподходящую для пролетария... да... был грех, и спекулировал... Но службу исполнял честно. Да, честно!.. За пятнадцать лет это первый случай со мной — пробки сжег!.. Стыдно, товарищи... верно!.. Кого хочешь возьми... На суде я сказал сегодня: — виновен! Виновен и наказание, положенное на меня, отбуду! — Он передохнул и продолжал уже тверже: — Метаться — не в моем характере, менять службу не стану. А что касается опасности работы на паровозе, так

скажу, что все от себя зависит, как себя поставишь. И думаю, товарищи: начали мы сами жизнь свою создавать — спускать не надо. А я еще думаю о себе так: отбуду наказание — и в партию заявление подам. Как она скажет, не знаю. Ответ же я дал.

— Браво! — крикнул Шершавин. — Ты, брат, агитатором скоро будешь!

— Может, и буду, — рассердился Цветков на грубое восклициание Шершавина. — Был у меня приятель Серов, тот с вредителями спутался; я на производстве нарвался на беду. Почему это?.. Потому что партию плохо слушались. Подсмеивались много... Вот, Дмитрий Сергеевич! Смотри, как бы и тебе не пришлось очутиться на моем положении — попыть, как сегодня, — ответил он Шершавину.

Вахонен и Рудный улыбались, слушая руготню машинистов. Это был разговор по душам. Они вспомнили свой недавний разговор по душам и знали ему цену.

3.

Домой Алексей шел вместе с Шершавиным и Цветковым. Погода начинала изменяться. Полоса дождей прошла. В воздухе было тепло. От реки поднимался туман; он полз к вершинам гор и исчезал среди белых снеговых вершин. Несмотря на поздний час вечера, было светло. Хорошо были видны разбросанные по всему полуострову постройки, все в окружении лесов и материалов. Ночные сторожа тяжелыми неповоротливыми фигурами появлялись на фоне построек. Между строениями кой-где виднелась темная гладь залива; трепетное мерцание ряби было наполнено блесками лунного света. Алексей слушал машинистов, продолжавших спорить, и думал о том, что каждый из них не прав, и ему казалось странным, что двое взрослых и умных людей не замечают этого. Шершавин с гордостью заявлял о своем умении работать и не признавал за людей тех, которые не могли с ним равняться знаниями; Александр Иванович, настроенный непротивленчески, совершенно умалял свой опыт.

— Нынче все учатся... Результаты — пшик!.. Крушения делать учатся, — произнес Шершавин запальчиво.

Алексей больше не мог оставаться безучастным; Шершавин пересаливал, расценивая себя слишком высоко. Правда, он был лучшим машинистом, не раз премированным, но вел себя вызывающе и в депо и в частных встречах.

— Никто не оспаривает твоих знаний, Дмитрий, — заметил Алексей спокойно. — Ты больше знаешь, другой — меньше... Никто не уравнивает тебя с теми, кто не равен тебе. Ты водишь пассажирские поезда, другой и для товарных не годится — на маневрах околачивается. Но ты глупо ошибаешься в своем самомнении, не додумываешь до конца. Почему ты думаешь, что тот, который сейчас меньше твоего понимает толк в паровозах, через пару лет не догонит тебя?..

— И перегонит?.. — перебил Шершавин язвительно. — Противно слушать! О чем бы ни говорили, без са-мо-го но-о-вейшего, — протянул он, — термина не обойдутся! Слов, что ли, в русском языке не стало?

— О словах скажу после, — улыбнулся Алексей, — можно, если хочешь, и другими заменить... важно, чтобы ты понял меня. К примеру, Шурка Верюжский через пять лет инженером будет. Ты, пожалуй, не сумеешь окончить вуз... года ушли... семья... не захочешь: мало ли причин!.. А таких Верюжских много. И будешь ты меньше их знать. Они перегонят тебя.

— Опять! — воскликнул Шершавин с досадой.

— Ну, тогда, голубчик, тебе не нравятся не одни слова, — сказал Алексей серьезно. — Кой-что немаловажное тебе не нравится. Скажи прямо!

Шершавин молчал.

— Ты ведь из техников, близок к инженерству, может быть, живал и лучше, чем теперь?..

— Жил, да! До революции я триста рублей в месяц зарабатывал, — сердито вставил Шершавин.

— Я знаю, когда ты зарабатывал много. Будь прям перед собой!.. Ты в империалистическую войну много получал денег. Тогда, когда железная дорога на фронт работала... Ясно, буржуазия платила хорошо тем, кто ей был нужен! Но ведь, Дмитрий, ты получал тогда за счет других... и только! Ты разве хочешь этого теперь! Ты ведь гордый!.. Гордость твоя не должна допустить до этого... И потом получать за счет других партия и рабочий класс не позволяют, — добавил Алексей сурово.

— Смотрю я на вас, партийцев, и удивляюсь, — промолвил Цветков, шагавший рядом с Алексеем, — и на все у вас ответ есть. И занятно еще то, что спроси другого партийца о том же — ответит так же, почти так же. Почему это?

— Шпигуют их, — откликнулся Шершавин.

— Как ты зол сегодня! — упрекнул Алексей. — Конечно, партия дает установку. А главное в том, что партия права во всем. Она очень глубоко ставит анализ всем событиям, подумать есть над чем. Ну, а я?.. Я очень многого еще не знаю... мне надо учиться!

— Так же вот, как ты сегодня перед Рудным потери топлива перечислял? — засмеялся Шершавин. — Точно в первой ступени: дважды два будет четыре, дважды три...

— Что ж, и поперечислю! Иное следует и заучить, пока не разберешься сам. Конечно, лучше было бы, если бы так вот всё и вся было понятно... Не сразу!

Они подходили к дому. Свет в окне Шершавина говорил о том, что Катя поджидала мужа; в комнате Алексея свет был погашен.

— Моя женка не ляжет спать до меня... — сказал Шершавин, самодовольно указывая на окно.

— Моя спит, — ответил Алексей.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Взамен Цветкова на паровоз Алексея назначили Саволайнена, пожилого опытного машиниста. Алексей был очень доволен этим назначением. Они осмотрели вдвоем машину и обменялись мнением насчет ее состояния. Алексей помог Саволайнену заправить паровоз в очередную поездку и вместе с ним проехал от депо на станцию.

Отъезжая к составу, Саволайнен помахал на прощание рукой. Алексей долго глядел вслед уходившему паровозу. Ему всегда становилось грустно, когда его паровоз уходил в путь; он чувствовал себя тогда как бы капитаном, оставшимся на берегу, когда судно уплывало за горизонт... К этому примешивалось еще чувство недоверия к спаренной бригаде. Из уважения к опытности машиниста он старался гнать от себя это нетоварищеское чувство, но помощник Пухкало, грубый и неотесанный парень, не нравился ему. Алексею казалось, что Пухкало своим небрежным отношением к делу сорвет все их начинания. Он с Саволайненом объявил паровоз хозрасчетным: надо было ежемесячно дать норму пробега, не пережечь топлива, не расходовать лишних смазочных веществ. Помощник Пухкало смотрел на все это спустя рукава.

Сегодня на заправке Алексей видел, что помощник поленился сделать для масленки настоящий шерстяной фитиль, а сунул взамен его клочок пакли на проволочке, и Алексей долго убеждал помощника сделать иначе. Пухкало сначала упрямился, потом начал ругаться и лишь при настойчивости Алексея, ворча, вставил новый фитиль.

За этим фитилем машинист Алексей видел сгоревший подшипник, недоставленный во-время груз и срыв плана работ, а помощник Пухкало заявлял о придирках к нему, молодому рабочему, со стороны старого паровозника.

— Мне двадцать пять лет, тебе двадцать три... Подумаешь, малолеток! — сказал Алексей. — Если бы на твоём месте был даже машинист Саволайнен, — он, правда, не сделал бы так, как ты, — я и то указал бы ему на ошибку. Не надо сердиться! — И Алексей не преминул пояснить, какой толщины нужно вставлять в масленки фитиля. чтобы смазка подавалась в нужное место в достаточной, но и не излишней мере.

Алексей стоял на платформе и следил за уходившим по первой линии к концу станционных путей паровозом, управляемым Саволайненом. Паровоз прицепили к составу, и бригада сошла на землю осмотреть последний раз перед отправкой движущиеся части машины. Главный кондуктор нес со станции жезл. Младшие кондуктора стояли на своих местах, на тормозных площадках.

Над паровозом показалась тонкая струйка пара, разлетелась воронкой кверху, завилась кружочком, и до Алексея донесся мощный гудок, взбудораживший предвечернюю тишину.

По всему составу прокатилась легкая дрожь, — вагоны тронулись, зарокотали колеса, и, вытянувшись в строгую, тугую линию, поезд пошел на север по ложбине между отвесными скалами. Алексей проводил взглядом убегающие вагоны; на повороте пути он последний раз услышал знакомый гудок своего паровоза, и поезд скрылся из виду.

«Как то съездит Саволайнен!» — подумал Алексей. Недавнее крушение было еще памятно.

2

Проводив Саволайнена, Алексей решил заглянуть в брехаловку.

В брехаловке теперь дежурили по две бригады в смену:

больше не требовалось — машинисты лучше следили за своими паровозами, и количество дежурных бригад было сокращено. С Екимовым работал помощником Бороухин, а со старшим Кузичевым стажировал Мишка, в кампанию комсомола по набору рабочей силы на транспорт изъявивший желание стать помощником машиниста.

В брехаловке обсуждали причины недавнего крушения.

Вбежавший в вагон Мишка прервал разговор. В руках его был чайник с кипятком. Лицо его сияло от восторга, точно случилось что-то особенное, поразившее его неожиданностью.

— Видел сейчас!.. — возбужденно рассказывал он. — За кипятком вместе стояли... Затылки во!.. Здоровенные ребята! — Он зажал кулак, потряс им перед носом Алексея и надул щеки, желая, видимо, показать этим всю силу виденных людей.

— Иностранные рабочие... — говорил он, волнуясь. Что твои мерины... А один махонький, и весь-то с кулачок... сухонький... в клетчатой рубашке, и подтяжки сверху... Бритые все... В Химкомбинате будут работать...

— Теперь везде много иностранцев, — равнодушно протянул Бороухин как о вещи обычной и давно уже виденной.

— Выжимает их за границей безработица, — заметил Екимов.

— Поучиться есть чему у них. Умеют работать, — сказал Кузичев. — Культура...

— Хотелось бы побывать за границей, — вздохнул Мишка.

— Для таких, как ты, ничего хорошего там нет, — заявил Кузичев. — Подметалой на улице — и то бы не взяли: рожей не выйдешь. Безработным голодал бы...

— Ты почему знаешь? Был, что ли, там? — задорно спросил Мишка. — Образование за границей-то, люди все говорят по-иностранному... нашему брату ничего не понять: слушаешь, уши развесив, и хоть бы слово... Таля-таля-таля!.. Может быть, они тебя ругают.

— Вот дурень! — рассмеялся Кузичев. — Да за границей и свету кругом — только стены каменные, а сверху дождь моросит...

— Ну?! Только стены и дождь? — От удивления у Мишки стали круглые, непонимающие глаза.

Кузичев улыбался хитро, и глаза его искрились. Мишка допытывался:

— Ты разве был за границей? Может ли быть, чтобы только стены кругом каменные и все время дождик моросил?

— Не вру, — серьезно ответил Кузичев с лукавой усмешкой на лице. — В Англии я был, доподлинно знаю.

— Был ты в Англии? — воскликнул Мишка. — Расскажи!

— Изволь, — охотно согласился Кузичев, наливая в кружку кипяток.

— Говорить-то в сущности не о чем много, — начал он. — Я сказал, что в Англии только и есть, что голые стены да туман... И это верно, я только это и видел. А дело было так. В девятнадцатом году под Плесецкой попал я в плен к англичанам. Командовал я тогда ротой. Взяли. Хотели расстрелять. Потом через Архангельск направили нас (несколько человек было красных командиров) морем в Лондон. Долго ли, коротко ли, как говорится в сказке, приехали в Лондон. Что я видел, пока ехал? Скажут, море, чужие страны?.. В трюме без единого окошечка сидел, видел только стены кругом. В Лондон привезли ночью. Сразу же — в крытый автомобиль. Живо через весь город в тюрьму представили. Обходились вежливо, по-культурному, — едко усмехнулся он, — обижаться нечему. Поили, кормили: утром кружку кофе с галетой, на обед — суп из консервов, на ужин опять кофе и галета.

— Здорово, кофе! — перебил в восхищении Мишка.

— Да, брат, кофе, — протянул Кузичев. — Но только не разопьешься его по-нашему: кружка — и не проси больше. Досыта не напоят и с голода не уморят. И жили мы так-то девять месяцев: кругом стены, а на прогулку выпустят — все дождь моросил, прогуливаться не часто давали. У меня и осталось в памяти, что в Англии кроме тюрьмы других помещений нет, а кроме дождя другой погоды тоже не предвидится.

— Климат! — вздохнул сзади Кузичева Бороухин.

— Вот и вся Англия, и рассказывать больше не о чем. Прожили мы в тюрьме девять месяцев, и нас обменяли на ихних офицеров, попавших к нам в плен. Возвращались на пароходе, тоже в трюме, через Швецию и Финляндию. Приехали и через неделю-две опять на фронт поехали. Как будто за границей и не бывали. Может, кто другой бывал, расскажет? — закончил Кузичев.

— Я во Франции был, — отозвался Бороухин.

— Ну? — затрепетал Мишка в надежде узнать о загранице больше, чем рассказал Кузичев.

— Давай, говори! Интересно! — заинтересовался Алексей, не ожидавший такой прыти от Бороухина.

— У меня рассказ другой будет, — говорком начал Бороухин. — Я, братцы, не в трюме ехал, нет! Я, братцы, с треском, с шумом, с музыкой, с речами. В четырнадцатом году отправили нас — два полка — во Францию на помощь союзникам против Германии. Провожали с подарками. . . Весело так. . . Братва шумит. Выехали в море, выпили. Трепака на палубе откалывали. Долго ехали. Привезли нас в Марсель, — на Средиземном море порт французский. Встречу нам закатали торжественную. Погода чудесная. Француженки эти самые нас виноградным вином угощали. Наш брат одолевает много. И вот они удивляются: чудо-богатыри какие, по четверти вина выпивают!.. А ихние мужчины больше бутылки не выпьют за раз.

— Неужели с виноградного, с бутылки валятся? — озадаченный, спросил Екимов.

— Ей-бо!.. У нас находились гвардейцы, которые, не отрываясь, по две четверти выпивали ихнего вина. Нальют ему в ведро, он и тянет на один дух. Приходили смотреть. . . Дивятся. . . Живем, братцы, веселимся. Почтение нам оказывают, гулять водят, — не жизнь, а масленица.

— Еще бы! Защитники приехали! Герои!

— Да, герои. . . Отдохнули мы с дороги. Потом, понятно, на фронт, на переднюю, конечно, позицию. Ну, и начали воевать. . . Три годика на передней линии и пробыли. Что народу полегло — страсть. . . Забыли мы и веселую встречу. . . Видим, продало нас царское правительство. . .

— Гады. . . — вставил Мишка с негодованием.

— Прослышали мы про революцию в России, — продолжал Бороухин, — пошло братание, и не захотели мы воевать больше. Так что они сделали?.. Отвели нас в лагерь. . . Куда девалась и вежливость и угощение виноградным вином. . . Приставили к нам сторожами негров, а над ними капралов из французов. Ну и шпиговали же они нас! Чуть что — расстрел. Запуганные были эти негры, затравленные, зверями выглядели. На голодный паек нас посадили. Месяца два морили: вода и махонький кусочек хлеба из кукурузы за день. Как тень ходили. . . Болезни промеж нас начались. . . Смотрим, один умер, другой. . . И наконец приходит решение. Три условия нам дали: первое — на передовую линию; второе — в колониальные войска; третье — в тюрьму. . .

— Полнейшая свобода. Выбирай, мол, где нравится тебе околеть! — прервал Екимов.

— Да, братцы, свободная Франция! — вставил Бороухин и продолжал: — А в России, слышим, опять революция... большевики. Рвались мы туда... Вот где бы жизнь свою положить не жалко! Добраться бы только домой... Да где тут, и мечтать не думай! Чуть прослышат, кто большевиком объявился, — расстрел. Ни боже мой, ни слова не скажи против. И выбрал я в колонию ехать.

— И там был?

— В Африке, в Марокко... Два года пробыл.

— А там как?

— Тоже самое: воевали, — с горькой усмешкой ответил Бороухин. — С риффами французы воевали. Риффы эти самые восстание подняли во главе с Абд-эль-Керимом. Долго воевали риффы, упорно сражались... Нас-то в двадцать втором году вернули на родину.

3

Саволайнен приехал в депо с нагретым осевым подшипником. Задержек в пути не было. Благодаря находчивости машиниста подшипник был спасен, и вести состав можно было, ослабив лишь рессору и тем уменьшив давление на подогретую ось. Алексей, встретивший машину, нашел ее в исправности. Помощник Пухкало был перепуган историей с подшипником. Ему теперь было совестно, что Саволайнена, пожилого человека, он заставил на каждой остановке хлопотать около подшипника и рессоры.

Мягкий характером, машинист даже не упрекнул помощника; узнав о случившемся, он исправил недостаток в ходе машины и заботился о нем до конца поездки.

— Хорошо, что пустяками отделался, — заметил Алексей. — Говорил: держи масленки в порядке.

Пухкало потупился и ответил мрачно:

— Кто знал... Со всяким грех случается...

Саволайнен предложил все же осмотреть подшипник. Было около шести часов пополудни. Поездка Алексея предполагалась в два часа ночи, так что можно было уделить паровозу два-три часа. В восемь назначено было перевыборное собрание месткома. Алексей вышел из дому с тем, чтобы уже не возвращаться туда до поездки. После собрания он решил поспать часика два в дежурной. Он согла-

силса осмотреть буксу паровоза. Бригады не хотели, чтобы осмотр буксы и подшипника делали слесаря, так как по договору они исправляли мелкий текущий ремонт своими силами. А кроме того, при перегруженности депо работой слесаря могли задержаться с осмотром, и это сорвало бы поездку Алексея. Сорванная поездка, как шутили машинисты, была производство по финплану, а паровозников по карману. Саволайнен и Алексей, оба опытные машинисты, вовсе не хотели зарабатывать меньше, чем могли бы заработать. Втроем они притащили ручной домкрат и, вскрыв буксу, вынули и осмотрели подшипник. Пухкало вздохнул свободно. Он обещал машинистам в дальнейшем тщательнее следить за паровозом.

Саволайнен собрался итти домой, когда Алексей позвал его на собрание. Но машинист устал, проведя в поездке десять часов.

— Зачем итти? — сказал Саволайнен. — Все равно местком мало заботится о нас. Фокин безуданно твердит, что профсоюзы должны повернуться лицом к производству. Видно, не до рабочих им теперь. Незачем и на собрание итти.

— Ты сталкивался с Фокиным по какому-нибудь делу? — спросил Алексей, пораженный словами Саволайнена. Он знал машиниста как человека, отзывчивого ко всему, что касалось работы и личных дел.

— Стоит ли говорить, раз не рабочие, а производство на первом плане? — нехотя ответил Саволайнен.

— Скажи, в чем дело? Это ошибка Фокина, если он забывает о рабочем, — повторил Алексей.

— Да дело простое, — пояснил Саволайнен. — Я переехал на новую квартиру... Машинист Жигаев уступил мне при увольнении. Квартира мне очень понравилась: три комнаты, кухня... чулан, сарай... все в порядке. Но квартира не куплена еще у жилтоварищества... Жигаев задолжал. Надо внести пятьсот рублей... Месяца в два я заплатил бы без особенной затяжки... Конечно, у меня была неплохая квартира и своя. Но та мне очень понравилась: как раз по семейству. Я решил взять на себя долг Жигаева, лишь бы он мне передал квартиру. Платить надо сейчас же, иначе жилтоварищество передаст помещение другому. У меня двести рублей есть. Пришел я в местком к Фокину и говорю: «или дай мне триста рублей из кассы взаимопомощи, или выхлопчи у жилтоварищества отсрочку платежа». И что бы ты думал?

Фокин закатил мне лекцию, что сейчас все мы должны-де напрячь все силы на производстве, не думать о личных интересах и мириться с временными неудобствами...

Алексей вспомнил о недавней беседе в садике. Излишнее усердие Фокина, его выкрики о беспорядках в депо и о зажиме Вахоненом показались подозрительными.

Саволайнен закончил рассказ:

— Плюнул я и пошел домой. Теперь думаю пальто зимнее продать — рублей четыреста дадут... знаешь, меховое? Так-то будет спокойней. Дело идет к лету — пальто не надо. Цыган в марте шубу продает, — пошутил Саволайнен.

— Ни в каком случае! — запротестовал Алексей. — Сейчас же идем к секретарю Вахонену.

— Не пойду. Беспартийный я... Неудобно.

— Чего неудобно! Иной беспартийный партийного стоит. Ты же машинист, каких мало. Не надо излишне скромничать. Брось умять себя! — говорил Алексей. Он возмущился поступком Фокина и чувствовал, что успокоится лишь тогда, когда уладит дело Саволайнена. Он никак не ожидал, что его товарищ по паровозу так не настойчив в делах, которые мало касались непосредственно машины. Случай с Пухкало показал, что Саволайнен и на паровозе принимал на себя работу, если видел, что другой не справляется с нею. — Таких преданных производству людей и не ценить? Плохо же знает Николай Иванович своих членов профсоюза! В лепешку разбиться, а таких, как Саволайнен, надо удовлетворять всем возможным, — негодовал Алексей на бюрократическое отношение месткома. — И он еще нас всех ругает бюрократами! Путаник!

— Ладно, — решил Алексей. — Не хочешь к секретарю — не надо. Только идем на перевыборное собрание... Завтра же получишь деньги.

— Теперь и вовсе не пойду. Выходит, из-за денег — на собрание? — замялся Саволайнен.

— Пойдем! — вмешался Пухкало, молча слушавший разговор машинистов. — Нет в месткоме денег. Я знаю.

— Что ты говоришь? Может ли это быть? — удивился Алексей.

Он взглянул на помощника: не шутит ли? Пухкало — еще не умывшийся после работы, измазанный, неповоротливый и здоровенный парень с большой вихрастой головой — улыбался, вращая белками глаз, ярко выделявшимися на его черном от мазута лице.

— Нет денег... Я знаю! — повторил Пухкало и смутился. Видимо, слова эти вырвались у него неожиданно для него самого.

Пододошедший к ним в это время кочегар бригады Саволайнена Паводкин, принесший со склада керосин, услышав, о чем сказал Пухкало, весело подтвердил:

— Правильно говорит Пухкало: казначей Семипалов давно проиграл в карты месткомовские деньги!

Алексея задела слова Паводкина.

— Это что — сплетни или правда? — спросил он сухо.

— Как хошь, так и разбирай, — ответил кочегар и полез с бидоном на тендер.

— Верно, что ли? — уставился на Пухкало Алексей.

— Да об этом все знают...

— Как все?

Паводкин громко отозвался с тендера:

— Семипалов полторы тысячи проиграл в карты. Перед ревизией собрал у знакомых. А сейчас пойдй проверь — ни копейки! Просил я недавно двадцать рублей до получки — не дал, — выругался Паводкин. — А я ему, сукину сыну, двести рублей проиграл, — добавил он.

— Может ли это быть? — воскликнул Алексей. — Растрата в месткоме — и вы же, профсоюзники, молчите? — обрушился он на Пухкало и Паводкина.

— Растрата недавняя, — благодушно пояснил Паводкин. — Семипалов только на-днях продулся в пух и прах... А так он все выигрывал больше. Говорю, я сам проиграл ему двести рублей.

— Много вас, игроков?

— Не особенно, — охотно пояснил кочегар. — С движениями человек десять-пятнадцать найдется. Своя компания. Из одного кармана в другой перекаладываем. Сегодня после получки проиграл, со следующей выиграл... Без убытку. В своей компании деньги на улицу не уходят.

Алексей пристально посмотрел на кочегара. В благодушной манере его рассказа ему показалось желание кочегара отомстить кому-то. Уж не клеветает ли Паводкин на казначея месткома? Он спросил:

— Тебя, видно, не принимают больше в компанию?

— Принимают! — вдруг обозлился кочегар. — Они принимают, когда у тебя карман толстый, а если ветер там гуляет, — к ним не подойдешь. — И он еще раз нехорошо выругался по адресу игроков.

Тогда Пухкало решился пояснить. Скрывать не было смысла: Паводкин разболтал уже порядочно.

— В поездке мне Паводкин и рассказал, — продолжал Пухкало. — Семипалов-то неделю тому назад в дым проигрался. Тысячи полторы, должно. Получки ждал — снова сразиться. В это время ревизия. . . Ну, ясно, не один он в ответе будет. . . Поташат и тех голубчиков, которые играли вместе. Взяли и сложились. Ревизия прошла благополучно. У Семипалова теперь в кассе ни копейки, ни синь-пороха.

— Идем, ребята, все на собрание, — предложил Алексей.

— Мне что, я не постоянный игрок, — отозвался Пухкало. — Я только два раза. . .

— Думаешь, я часто играл? — задорно спросил Паводкин. — За зиму раз десять, не больше. . .

— Не мало! — покачал головой Алексей.

— Ну, нет, мало, — авторитетно ответил Паводкин. — Теперь я понял механику. Там трое завсегдатаев на одну руку играют. Наш один из депо да двое легашей. Почти каждый день новичков обставляют.

По дороге Алексей узнал подробнее о растрате в месткоме. Фокин, оказывается, не знал об игре казначея, но, по твердому убеждению Алексея, председатель месткома обязан был знать, водится ли этот порок среди паровозников. Пустозвонил о напряжении по всем линиям, а сам отказывал в просьбе такому, как Саволайнен, не знал о картежной игре, о растрате. . .

4

Отчитываясь на собрании, Николай Иванович Фокин рассказывал о проделанной им работе. Он не пропустил ничего: о производстве, о связи с деревней, о культуре, о технике массам, о столовой, о добровольных обществах — всему уделил внимание. Он возглавлял работу секций, а секций было множество.

На лице Фокина так и играла плутоватая улыбочка: «Меня не поймешь. Шалишь! У меня в протоколах обо всем запись есть».

Алексей до собрания рассказал Вахонену о положении с деньгами месткома. Невозмутимо-спокойный сидел секретарь за столом президиума, сбоку докладчика, и внимательно слушал; ничто не выражало возмущения, с каким он отнесся к сообщению Алексея.

Саволайнен слушал Фокина скучая. Он утомился в дороге. На вопрос Алексея о докладе он тихо ответил:

— Длинно говорит... Делов много, видать. Где уж тут каждым заниматься, — прибавил он, видимо, вспомнив отказ Фокина по его делу.

Пухкало и Паводкин сидели в передних рядах. Паводкин тыкал в бок Пухкало и с озорством вставлял реплики в доклад. Его останавливал председатель собрания.

Окончание доклада встретили дружными аплодисментами. Фокин так обстоятельно рассказал о проделанной работе, столько поднял вопросов, что у слушателей сложилось впечатление о героической, самоотверженной работе председателя месткома: он так горячо призывал к дружной ударной работе, что люди невольно хлопали в ладоши.

Стали задавать вопросы. Фокин, утомленный речью, отвечал негромко, вяловато. На лице его было написано заслуженное спокойствие.

Алексей также задал вопрос.

— Почему машинисту Саволайнену не дал ссуды в триста рублей, которые были нужны для уплаты за квартиру?

— Не было денег, — со скучающим видом ответил Фокин.

— Можно было добиться отсрочки платежа в жилстроительстве, — настаивал Алексей.

— Я не могу хлопотать за каждого человека. У меня в месткоме триста человек... Пусть Саволайнен напишет, что ему надо, я подпишу.

— Есть еще вопросы? — крикнул председатель собрания.

Вопросов было много. На все Фокин находил ответ.

В прениях много говорили о непорядках в депо и о профсоюзной работе; Фокин попрежнему оставался спокоен. Он великолепно знал из опыта, что о непорядках говорится только для того, чтобы обратить на них внимание. «Надо только соглашаться с недостатками работы, и дело пойдет как по маслу» — думал Николай Иванович.

Наконец выступил Вахонен. Он живо и ясно объяснил слушателям то, что так туманно и долго, путаясь и мешаясь, старался втолковать собранию Фокин. И по мере того, как говорил Вахонен, все понимали, что значит слова: «местком должен повернуться лицом к производству». Собрание поняло, что еще мало говорить: «поднимайте производительность», что надо еще уметь ее поднять, что не надо разбрасываться в работе, хвататься за все, а надо уметь выбирать

в работе самое главное... Надо больше обращать внимания на мелочи рабочего быта, эти мелочи сейчас — не мелочи, а решающие вопросы...

Фокин ерзал на стуле. В выступлении Вахонена он видел наступление на его манеру кидаться везде и всюду, все протоколировать и на все давать ответ, недоделывая ни одной работы до конца. Он заикнулся было о зажиме со стороны секретаря. На некоторых это подействовало. Казначей Семипалов обещал жестоко расправиться с секретарем.

Когда Вахонен сел на место, Фокин процедил сквозь зубы:

— Слова, слова... На практике в книжку не заглянешь... В книжке не написано о нашем депо...

— Послушаем твои слова, — улыбнулся Вахонен.

Слово взял Семипалов.

Вынув из кармана небольшой белый, с синими ободками, платок и растирая губы, он медленно заговорил, поминутно поглаживая свой чисто выбритый подбородок, словно у него была большая окладистая борода.

— Из всего сказанного надо уяснить... товарищи, несомненно... За последний месяц в действиях нашего секретаря... не в обиду будь сказано... проявляется загиб... Да-с, загиб... И мы всем коллективом должны указать... выправить... линию нашей партии... генеральную соблюдать...

Плечистый, ровный в движениях, Семипалов красовался над собранием. Плотнo сидевший на нем ватный пиджак с синими кантами, форменная, с мягкими боками, фуражка с блестящим значком «топор и якорь», чистое, с крупными чертами, лицо — все в нем располагало к доверию и непоколебимой уверенности, что этот человек не сдаст, что он твердо и решительно двигается вперед и путь свой видит на многие десятки километров. Сидевший за столом Вахонен выглядел против него мальчишкой.

Голос Семипалова из мягкого и ласкающего начал переходить в жесткий и злой. Он опять вынул из кармана платок, снова вытер губы и громко сморкнулся, издав оглушительный треск. Продолжал он речь все так же негромко, размеренно, с передышками, важно поглаживая свой чистый подбородок.

— Благоразумие... деловитость, товарищи, но не деличество. — И Семипалов мягко опустил на стул, расправил плечи, вздохнул и медленно обвел глазами собрание.

— Я тоже думаю сказать пару слов, — тихо и с волнением проговорил Саволайнен. Алексей попросил за него слова у председателя.

— Не умею говорить, товарищи, — начал Саволайнен. — Кажется, впервые я и выступаю за все время революции... Должно, впервые... Видите ли... я работаю на паровозе двадцать лет, с постройки Мурманки... Да, кочегаром поступил... И вот работаю. Я думал — и все. Так и надо... Другие занимаются конторским делом или другим каким. Все на своих местах. И вот сегодня я понял, что так нельзя. Секретарь Вахонен хорошо сказал... Надо быть хозяевами дела... Это значит не только делать свою работу: надо быть организаторами, не спускать ничего...

Он рассказал о своем деле, об отказе Фокина заняться им, но деликатно обошел себя, сказав, что он-то вывернется из затруднения, тогда как другой на его месте может наделать глупостей. Он говорил о том, что в депо много опытных и старых производственников-передовиков и что надо этому авангарду рабочего класса взять на себя воспитание отсталых, не хаять, не ругать и не дразнить, а руководить ими, воспитывать их политически, хозяйственно, организационно.

Он сел на место при громе аплодисментов. Алексей, смеясь, похлопал по плечу Саволайнена.

— Молодец, старина!

Кочегар Паводкин вскочил с места.

— На чистоту, так на чистоту, товарищи! — крикнул он. — Ревизионную комиссию обдули! Пройдитесь сейчас по кассе — ни копейки! Семипалов полторы тысячи в карты проиграл! — И он начал рассказывать о проделках казначея и о компании картежников и пьяниц.

После него Фокин, сильно побледнев, смущенно заявил:

— Я снимаю свою кандидатуру в местком.

— Под суд пойдешь, — твердо сказал Вахонен.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Алексея разбудила сторожиха помещения для дежурных кондукторских и паровозных бригад. Он потянулся под теплым шерстяным одеялом, буркнул в ответ, что слышит, и поднялся с постели.

Его помощник Шурка Верюжский, уже одетый, стоял перед зеркалом, расчищая гребнем блестящий от воды пробор. Он пристегнул к воротничку светлокоричневой рубашки голубенький щеголеватый галстук «бобик». Коренастый, широкоплечий, с узкой подвижной тальей, он легко повертывался перед зеркалом, мурлыча под нос какой-то веселый мотив.

«Молодец, — подумал Алексей. — На работу не выйдет перяхой. А если человек любит ухаживать за собой, то и паровоз почистит лишний раз». — И он начал обертывать ногу портянкой. Потом натянул высокие охотничьи, болотные сапоги, огляделся вокруг.

В большой спальне с двумя рядами коек было тихо: большинство отдыхающих спало, и только немногие лежали с открытыми глазами и, осторожно перелистывая страницы книг, читали. Кочегара в комнате не было.

— Дудика опять нет? — спросил Алексей помощника.

— Ложились спать вместе. Видать, удрал.

— Блудник! — проворчал Алексей. — Не отдохнет как следует и опять в дороге спать будет.

Одевшись, Алексей умылся и, стараясь бесшумно двигаться, вышел с помощником из дежурной.

Их машина серии «Э», с подтянутым кверху длинным котлом на пяти спаренных низких скатах, черная и вся блестящая свежей краской, стояла в депо, тихо теплясь трубой.

Алексей обошел паровоз со всех сторон, прощупывая части машины. Все ли в порядке? Перед уходом на отдых в дежурку он с Шуркой тщательно вычистил паровоз.

Машинист и помощник залезли в будку. Шурка зажег фонарь — в депо было темно, хотя ночь была белой. Внизу, под будкой, около канавы серебрилась лужица; тени паровозов, как в зеркале, отражались в ней.

Алексей пошел к нарядчику узнать, когда и какой состав поведет его бригада. Шурка остался на паровозе и начал мазывать движущиеся части машины. Кочегара все еще не было. У помощника был запас смазочных веществ, — не надо было посылать кочегара на склад; а заполнять масляни Верюжский Дудика не доверял. Он спокойно принялся за дело, зная, что в последнюю минуту кочегар явится, весь жирный, как маслянистый блин.

Нарядчик, увидев Алексея, весело раскланялся и сообщил:

— Ты ведешь маршрутный состав с лесом. Скорость по-

чти пассажирская. Не подкачай! Вот расписание, получи! Я нарочно выбрал тебя — парня молодого, с огнем...

— Не хвали, сорока, ястреба — склюну!.. — перебил его Алексей.

— Ты всегда с шутками! — бросил нарядчик и схватил трубку трещащего телефона.

— Да!.. Машина готова... Товарищ Юртанен, готова? — переспросил он и, получив утвердительный кивок головы, крикнул в трубку: — Состав на станции?.. На втором пути? Когда отходит?.. Через полтора часа... Хорошо!.. Будет сделано! Ведет Алексей Юртанен... О ревуар! — галантно распротился со станцией нарядчик.

— Значит, все в порядке? — спросил он.

— Дудик куда-то запропастился, — ответил Алексей.

— Придет твой Дудик. Ох, и бестия, — осклабился нарядчик. — Говорят, на каждой станции по девчонке испохабил.

— Ну и возьму же я его сегодня в работу! — пообещал Алексей.

Когда паровоз был уже совсем заправлен, из ворот депо выкатился ясный, как солнышко, кочегар Дудик. Был он среднего роста, плотный, круглый, с мясистым лицом. Он виновато улыбался, заглядывая в глаза машиниста.

— Прихожу в дежурку... Говорят, вы уже на заправке... Бегу... Вот торопился...

Алексей и Верюжский хранили молчание. Дудик слазил в будку и, с масленкой в руках, полез к буксам тендера.

— Заправлено! — мрачно сказал помощник.

— Вы уже все сделали? — спросил Дудик и засуетился, выказывая желание найти какую-нибудь работу и немедленно ее выполнить.

— Ты смотри: я тебе в поездке спать не дам! — оборвал Алексей Дудика, бегавшего вокруг паровоза в поисках дела.

— Да разве я... — развел руками кочегар, — когда-нибудь... Что вы?.. Выспался в дежурке дивно!.. Только на часик раньше вас встал.

— Знаю! — резко бросил машинист. — На дровяном складе трепался. Опять какую-нибудь опутал?

— Да нет... — смутился Дудик. — Пашка Чижова пристаёт... возьми, говорит, замуж! Я только позубоскалил с ней.

— Приедем домой, в местком заявление подам, — сказал Алексей. — Позоришь бригаду. Вон Шурка в институт готовится... Смотреть на него приятно... А ты хоть бы курсы

посещал, из кочегаров в помощники думал подняться! За книжку ни разу не возьмешься! Паровоза не знаешь! Какой ты кочегар? Возьму вот и откажусь от тебя! И другие машинисты не примут в бригаду... В самый раз тебе канавы от грязи чистить, а не на машине ездить Блудник, одно слово!

Тот молчал. Покорный и тихий, он выслушивал нарекания машиниста и всем своим видом выказывал полное свое согласие с его словами. Машинист окинул его взглядом. Кочегар показался ему притихшим котом, пойманным на месте преступления.

2

В столовой при депо, куда зашла бригада закусить перед отправлением в путь, окруженный плотным кольцом обедавших, под сплошной хохот рассказывал разные небылицы старший кондуктор Грачик. Про Грачика говорили, что у него половина задней части туловища надставлена чужим мясом.

Половину мягкого места у него отхватила граната белофинна, когда он, как рассказывал, врезался один на своей Пегой в батальон финнов и начал их крестить направо и налево, «что твой Егорий Победоносец».

— Я бы их всех перешерстил, да один как шарахнет!.. Смотрю, половина Пегой с передними ногами и мордой в лес побежала, а другая лежит на земле. Оглянулся — а у меня полушарий нехватает... Потом пришили.

Главный кондуктор Федоров справился у Алексея о состоянии машины и бригады.

— За машину ручаюсь, — ответил Алексей, — стара, да упряма, три месяца без ремонта ездим. Бригада вся перед тобой: помощник Верюжский и кочегар Дудик.

— А, Дудик! — отозвался Федоров. — Знаю, Верюжский-то надежен! — похлопал он по плечу Шурку.

Дудик, кося глазами направо и налево, низко склонился над тарелкой шей.

— Твои ребята каковы? — спросил Алексей.

— Старшим Грачик. Баловник на словах, но на деле зверь. Партиец, красный партизан. Врет за семерых, работает за троих. Младшие кондуктора двое — недавно из деревни: Васька Крайний не прочь выпить и поспать на тормозе; зато Илмар Трайнен — хороший парень. Остальные двое давно уже ездят.

Паровозники и кондуктора устроили краткос, летучее собрание. Шурка Верюжский, густо краснея, доложил:

— Этот состав мы должны вести из минуты в минуту по расписанию и без единой аварии. Только при общих действиях паровозчиков и кондукторов мы достигнем этого.

Составили договор между бригадами тяги и движения на ведение состава. Подписал треугольник, ответственный за всю работу: от администрации — главный кондуктор Федоров, парторганизатор — Алексей и от профсоюзников — Верюжский.

Алексей пристально осмотрел всех присутствующих. Главный кондуктор ему понравился: туго перетянутый, в форменной шинели, высокий, с жесткими большими усами, Федоров был старым железнодорожным волком.

3

Когда прицепились к составу, к паровозу подошла маленькая толстая женщина, укутанная платком, с узелком под мышкой.

— Дудик на этом паровозе едет? — спросила она с земли выглядывавшего из будки Верюжского.

— Здесь! Вам на что его?

Дудик стоял за спиной Шурки и не откликнулся.

— Мне бы поговорить с ним, — ответила женщина.

— Вот он! — указал Шурка. — Ты что молчишь?

— Это Пашка Чижова... хочет с нами ехать, — шепнул Дудик и хихикнул в сторону.

— Как ты смел звать ее на паровоз! — воскликнул с негодованием Шурка. — Ты ведь знаешь, что посторонним нельзя на машине быть?

— В чем дело? — сердито отозвался Алексей со своего места в будке.

— Дудик девушку пригласил ехать с ним, — ответил Шурка.

Дудик упорно молчал. Он вышел из будки и завозился с дровами на тендере. Алексей высунулся из окна и крикнул женщине:

— Вам что надо?

— Дудик обещал увезти меня сегодня на паровозе к себе. Женемся мы завтра. Я и пришла, — объяснила женщина.

— На пассажирском поезжайте. На паровозе нельзя. Я —

машинист и не допущу этого. Понимаете? — разъяснил Алексей.

— Где Дудик-то, покажите. Скрываете его, что ли?.. — произнесла женщина с дрожью в голосе.

— В самом деле! Дудик, куда ты запрятался? — крикнул машинист.

— На тендере, дрова укладываю, — отозвался кочегар.

Алексей вплотную подошел к Дудику, крепко ухватил его за плечи, приподнял, как птенчика, и вытряхнул из будки к ногам женщины.

Кочегар поднялся на ноги, как ни в чем не бывало, и сердито зашипел Паше:

— Зачем пришла? Знаешь, что нельзя на паровозе чужим ездить.

— Знаю, — заплакала Паша. — Уедешь ты от меня, надоешь... На грош не верю тебе. Обманул... не женишься.

— Какая ты, право, мямля! Сказал — женюсь, ну и верь! Этак, ежели мы друг другу с первых же дней не будем верить, какая жизнь будет? Иди, иди домой! Хочешь, на пассажирском приезжай. Вслед за нами поезд идет. Еще раньше нашего у меня на квартире будешь. Пассажирский обгонит нас. В депо спроси, где живет Дудик, всякий знает. Вст... По-хорошему, Паша, будешь — и я с тобой по-хорошему... Теперь ступай!

Дудик отвел Пашу от паровоза и принялся о чем-то шептаться с нею. Плач женщины замолк, и скоро она согласилась уйти.

— На прощанье-то... — тихо произнесла она.

Дудик нежно обнял ее, и изумленные Алексей и Верюжский услышали звучный поцелуй.

Дудик возвратился на паровоз и деловито принялся укладывать дрова.

Шурке не терпелось спросить: женится Дудик на Паше или нет, — но он промолчал.

Вдруг Паша вернулась и взволнованным голосом просила Шуру позвать к ней машиниста. Алексей подошел к окну помощника.

— Товарищ механик, возьмите меня, пожалуйста, с собой. Возьмите... Ведь уедет Дудик от меня, уедет! Переведется на другую дорогу и уедет отсюда. Не верю я ему, ни одному слову его не верю.

— Дудик! — крикнул машинист. — Тебя это касается или нас?

— Я сказал ей, чтобы ехала на пассажирском. Согласилась. Чего она?.. Подумаешь, любовную комедь ломает, — отозвался Дудик с тендера и начал шумно возиться с дровами.

— Возьмите, товарищ механик! Что вам стоит!.. На тендере притулюсь, никто и не заметит... — Она заплакала.

Алексей не выносил женских слез.

— Барышня! — с сердцем сказал Алексей. — Возьмите вы глаза в зубы. Одумайтесь! За кого вы собираетесь замуж выходить?

Дудик молчал. В темноте его было не видно. И он был этим очень доволен.

— Далеко у вас дело зашло? — спросил Алексей женщину. — Пошалили только или дальше?

— Пошалили, — плача отозвалась она.

— Ну, пошалили... Не велика беда! — энергично махнул рукой Алексей, высунувшись в окно. — В женотдел идите и жалуйтесь на таких дураков. Не надо им прощать!

Паша перестала плакать. Машинист говорил долго. Он проводил ее от паровоза и возвратился на свое место. Угрюмо посмотрев на Дудика, он не проронил ни слова, и кочегар был рад этому. Он услужливо обтирал тряпкой медные части арматуры котла и украдкой покорно взглядывал на машиниста. Но тот молчал.

Раздался пронзительный свисток главного кондуктора. Алексей дал гудком ответный сигнал и тихо раздвинул регулятор...

Короткая ночь миновала. На востоке уже алела заря. Ясное небо, без облачка, предвещало пригожий, солнечный день.

Они мчались вперед. Часто, точно пулемет, рокотал в трубе рвущийся в небо отработанный пар.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

На одном из разъездов маршрутный состав должен был пропустить нагонявший его пассажирский поезд. В воздухе пахло свежими листьями деревьев, стоявших плотной стеной по обеим сторонам станции. Вдали виднелись темноглубые, затуманенные дымкой горы. Солнце чуть брезжило. В лесу перекликались птицы.

Васька Крайний озяб стоять на тормозе. Он спрыгнул с площадки и, разминаясь, пробежался вдоль состава. На соседнем тормозе был Илмар Трайнен.

— Не спал? — окликнул его Васька.

— А ты? — ответил вопросом Илмар.

— Сегодня не грешил. Юртанен нет-нет да и даст сигналы проверки. Фонарем все время знак показывал, что стою на месте.

— Механик настойчивый, — подтвердил Илмар.

— Слезай, погреемся! — предложил Васька.

— Скоро ехать, наверное?..

— Час простои́м, — протянул Крайний. — Скоро ли пассажирский пройдет да до следующей станции доедет! Больше, два часа простои́м, непременно.

Илмар слез с тормозной площадки и, неуклюжий, тяжелый в шинели, бросился на Ваську — бороться. Оба кричали и хохотали, нападая друг на друга. Скоро так согрелись, хоть шинели скидывай. Шумно гогоча, они пустились вдогонку вдоль состава. Добежали до его конца. На последней тормозной площадке, прикорнув на скамеечке, сидел, покуривая, Грачик. Завидев парней, он бросил папироску и сверху обрушился на них. Дав обоим по сильному толчку в грудь, он в торжественной позе стал между двумя упавшими телами; ребята кубарем покатались на землю.

— Во как красные партизаны работают! Молокососы! Недоросточки!.. — И, ловко выхватив из шинели папиросу, взмахнул над головой коробкой спичек и зажег огонь.

Васька подобрался сзади к ногам Грачика и присел на корточки; Илмар поднялся быстро с земли и толкнул красного партизана. Неудавшийся закурить герой перелетел через Ваську и растянулся на земле, раскинув в стороны руки.

— Во! У недоросточков поучись чистой работе! — захохотал Васька.

— Свинство! Свинство! Жулье вы! — заругался Грачик, поднимаясь на ноги.

Илмар подал ему руку, помогая встать.

— Это — подножка. Нечестно... нечестно, — обиделся не на шутку Грачик. Он, должно быть, зашиб себе затылок, потому что снял шапку и тер рукой ушибленное место. Наклонившись к Илмару, он спросил:

— Шишки нет?

Тот разобрал густые волосы Грачика и осмотрел затылок.

Шишки не было. Ребята испугались: в самом деле, не слишком ли досталось Грачику?

Вдруг Грачик подпрыгнул, схватил ребят за воротники шинелей и затряс их так, что головы их замотались, как язычки в звенящем колокольчике.

— Курицыны дети!.. Недоросточки! — тряс Грачик. — Будете на красного партизана нападать? Всю душу вымочаю!

От неожиданности нападения парни долго не могли издать ни звука; обессиленные страшной тряской, они беспомощно висели в руках Грачика и в своих мохнатых шинелях были похожи на два больших растрепанных веника. Наконец, Грачик выпустил их и сверху прижал к земле. Оба парня сидели как ошалелые, не в силах двинуться с места.

— Ну? — насмешливо спросил их Грачик. — Теперь поверите, что я чуть было батальон финнов не укокал, да вот Пегую гранатой пополам перешибли?

— Тебя бы, дьявола, надо было укокать! — отозвался сердито Васька.

Грачик, посмеиваясь, стоял над ребятами.

— Закурите, — предложил он. — Трубку мира.

Ребята взяли по папироске и, не вставая с земли, закурили.

Солнце показалось краешком из-за гор. Леса окрасились в темнорозовый цвет. Дымка, висевшая над горами, рассеялась, и стали видны блестящие серебряным сиянием снежные вершины. Предутренний холодок тянулся с гор.

Кондуктора перешли в конец состава и сели на рельсу. Грачик, примирившийся с ребятами, уже рассказывал им новую небыльщину из своей жизни. В это время из-за состава вывернулся Дудик. Он остановился неподалеку от кондукторов и, улыбаясь, спросил:

— Рассказываешь, Грачик? Пришел послушать.

— А, Дудик! — приветствовал его Грачик. — Садись, гостем будешь! Что, на паровозе не весело?

— Юртанен ругается, — безразлично махнул рукой кочегар. — А все из-за чего? Из-за пустяков. — Он присел к кондукторам.

— Разве случилось что? — спросил Грачик и насторожился. Веселый характером, он любил побаловаться между работой, но, чуть касалось дела, Грачик приходил в ярость.

Сохраняя, насколько было возможно, безразличие, Дудик ответил на вопрос Грачика.

— Понимаешь, — пожал плечами кочегар, — дровокладка Пашка Чижова привязалась ко мне. Возьми замуж! Все из-за чего? Ну, был грех, не таю, — рассказывал он, — но разве уж обязательно нашему брату на каждой и жениться, которая держит себя слабо?

— Ясно, — пустил смешок Васька Крайний. — Бьют — беги, а дают — бери.

— Это смотря как, — отозвался Илмар.

— Так в чем дело? — спросил Грачик Дудика.

— Прицепились давеча к составу, ждем отправки, — продолжал кочегар. — И вот приходит Пашка к паровозу и просит взять ее с собой. Нахально врет, что мы будто бы уговорились сегодня ехать ко мне, а завтра итти в загс. Юртанен на меня взъелся. Всяко обзывает. И подлецом и свиньей... всячески. Другой бы не вынес, взял бы полено да и в морду. Но я молчал, ни слова. Знаю ведь сам порядки: нельзя на паровозе постороннему человеку находиться.

— Правильно! — подтвердил Васька.

— Я вежливо... хоть бы одним словом машиниста обидел... объяснил ему, что девка все наврала: не уговаривались ехать. Да и вообще бригаде незачем вмешиваться в личные дела. Так я понимаю. Мне, кочегару, разве машинист судья, с кем и как я гуляю?

— Конечно! — воскликнул Васька. — Этак Федоров, наш главный кондуктор, придет в клуб и потащит меня от моей же собственной дроли. Скажет — иди спать, завтра надо в дорогу, — не выспишься...

Илмар, внимательно следивший за рассказом Дудика, оборвал Ваську.

— Продолжай, Дудик, — сказал он. — Это очень интересно. Взаимоотношения бригады. Проблема!

— Сразу уж и проблема! — вздохнул Васька. — Вот уж комсомолец и сказался. Как только язык ворочается! Дудик рассказывает о том, что девчонки на него вешаются, а он — проблема!.. Эх ты!... Сразу и на зубок. Уж не статью ли в стенгазету шарахнешь? Не смей, мол, Дудик, с девчонками гулять, на промфинплане отражается на две сотых процента, — съязвил Васька.

— И напишу, если это имеет общественный интерес, — спокойно ответил Илмар.

Дудик подозрительно посмотрел на Илмара. «Стоит ли говорить? — соображал он. — Вдруг скажешь не то, что надо!» А надо было представить весь случай с Пашей, о кото-

ром безусловно сообщит в местном Юртанен, так, чтобы словам машиниста было возможно меньше веры.

Грачик, заметив, что Дудик замолчал, ослабил в веселой улыбке и, глядя смеющимися глазами, сказал:

— Везет тебе на девчонок! Бывало, и я уха не провешу.

— Грачик, — воскликнул Васька, — к чорту о Пашке Чижовой!.. Подумаешь, фря! Видал ее на дровяном складе. Расскажи о чем-нибудь...

— Отличные истории ты рассказываешь, — похвалил Дудик. — При случае рассказать кому-нибудь для веселья недурственно. Иная разомлеет, честное слово. Только не умею я говорить так складно, как Грачик. На память бы выучить.

— Сначала ты доскажи, — предложил Грачик Дудику. — Чем кончилась твоя история? Что дальше думаешь сделать?

«Эх, не влопаться бы, — подумал Дудик. — Очернить Юртанена малость надо. Да как представить дело в свою сторсну?»

Небрежно махнув рукой, Дудик решил.

— Плохи твои дела! — подытожил Грачик.

— Разве я не прав? — живо спросил Дудик.

— Товарищеский суд разберет, — ответил Грачик и посмотрел на Дудика не то насмешливыми, не то серьезными глазами.

— Хочу в кондуктора перейти, — высказал наконец Дудик свою мысль, с которою он нарочно пришел к Грачику. — Ты не поможешь ли устроиться? Работать я люблю, спроси любого машиниста.

— Знаю твою работу, — неопределенно сказал Грачик, устремляя взгляд вверх на чистое утреннее небо. — Только не отпустит тебя Юртанен с паровоза, — добавил он.

— Как так не отпустит?.. Я сам уйду! Оскорбил словом и действием, да я же с ним и работать должен?.. Нет, никакими силами меня не заставишь быть вместе с Юртаненом!

— После суда возьмет тебя Юртанен снова на паровоз и будет, как нянька, следить за тобой: и понежит, и прикажет, и научит, и потребует... Не уйдешь ты, Дудик, от Юртанена никуда, потому что Юртаненов миллионы, дорогой мой. Перейдешь к нам в движение — и у нас Юртанены найдутся, уйдешь на другую дорогу — и там они есть, уйдешь на фабрику — и опять с Юртаненом встретишься. Молодой человек он, Октябрем вскормлен, да кряжист, силен. Не да-

дут тебе, Дудик, блудить, как мартовскому коту на крышах, не дадут надувать, занимать до получки и не отдавать денег доверчивым людям.

— Я ни у кого не брал, — перебил Дудик, краснея.

— Врешь, брал, знаю!

— Да, у меня ты двадцатку месяц тому назад взял и не отдал, — вставил Васька.

Дудик потупился.

— Научат тебя, Дудик, работать честно, благородно, делают настоящим рабочим. И будешь ты благодарен за учебу.

Кочегар помолчал. Грачик начал высвистывать марш Буденного. Илмар с любовью глядел на Грачика; он впервые увидел кондуктора в ином, чем обычно, свете. Васька Крайний задумался; он, так же как и Дудик, несерьезно относился к жизни: день да ночь — сутки прочь... Не настанет ли такое время, когда и ему придется кой за какие провинности посидеть на скамье подсудимых в товарищеском суде, где его будет судить весь коллектив? Дудик упорно молчал, о чем-то соображая.

Пели птицы. От леса поднимался тонкий слой тумана. Вдали, громыхая, приближался поезд.

Вытянувшись в одну тугую, линию, поезд пробежал мимо кондукторов, замедлил ход, — слышно было, как шипели тормоза, — и остановился рядом с маршрутным составом.

2

На уклоне при въезде на свою станцию произошел разрыв состава. Алексей с остатками вагонов удирал от несущегося за ним хвоста поезда. За семафором станции начался подъем, и, если как следует тормозить оторвавшуюся часть, она не ворвется на станцию и застрянет в ложбине, сам же машинист уведет свою часть на станцию и потом съездит за хвостом. Он нажал на регулятор и прибавил ходу. Хвост состава, катясь по уклону, также развивал скорость. Надо было удирать во все лопатки.

На последней площадке Грачик что есть силы крутил ручку ручного тормоза, чутко прислушиваясь к сигналам машиниста: Юртанен приказал тормозить хвост, сейчас же давал тревожные гудки на станцию, прося не задерживать его на перегоне перед семафором. Илмар Трайнен, побледнев, на соседней площадке тоже нажимал на тормоз.

Ему еще не случалось ехать на несущемся под уклон и никем не управляемом вагоне. Часть вагонов, потеряв своего пастуха — паровоз, как стадо баранов, опрометью неслась вперед, гулко лязгая буферами. Несдерживаемые больше паровозом, вагоны стали менее устойчивыми, качались из стороны в сторону, подпрыгивали на стыках рельсов и с грохотом насккивали друг на друга. Илмару казалось, что вот-вот вагоны легкими спичечными коробками взлетят на воздух, образовав хрупкие домики в несколько этажей, а затем, точно мячи, запрыгают по откосу, и, когда уже весь состав будет лежать на земле, они снова приобретут свою тяжесть, вдавшись в почву. Он с яростью налегал на рукоятку тормоза... Васька Крайний, заметив разрыв, совершенно растерялся. Как и Илмар, он впервые попал в такую аварию и, забыв все наставления и инструкции, составленные для такого случая, не слышал свистков Юртанена: не зная, что делать, он высунулся с площадки и, крепко ухватившись за поручни, с ужасом глядел на мчавшийся хвост состава, догонявший свою переднюю часть.

Семафор перегораживал поезду путь. Алексей протяжно выводил свистком резкие воющие звуки. Но крыло семафора оставалось неподвижно суровым, приказывая остановиться. «Что они там думают на станции? Неужели не слышат?» — мелькнуло в голове Алексея.

Машинист оглянулся. Надо было во что бы то ни стало принять на себя бегущие с грохотом вагоны. Проехать семафор нельзя. Кто знает, что происходит на станции! Может быть, на том пути, на который предполагалось принять маршрутный состав, сейчас стоит пассажирский поезд. Может быть, и там крушение. Может быть... Да все может быть, чего и не предугадаешь. Раз семафор закрыт, значит машинист не имеет права проехать его, хотя бы самому машинисту угрожала смерть. Юртанен был спокоен и тверд. Определив на глаз скорость догонявшего его хвоста, он развил скорость паровоза чуть меньшую и стал ждать вагоны. Когда произойдет столкновение, он толкнет регулятор, увеличит ход, тем самым мягко примет на себя состав, а потом будет снижать скорость и наконец остановит поезд.

Верюжский закрыл водомерное стекло: при сильном толчке оно могло лопнуть. Дудик сбежал с тендера и укрылся в будке: дрова с тендера могли засыпать его. И помощник и кочегар с трепетом следили за действиями машиниста.

Кондуктора заметили закрытый семафор и поняли маневр

машиниста. Они знали, что паровозная бригада подвергалась меньшей опасности, чем они, — тяжелый паровоз едва ли будет сброшен под откос, тогда как вагоны, набегая друг на друга, могут разбиться в щепы.

Грачик еще сильнее налег на тормоз и высунулся с площадки посмотреть, скоро ли хвост нагонит состав. Выбрав момент, он раскрутил тормоз, чтобы при столкновении последний вагон не служил помехой, если придется отскочить назад. Илмар, готовый прыгнуть вниз под откос, глядел на быстро приближающийся состав. Васька Крайний широко взмахнул рукой, перекрестился и, не долго думая, бросился на песок, подогнув ноги и сжав руки. Илмар видел, как Ваську внизу подбросило несколько раз от земли, а затем швырнуло вперед, в лужу у насыпи. Васька остался лежать в воде, распластавшись на широкой шинели.

Хвост состава с шумом и грохотом приблизился к передней части вагонов. Что-то сильно лязгнуло... Состав как-то напрягся, вздрогнул, и вагоны покатались вместе, нажимая на буфера. Алексей постепенно уменьшал скорость. Чуть-чуть заехав за семафор, он остановил поезд и начал осаживать его назад.

Главный кондуктор Федоров вместе с двумя другими кондукторами бежали вдоль состава взглянуть на разорванное сцепление. Грачик с Илмаром бросились к Ваське: он все еще лежал в луже с открытыми и застывшими в ужасе глазами. Мертв или нет?..

— Эй! — окликнул его Грачик. — Жив?

Илмар наклонился над Васькой и начал рассматривать, нет ли у него где раны. Васька дико тарашил глаза.

— Кажется, ребра лопнули... — тихо сказал он, увидев над собою Илмара.

— Если бы сломались ребра, ты орал бы, как филин на болоте... Вставай! — сказал Грачик. — Смотри, из-под тебя пузыри скачут. Брюхо, видать, хорошо работает!

Васька поднялся. Он был цел и невредим. Упав на мягкий песок в шинели, он мячиком попрыгал по откосу и бухнулся в болото. С него ручьями бежала грязная вода. В животе глухо урчало.

Грачик расхохотался.

— Медвежья болезнь!... Иди за кусты, почистись! — И Васька покорно пошел от них.

На станцию въехали тихо. На пути, на который предполагалось принять маршрутный состав, действительно стоял

пассажирский поезд, только что двинувшийся дальше. Он был задержан дровокладами.

Они поставили машину в депо. Верюжский и Дудик чистили ее дышла. Алексея удивила старательность в работе кочегара; Дудик, не жалея сил, энергично и тщательно возился с обтиркой машины. Это Алексею понравилось.

«Подмазывается, бес! — подумал он. — Впрочем, каждого человека можно научить хорошо относиться к делу. Да и куда Дудика девать? Надо помочь ему, а не наказывать».

Дудик шутил над Шуркой, который подозрительно оглядывался на него. Помощник все еще помнил о Паше Чижовой, которую надул кочегар. Алексей подошел к ним.

— Ты останешься на паровозе, — сказал он Дудику, — я сделаю из тебя хорошего помощника. Только ругаться буду здорово, если не по-моему будешь делать. Согласен?

— Разве я когда-нибудь против вас шел? Я всегда стараюсь... В кондуктора хотел переводиться, — ответил Дудик.

— Надо знать свое дело. Не нужно вертеться, Дудик, и прыгать от одной профессии к другой... Будешь ни рыба ни мясо.

— Грачик мне тоже сказал об этом. Деловой парень! — И Дудик рассказал о своей беседе с кондукторами, не обмолвившись, правда, ни словом о том, что он хотел очернить Юртанена.

В столовой закусывали кондуктора. Грачик потешался над Васькой Крайним, спрыгнувшим в болото.

Треугольник, ответственный за работу бригад, — Юртанен, Федоров и Верюжский, — составил донесение о следовании состава. Было установлено после осмотра и расследования, что разрыв произошел от излома сцепления, в чем машинист не был виноват. Единственным недостатком работы бригад оказался случай с Васькой Крайним, покинувшим свой пост в критический момент. Дело о нем решили передать на рассмотрение товарищеского суда.

Васька закручинился. Грачик заметил это.

— Да ты не горюй! Прими это как должное. Когда прыгал, ты ведь всех нас подводил под гибель. Обижаться нечего. Подумай о своем поступке как следует, а на будущее накрути себе на ус. Так-то лучше будет!

Закусывали молча, потому что торопились домой. Илмару жалко было пригорюнившегося Ваську.

— Однаке пора! — зевнул Грачик.

Когда Алексей переходил пути, свежий паровоз выходил из депо на поворотный круг. Свисток паровоза всколыхнул ясное, спокойное утро. Вместе со звуком из свистка вырвалось светлое облачко пара и, тихо поднимаясь, медленно таяло в воздухе. Алексей узнал машиниста. Он приветливо помахал рукой, желая счастливой поездки.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

В кооперативе не выдали причитающуюся норму сельдей, хотя улов в этом году был удачный. Сотни бочек рыбы ежедневно погружались в вагоны и отправлялись на юг, а население рыбного района оставалось совершенно без рыбы.

Газета «Полярный гудок» взялась за расследование этого положения. К стыду ее, она поздно обратила внимание на вопросы рабочего снабжения. Занятая спаренной ездой, ремонтом и другими производственными задачами железной дороги, газета совершенно не следила за снабжением. Редактор горячо взялся за дело. Несколько бригад демонстративно отказались от обеда в закрытой столовой: кислых щей с капустой — на первое и тушеной капусты — на второе, — назвав такую еду «силосом». Закусив только одним хлебом, бригады отправились вести составы. Вахонен, взбешенный, примчался к районному парторганизатору и потребовал для ведущей профессии — тяговиков — лучшей пищи. Парторганизатор взялся за председателя ТПО Мухина, ответственного за снабжение железнодорожного района. «Полярный гудок» требовал немедленного созыва продовольственной конференции. Приводились примеры освоения земли за Полярным кругом совхозом «Индустрия» при Химкомбинате, организации животноводческой и кролиководческих ферм. О Мухине газета писала, что председатель райТПО преступно проспал весенний лов сельдей.

С сельдяным ловом обстояло так. Рыбацкие артели, за-контрактованные государством, сдавали свой улов Рыбтресту, который только известный процент оставлял на местные нужды. Местным организациям предоставлялись широкие права по самоснабжению рыбой. Председателем ТПО Мухиным была организована к весне рыбацкая артель, куплены сети, лодки и прочее. «Полярный гудок» описывал дальше,

что, приготовив инвентарь, затратив на это большие средства, Мухин не позаботился лишь о самом главном — о подборе людей, не нашел ни одного сведущего и опытного рыбака, а укомплектовал артель из любителей железнодорожников: стрелочников, кондукторов и чернорабочих, оправдав таким составом басню Крылова: «беда, коль сапоги начнешь тащить пирожник...» Любители эти умели хорошо удить, но вовсе были неспособны к массовому лову. Железнодорожная рыбацкая артель не знала тоней, не умела обращаться с сетями. Артель выехала на лов поздно, когда уже рыбаки-поморы досыта наловились. В первые же дни горерыбаки порвали сети, не умели починить их и за все время хода сельдей были посмешищем в заливе. Председатель Мухин скрывал от руководящих работников положение артели, не понимая того, что скрыть было невозможно, так как определенная масса людей требовала определенного же количества продукции, которой нехватало. Мухин растрачивал старые запасы и, наконец, вынужден был дать квашеную капусту к обеду в самый разгар сельдяного лова.

Призыв «Полярного гудка» о созыве продовольственной конференции подхватили женские организации.

Организатором женщин при отделе тяги работала Софья Петровна Жукова. Самой активной делегаткой была Евстоля Екимова, мать Веньки. Как только Венька устроился лаборантом при кабинете Осоавиахима и вскоре приобрел уверенный тон нужного для общества человека, Евстоля готова была богу молиться на сына. Сын неизменно твердил матери, что: «никто не даст нам избавления — ни бог ни царь и ни герой» и что «воевать мы не хотим, но к войне готовы». Последнюю песню он умел особенно хорошо насвистывать. Однажды командир погранотряда, занимавшийся кружком Осоавиахима, похвалил Веньку перед Евстольей. Когда же Венька провел мать в кино бесплатно по черному ходу, бросив выглянувшей из своей комнаты сторожихе отважно и решительно: «свои», Евстоля решила, что теперь Венька «вышел в люди». Правда, после заведующий клубом просил Веньку не своевольничать, но Евстоля не знала об этом. Евстоля всем своим нутром чувствовала, что сын ее растет, крепнет, выходит в люди, делается большим. Сын уверил, что все это потому, что он надежно «спаялся с коллективом», и советовал матери «не отставать от жизни». Мать подумала-подумала да и решила: «попытать разве? Бабы ходят... Нынче, того и гляди, с пайком обидят, либо

что другое, мало ли?..» С такими мыслями она пришла к Жуковой. Софья Петровна дала дело Евстоле — выращивание свиней при столовой. Евстоле дело понравилось, и постепенно, посещая собрания, она становилась другим человеком.

Жукова решила устроить общее собрание всех домохозяек при отделе тяги, чтобы обсудить наказания делегаткам на продовольственную конференцию.

Евстоля ходила от барака к бараку и зазывала:

— Бабы, никто не позаботится об нас, ежели мы сами для себя не сделаем. Раз мы, железнодорожники, около дороги живем, питаемся — и следить должны, чтобы все было в порядке.

Она зашла и к Цветковой, чтобы позвать на собрание. Любовь Михайловна в это время жарила на кухне котлеты, рассказывая Бороухиной и Кате Шершавиной о новых недостатках, обнаруженных в кооперативе.

— Настроили колхозов... Мужиков прикрепили. И у нас, на железной дороге, бригады к паровозам прикрепили. Что это такое, чать не при буржуях живем! — поджала губы Цветкова. — Мужья теперь покоя не знают, и за жен взялись. Всем работы по горло, а пищи наработать не могут!..

— Этого я не знаю! Обсудить я зову на собрание, — решительно вставила Евстоля.

— Обсудить? А не пойдешь — саботажником назовут! — съязвила Любовь Михайловна.

— Как хочешь. Хочешь — голодной оставайся дома, хочешь — сама для себя поработай добровольно! — отбила атаку Евстоля. — Видела на улице объявление? А ты не изволишь даже узнать, о чем бабы балакать собираются?

— Не могу я итти! Я женщина нервная, больная! — И Любовь Михайловна, забрав котлеты, прошла мимо Евстоли, шурша наглаженным платьем.

— Значит, кончено? — махнула рукой Евстоля. — Ну, а ты, Катя, как?

— Я, право, не знаю, — смутилась та. — Муж уехал... Не на кого квартиру оставить.

— Эва! Квартиру!.. Я ребятшек оставила! — вставила Евстоля. — Ты, Бороухина, что скажешь? — обратилась она.

Бороухина варила на примусе в полуведерной кастрюле суп. Она молча открывала крышку и болтала ложкой, не вмешиваясь в разговор. При вопросе Евстоли она положи-

ла ложку на стол, убавила огонь в примусе и сняла кастрюлю.

— Я бы пошла, бабоньки, да боюсь, муж осердится. Придет со службы, а накормить его и некому, — задумчиво произнесла Бороухина.

— Эх, ты! — покачала головой Евстоля. — Доколе ты под пятой мужа жить будешь? Он у тебя смиренный мужик, плохого не скажешь. Только и смирен, да свою линию гнет. Все ему припаси, подай! Знаю их, смиренных! Последнему-то ребенку который год?

— Восьмой! Первый год учится.

— Не о чем и говорить! — встала с места Евстоля. — Сама вот не знала, что делать. Ладно — сын Венька намекнул. Говорит, линии у тебя нет. Нашла свою линию и теперь не отступлюсь.

— Который тебе год-то? Больно востра стала, — спросила ее Бороухина.

— Сорок пятый! А тебе?

— Сорок два.

— После сорока-то лет из-под власти мужа и выйти!.. Так придешь?...

— Поставлю суп, да и за вами, — согласилась Бороухина.

— Пошла дальше, — сказала себе Евстоля и вышла из дома.

2

На собрании Мухин, потев, отчитывался в своих грехах. Всем было ясно, что человек взялся не за свое дело и не мог выполнить его; надо было переизбрать кооперативный совет, влив в него свежие силы. После Мухина на сцену вышел докладчик от районного отдела снабжения. Это был широкоплечий, тяжеловесный мужчина с подстриженными усами и гладко выбритыми щеками. От него исходило сияние солидного благополучия. Он с улыбкой раскланялся с президиумом, сидящим за длинным столом, покрытым красной материей, подошел к столику у рамп, отодвинул графин с водой, звякнул стаканом и разложил коричневый портфель со светлыми пряжками на две половинки. Живо выбрал нужное и сначала тихо, а потом все более возвышая голос, уверенно заговорил о положении снабжения.

Машинисты, кондуктора, слесаря, дежурные по станции, стрелочники, ремонтные рабочие наполняли зал клуба, —

все обветренный, крупный железнодорожный люд, резко выделяющийся во всякой другой публике иных профессий. Среди темных фигур мужчин в форменных тужурках и шинелях с разноцветными кантами ярко пестрели цветные платья женщин.

Александра пришла на собрание с Нинкой Настиной. Они втихомолку разболтались и не глядели на сцену; с задних рядов было плохо слышно, о чем там говорили, и еще мешали парни, сидевшие неподалеку и затеявшие с ними переписку.

В задних рядах, под балконом, было плохо освещено, и быстрая, легкая фигура Александры вводила парней в заблуждение относительно ее возраста. Они просили у нее свидания, приглашали на завтра после работы в кино, угощали конфетами. Парни пускали в ход все средства, чтобы познакомиться. Это смешило Александру. Она написала короткую записку и затем отдала ее Нинке для передачи парням.

В это-то время и выступил докладчик от района. Александра сунула блокнот и карандаш в сумочку и устремилась глазами на сцену.

Вдруг она побледнела, уцепилась руками в плечо Нинки. Та в недоумении повернулась к ней.

— Он, — прошептала Александра.

— Кто?.. Где?.. — оглядывала собрание Нинка.

— На сцене... мой первый муж... Пепеляев... — отвечала Александра, волнуясь.

Александра смотрела на Пепеляева, следила за каждым его движением, вслушиваясь в голос. Ничто не изменилось в нем. Он все тот же, каким она знала его семь лет тому назад, только слегка пополнил. Те же подстриженные усики, те же глаза, пронзительные, властные. Одет так же, как и раньше: просто и вместе с тем изящно, со вкусом; белоснежная сорочка оттеняла полное загорелое лицо с иссиня-темным подбородком. Голос был все тот же, уверенный, сильный, с капризными, придиричвыми нотками.

— Кажется, на афише была другая фамилия докладчика? — припоминая, тихо спросила Александра.

— Не знаю, я не запомнила. Ты говоришь, это и есть самый Пепеляев? — насторожилась Нинка.

— Да, — подтвердила Александра.

Нинка заволновалась. Она вспомнила, что фамилия на афише начиналась не с этой буквы. Толкнув в спину сидев-

этого впереди мужчину, она спросила, не знает ли он докладчика? Тот не знал.

— Спроси дальше. Может быть, кто и знает, — наказала она.

Шопот пробежал по зале, возвратился обратно, и передний сосед Нинки сообщил ей:

— Пожигаев... Инструктор райснаба... Недавно приехал.

— Нет, с той буквы... Тоже с «пэ». Пожигаев это, а не Пепеляев, — сказала Александра Нинка.

Александра молчала. Она вслушивалась в речь Пепеляева, призывающую преодолевать трудности, и никак не могла сосредоточиться; ей слышалось в его словах совершенно другое, противоположное.

— Это Пожигаев, — повторила Нинка, думая, что Александра не слышала.

— Нет, это Пепеляев. Я не ошибаюсь, — тихо ответила Александра.

— Как же это? — спросила Нинка громко.

— Пойдем отсюда... — поднялась с места Александра. — Я не могу его видеть...

Парни, пристававшие к ним, тоже было тронулись за ними, но Нинка осадила их, послав к чорту. Один из них, рассмотрев Александру, когда она проходила мимо, неожиданно произнес густым басом:

— Фу, незадача!.. Алешки Юртанена жена, — и нырнул в гущу парней.

На землю спустились сумерки. В саду перед клубом было тепло и тихо.

Александра и Нинка прошли по аллее и сели на скамейку. Александра волновалась. Нинку интересовала перемена фамилии Пепеляева. Она настойчиво твердила о том, что это неспроста. Александра подтвердила:

— Конечно. Я знаю его хорошо. То, о чем он говорил со сцены, в этом нет ни одного слова от сердца. Это напускное. Он — хамелеон, меняющий цвет. Когда я слышала от него призывы к выполнению плана, мне думалось, что он призывает к саботажу, вредительству... Вот он какой. И притом перемена фамилии... В двадцать пятом году он был крупный спекулянт. Я уверяю, — воскликнула Александра, — он или украл у кого-нибудь, или подделал документы.

Она не могла утерпеть, чтобы не рассказать Нинке историю с Пепеляевым. Семь лет тому назад встретила она с ним в Ленинграде, когда училась в институте. На вече-

ринку у подруги пришел широкоплечий, с подстриженными усиками и гладко выбритыми щеками, уверенный в себе молодой человек. Это был Пепеляев. Подруга познакомила его с Александрой.

После некоторых встреч она переехала жить к нему. Служить он ей не давал, хотя она окончила институт. Он говорил, что не хочет слышать о дурацкой независимости женщин, о всех этих деловых ужимках, точно женщины не есть просто жены, не больше.

Пепеляев вдруг изменился по отношению к ней. Он стал неряшлив в одежде, часто пил, напиваясь до последней степени, еле приходя домой. Он грубо требовал к себе уважения и упрекал ее в невнимательности. Стал ревновать, хотя она редко выходила из дому и ни с кем не встречалась. Однажды он прямо сказал, что она изменяет ему. Она поняла, что больше жить с ним не может, и сказала ему об этом. Он не удивился и со смехом сказал ей, что он взял ее, насладился и больше ему ничего не требуется от нее, может уходить, — скатертью дорожка.

Она уехала. Поступила работать на железную дорогу, в школу. Потом она встретила Алексея.

Когда Александра вновь рассказала о встрече с Пепеляевым, Нинка, все более возмущаясь, готова была расправиться с ним собственными руками. Сильная Нинка могла натворить чудеса мужества и отваги; в нужные минуты, охраняя состав вагонов, она могла закрутить ручкой тормоз так, что скрипели колодки.

— Надо сейчас же сказать о нем нашим ребятам. Нечего Пепеляеву на собрании разводить турысы на колесах, — решительно встала с места Нинка.

— Да, я скажу мужу, — поднялась и Александра.

В зале они разыскали Алексея и рассказали ему, в чем дело. Алексей уже знал о Пепеляеве.

— Ты говоришь, в двадцать четвертом году жила с ним? Много воды утекло после этого. Тогда еще была безработица... Может быть, он спекулировал из нужды. Было время — и рабочие зажигалки делали и меняли их на хлеб. И Пепеляев, может быть, давно бросил это дело и работает на славу. Доклад он сделал неплохой... Парень толковый, — рассудил он.

Е это время Пепеляев, сидя в президиуме, отвечал на записки, поданные ему после доклада. Держался он деловито; отвечал громко и уверенно.

Алексей внимательно слушал. Его большая голова с открытым широким лбом, сильное туловище — все выражало спокойствие, граничащее с равнодушием.

— Раньше он ненавидел все новое, сейчас я не знаю, каков он, — ответила Александра.

— А фамилия? — опять громко обратилась к Алексею Нинка, так что на нее обернулись впереди сидящие. — Зачем он переменял фамилию? — упрямо произнесла она.

— Фамилия, — раздумчиво произнес Алексей. — Действительно, это подозрительно.

— Ну, вот, — зашептала Нинка. Она требовала от Алексея, чтобы он выступил на собрании с разоблачением Пепеляева, — иначе это сделает она сама, хотя ни разу не говорила при большом скоплении публики, не умеет сказать связно, застыдится и уйдет со сцены. Алексей не соглашался, настаивая на том, что надо узнать человека и потом уже действовать. Затем он должен переговорить с секретарем партийной ячейки, посоветоваться, как быть. Райснаб, где работает Пепеляев, находится не за горами.

Александра начинала склоняться к мнению мужа. Торопиться незачем. Но Нинка устыдила их. Разгневанная бездейтельностью Алексея, она хотела идти прямо в президиум и сказать о Пепеляеве. Тогда Алексей придумал, как можно быстро узнать, изменился ли Пепеляев. Он предложил Александре встретиться и переговорить с ним. По тому, как отнесется Пепеляев к ней, что он скажет о перемене фамилии, можно будет судить о нем, теперешнем. Нинка отвергла и это.

— Я, пожалуй, поговорю с ним, — сказала Александра.

И на этом порешили. Все трое ждали конца собрания с нетерпением. Алексей выступал в прениях, подметив несколько неверных установок докладчика. Он толково рассказал собранию, как нужно взяться за дело рабочего снабжения. Пепеляев, слушая его, записывал эти указания. Алексей, глядя на Пепеляева, зорко изучал его с опытностью машиниста, привыкшего в мгновение охватывать глазами большие расстояния и не пропустить ничего мимо.

Александра готовилась к встрече с Пепеляевым: беспокойное чувство от неожиданно нахлынувших на нее жутких воспоминаний прошло. Она надеялась дать отпор ему, проучить за прошлое. Нинка твердила ей, чтобы она по-настоящему разузнала от него, что он делал за семь последних лет, каков он сейчас, каковы его взгляды. Она вырабо-

тала план встречи: Александра подождет его у входа в клуб и поведет по тропке к реке. Там никто не помешает. Для того чтобы ничего не случилось с ней, Нинка и Алексей укроются неподалеку за кустами и будут наготове оказать ей помощь, если потребуется.

— По твоим рассказам, от него можно всего ожидать, — говорила Нинка. — Вишь, мурлетка какая, — указала она на Пепеляева.

3

Александра поджидала Пепеляева в вестибюле. Нинка с Алексеем стояли поодаль, у книжного киоска.

Он вышел один, быстро пробираясь сквозь теснившуюся в дверях публику. Перед его плотной, размашистой фигурой сторонились, давая дорогу. Он смело шел вперед, поигрывая объемистым портфелем со светлыми пряжками.

Александра перегородила ему дорогу.

— Здравствуйте!

Пепеляев вздрогнул; мгновенно оглянулся по сторонам и живо протянул руку. Она пожала ее холодеющими пальцами.

— Рад с вами встретиться, — сказал он. — Вы давно здесь? Одни? — Он ловко взял ее под руку, и Александра не успела опомниться, как они уже были на улице.

Народ расходился по домам. На станции неугомонно шла работа. Маневровые паровозы, перекликаясь гудками, рассортировывали вагоны. Освещенные стрелки испещрили пути сигнальными фонарями. На перроне толпилась публика, поджидая пассажирский с севера. Отдаленно слышался глухой рокот приближающегося поезда.

Александра и Пепеляев шли от клуба к реке, где было совершенно безлюдно.

— Ты сказала кому-нибудь обо мне? — спросил он тихо.

Она подняла голову. Пепеляев приблизил свою. В вечерних сумерках он увидел близко от себя такие знакомые, нежные глаза. От него шел запах табака и еще чего-то противного. Александра нервно отвела голову. На миг она увидела на темном небе крупные, яркие звезды. Семизвездие Большой Медведицы запрокинулось огромным ковшом, выкинув ручку вверх к Полярной звезде. Одинокая, неподвижная Полярная далекой мерцающей точкой светилась над головой.

— Мы расстались врагами. Помнишь? — спросила она.

— Ах, это была молодость. Столько неуравновешенного. Стоит ли придавать этому значение?

— Может быть. Я также была глупа. По глупости и сошлась с тобой.

— Будем друзьями. Право, я сохранил о тебе самые нежные воспоминания.

— Спасибо. Я тоже... простила тебя... потом... Знаешь за что?..

— Нет.

— За то, что ты дал мне крещение в жизнь. Дал, как беспризорнику, путевку в жизнь.

Правда, это вышло у тебя слишком... нагло. — Последнее слово она произнесла твердо, прямо глядя на него.

Пепеляев смутился. Но он, видимо, не хотел расстаться с ней врагами. Он деланно улыбнулся.

— Слишком строго, Александра, — сказал он. — Грехи молодости. Кто из нас не ошибался! Глупец тот, кто не признает своих ошибок, хотя ему и укажут на них; умнее тот, кто умеет во-время исправиться. Я пережил за это время многое...

Он пристально глядел на нее. Чем взять женщину, чтобы перетянуть ее на свою сторону или по крайней мере найти в ней сочувствие?

— Выслушайте меня, — начал он, переходя на вежливую форму обращения. — Минуточку. Я все вам расскажу. Ничего не скрою. Только одно, только одно прошу запомнить: я — несчастный человек. Несчастный с самого детства, с раннего, милого детства. Я не видел матери. Вы поймите, что это значит. Вы мать? — спросил он пытливо, перестав рассказывать.

Александра молчала.

Пепеляев взял ее за руку.

— Помнишь наши первые встречи? Кажется, ты любила меня? Правда? — допытывался он, переходя неожиданно на «ты».

— Да, — сказала она.

Он понял другое. Глядя на нее, такую легкую и хрупкую, ему представилось, что она помнит о первых днях с ним с сожалением, как о невозвратном, дорогом. Он разыскал среди камней площадку мягкого моха и усадил ее, расположившись около ее ног.

Перед ними играла пенистая река, вся в блестках лунного света. Небо усеяно звездами. Молчаливые горы вытянули

кверху свои голые вершины. Маленькие облачка скользили над ними. «Совсем кинематографический вид» — подумал он.

— Я не ожидал, что на севере такая красивая природа.

Она не ответила. Он придвинулся ближе к ней; она не отстранилась. Смелый в обращении с женщинами, привыкший к победам, Пепеляев решил испытать последнее средство: притвориться влюбленным.

— Александра, — сказал он, — мы жили вместе четыре месяца. Срок большой, чтобы хорошо узнать друг друга. Я люблю тебя, любил со всем пылом юности, любил, забывая все на свете. Не перебивай... Ты упрекаешь меня за последние дни... Да, я был несправедлив с тобой. Хуже: жесток. Был грязной свиньей. Все, все принимаю. Все твои обвинения. Не оправдываюсь. Я был неправ. Но пойми... Я изменился к тебе в те дни, когда мои дела были плохи. Не скрываю, я был тогда богатым человеком. И однажды я влип. Я потерял на одной поставке, — буду называть прямо: на одной афере, — все свое состояние, оставались гроши...

Она думала в это время, что пора идти домой. Куда девались Нинка и муж? Не ушли ли они домой, чего доброго? Излияния Пепеляева в любви не вызывали в ней никакого чувства; ей было скучно. От реки было холодно; она дрогла в легком платье.

— Скажите, почему вы переменили фамилию? — оборвала она его длинную речь.

Он хмуро спросил:

— Вы сказали кому-нибудь об этом?

— Это разве тайна? Нужно скрывать?

— Вам нет дела до этого, — резко ответил он.

— Значит, я могу подумать...

— Вы сказали кому-нибудь? — повторил Пепеляев с угрозой.

— Сказала... подруге... и мужу... Знаете, я замужем...

— Какое мне дело до вас! — вскричал он. — Значит, мне здесь не быть?..

— Придется покаяться, — равнодушно ответила Александра, вставая и собираясь домой.

— Придется ли? — перегородил он ей дорогу.

— Пустите! — крикнула она с ужасом, заметив его угрожающее движение.

Нинка и Алексей вышли из-за кустов.

Пепеляев побежал крупными прыжками по камням вдоль

берега реки. Алексей понял, что бегство Пепеляева было неспроста.

Пепеляев нырнул в кусты и скрылся из виду. Алексей кричал группе людей, шедших со станции. Они прибежали к нему. Он объяснил, в чем дело. Среди прибывших оказались Андрюха Шкутов и Венька Екимов, шедшие из клуба. Шкутов разволновался и, замахав руками, бросился вслед за Пепеляевым.

— Сюда, ребята, сюда! — кричал он на бегу.

Голос его еще долго звенел в кустах, метаясь из стороны в сторону. Наконец, он радостно заорал:

— Здесь... Здесь... Сюда, ребята!..

Заглушая его крик, раздался выстрел.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

— Недоставало, чтобы мы, инженеры, — ворчал Рудный, придя на собрание ИТР, посвященное продовольственным вопросам, — похлебкой занимались!

— Дружище Рудный, — встретил его Вахонен, здороваясь, — поберегите ваше недовольство, когда будете выступать по докладу: это пригодится для того, чтобы отыскать истину.

— Нет, я ничего не понимаю, где и как найти пищу и как ее приготовить!.. Говорят, сегодня обсудим открытие итровой столовой?.. Я прихватил на этот случай Анну Ивановну; она опытнее меня.

— О! вас непременно нужно избрать в комиссию, — сказал Вахонен, обращаясь к жене Рудного.

— Я буду самым несносным членом комиссии. На меня угодить очень трудно, — ответила Анна Ивановна.

— Вы не будете в этом деле оппортунистом, — посмеялся Вахонен. — Очень важно не сдавать и... изменять переменные... Помните, товарищ Рудный?..

— Да... Я ошибся в расчетах, — сознался он. — Но... это — наука, это точно!.. В наших депо выросли новые переменные, которые надо тоже изменять. И если подсчитать, то... коэффициент альфа и прочее и теперь так же, как и тогда, будут бить по носу...

Анна Ивановна, недоумевающая, посмотрела на говоривших: о чем они болтают?

— Вынесем? — спросил Рудный.

— Должен вынести, — ответил Вахонен.

— Вон там свободные места, — указала Анна Ивановна и потянула за собой мужа. Вахонена она не пригласила.

Вахонен усмехнулся и, пошел сзади, пробираясь между рядами стульев. Места оказалось на троих. Вахонен поместился рядом с Анной Ивановной.

— Сообщу вам приятную новость, — сказал он ей.

— Какую? — в вопросе ее чувствовалось недоброжелательство к секретарю.

— Сегодня на заседании жилищного бюро вам предоставлена новая квартира.

— Как? — обрадовалась Анна Ивановна. — Ведь ты же не подавал заявления? — спросила она мужа.

— Заявления? — нахмурился Рудный. — Нет, не подавал. Притом у нас же есть квартира... Вообще я не терплю подавать куда бы то ни было заявления, просьбы...

— И все-таки вам дали, — вставил Вахонен. — В новом доме, недалеко от районного управления. Бюро решило, что вам уже надоело ездить на службу на маневровом паровозе. Лишние неудобства...

— Что ж... это... не плохо... — сказал Рудный смущенно.

— Это очень хорошо, товарищ Вахонен, — подхватила Анна Ивановна. — И я вам очень благодарна, — расцвела она. — Муж так поздно приходит с работы, чаще всего пешком... Весной, осенью дороги размыло... Темень... Очень, очень благодарна, — повторила она... — Теперь я окончательно ничего не имею против избрания в комиссию. Раз это будет недалеко от дома, я буду каждый день торчать в столовой и добьюсь, чтобы обеды были хорошие...

— Это главное! — подтвердил Вахонен и поднялся с места. — Пойду подтолкну ребят, чтобы начинали собрание...

— Он очень мил, такой заботливый... Я не знала, — сказала мужу Анна Ивановна про Вахонена. — Мы будем иметь новую квартиру? Это очень хорошо. Я тебе давно говорила, что задняя стена промокает и вечно сырая... А ты не спросил, сколько у нас будет комнат? — спохватилась она.

— А... м-м... да... — невнятно проворчал Рудный. Забота Вахонена ему была по душе, но он не хотел сознаться в этом.

— Приходится вечно заботиться обо всем одной, — капризно заметила Анна Ивановна, не получив ответа. Она

отвернулась от мужа и посмотрела кругом, приветливо раскланиваясь со знакомыми.

Рудный с нескрываемым недовольством дожидался начала собрания. Он торопился уйти к озебе в кабинет и заглянуть в свежие сводки по району. Процент больных паровозов снижался, но все еще не доходил до заданной нормы; дело надо было двинуть вновь с решительностью и умением. По всем депо его района отставали с мелким текущим ремонтом. И если Рудный вывернулся со средним ремонтом, подпяв на ноги безнадёжно запущенные машины, в то время когда главные мастерские, загруженные работой, не могли ему помочь, то с мелким ремонтом дело обстояло, пожалуй, еще сложнее: здесь одной изобретательской головой не обойдешься, нужна повседневная настойчивость и знания; нужно как можно больше людей, отлично справляющихся с незначительными, но в работе машины существенными поломками. Он пожалел о своем помощнике Гуторовиче, уехавшем в главные мастерские; горячий и неуравновешенный был человек, но преданный. Взамен Гуторовича Рудному дали только что окончившего институт инженера; надо было его учить и следить за ним тщательно. Рудный на минуту задумался о проблеме «отцов и детей». Еще не было случая, чтобы «дети» вытесняли его с места, наоборот, он учил их и дотягивал до себя. Наступит ли такой момент, когда и его попросят освободить должность и назначат куда-нибудь на затычку?.. И тут же Рудный поправился: проблема «отцов и детей» сейчас решается иначе... И отцы и дети одного класса идут вместе. А если молодежь обгонит в опыте и знаниях?.. Так что ж, честь ей и место! Но еще поспорим! Он пожевал усы и потом расправил их в стороны.

Обернулся к жене и заметил ее взволнованное, оживленное лицо. «Ах, и хитрец же этот Вахонен! Двадцать лет живу с Анной Ивановной, а ни разу не видел ее такой веселой... Расцвела... Да... деятельность грезится. За двадцать лет я не додумался, чего ей нехватает...» — подумал Рудный не то с удовлетворением, не то с досадой.

Прозвенел звонок. Собрание началось.

2

Прочитывая свежие газеты, Алексей подозвал Александру. — Хочешь две с половиной тысячи заработать? — спросил он весело.

— С тобой заработаешь! То к Сеньке Новикову приревнуешь, то к Гуторовичу... А то твердишь целую неделю о Пепеляеве, — ответила Александра шутя.

— Пепеляевы еще везде и всюду могут встретиться. В снабженческий отдел втерся... Свои дураки, вроде Мухина, воронят — плохо, но уж и от Пепеляева не жди добра. Теперь мы в кооперацию народ подобрали — кремень! Шершавина ввели в совет коопуполномоченных. Давно пора была за Дмитрия взяться. Бешеная энергия! Да... И здоров же этот Пепеляев! И не трус. Отстреливаться начал. Хорошо — промазал, а то убил бы Андрюху Шкутова. Не подвернись Венька Екимов сзади, — огрел колом по шее, — не одолеть бы... Так хочешь заработать? Потом в Крым вместе поедем...

— Крым?.. — улыбнулась Александра. — Не до Крыма — пеленки готовить пора...

— А!.. — обнял ее Алексей. И тут же с мужским эгоизмом подумал: «Будет сын...»

Он развернул «Правду» и начал читать. Через неделю объявлялся старт первого Всесоюзного конкурса спаренных бригад. Для спаренных бригад назначались твердые условия ежемесячного пробега, наибольшей экономии топлива, стопроцентное закрепление спаренной езды, отсутствие порч паровозов в пути, прибытие паровозов к финишу в лучшем состоянии, чем он был на старте, и активная общественная работа. Александра прослушала внимательно.

— Чем же я помогу? — спросила она, когда Алексей кончил чтение.

— В работе я постою, — задумался Алексей. — И Саволайнен не сдаст... Даже кочегар Дудик... Представь, он женился на Паше Чижовой. Она стала делегаткой женотдела. Учится!.. Готовится в лаборантки Океанографического института... Там на чешуе рыб, что ли, работать?.. Жена у Дудика студентка! Забавно?.. А?.. Да, все учатся, — помолчал Алексей. — Учатся, — повторил он.

Алексей облокотился на руку и глядел на страницу газеты, ничего не видя.

— Давай-ка займемся математикой, учитель, — предложил он.

— Что ж, вынимай тетрадки, ученик, — ответила Александра.

Вечером он ходил устраивать в клубе комнату, предназначенную для занятий кружка технической пропаганды.

Несколько сот томов технических книг были занумерованы и расставлены по полкам; были выписаны технические журналы; в одном из углов комнаты смастерили деревянную будку машиниста, прикрепив на деревянном же котле всю арматуру, которой управляет машинист. Арматура была настоящая, свежепротертая, блестящая медной оправой; получалось полное впечатление действительной будки: подходи к частям машины, разбирай и изучай!

Алексей устанавливал приборы и все думал о больших возможностях учебы и о том главном, что помогало свладеть техникой. За последнее время он увлекся математикой и считал эту науку основой всего, прочным фундаментом техники. Он не думал еще поступать в вуз, считая себя недостаточно подготовленным, но, и не предугадывая поступления в институт, неотступно одолевал премудрость средней школы. Математика ему давалась; хуже подвигались занятия физикой.

Из клуба Алексей шел поздно. Стояли белые ночи. Легкий туман поднимался от залива. На постройках было тихо; оторвавшаяся где-то доска прогремела, как взрыв. В тихой задумчивости склонилась вершина горы Крестовой; подножие ее опоясывали такие же тихие, синие, сквозь туман, леса. Алексей посмотрел кругом и подумал о богатствах, которые таят в себе недра страны, ждущие прикосновения руки хозяев. Купеческая елка его с елки упала шишка. Он наклонился, поднял ее и донес до дому, нюхая крепкий смоляной запах.

Ленинград — Кандакша 1931—1932 гг.

